Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского»
Научно-образовательный центр
«Культуроцентричность научно-образовательной деятельности»

Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах

Коллективная монография

Ярославль
2013

УДК 008.001.14
ББК 71.0; 85.0
М 74

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Работа выполнена в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (Соглашение № 14.B37.21.0025) по теме проекта «Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах»

Рецензенты:
И. В. Малыгина, доктор философских наук, профессор, директор Института культурологии и музееведения Московского государственного университета культуры и искусства;
К. Э. Разлогов, доктор искусствоведения, профессор Всероссийского государственного университета кинематографии им. С.А. Герасимова, Заслуженный деятель искусств РФ

М 74 **Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах** : коллективная монография / под науч. ред. Т. С. Злотниковой, Т. И. Ерохиной, Н. Н. Лётиной, М. В. Новикова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2013. – 286 с.
ISBN 978-5-87555-887-0

В монографии представлен новый интегративный подход к уникальному явлению – культуре русской провинции, которая изучается как специфический и универсальный культурный феномен. Опыт теоретического моделирования и эмпирического изучения данного феномена осуществлен на основе разработанной коллективом авторской системы применения междисциплинарной методологии к изучению историко-культурных и актуальных аспектов жизни русской провинции. Авторский коллектив состоит из ведущих ученых научно-образовательного центра и молодых исследователей, что позволяет обнаружить преемственность процессов научной и образовательной работы в сфере изучения культуры русской провинции.

ISBN978-5-87555-887-0

© ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», 2013
© Авторы, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Модель культуры русской провинции: дискурсивный подход…… **5**

Часть 1. Теоретико-методологическое обоснование изучения русской провинции в аутентичном и историко-типологическом аспектах

Глава 1. Провинция в философском, социопсихологическом, социокультурном значениях (*Т. С. Злотникова*)…….... **19**
Глава 2. Идентичность в системе жизнеустроительной деятельности: провинциальное и региональное измерение (*Н. А. Дидковская*)……...……. **37**
Глава 3. Ойкумена русской провинциальной культуры (*Н. Н. Лётина*)……...……... **49**
Глава 4. Космополитизм и провинциальность в ментальной модели личности символиста (*Т . И. Ерохина*)…… **66**
Глава 5. Персонологический подход в исследовании бренда провинциального российского города (*А. П. Старшова*)…….. **89**

Часть 2. Научно-образовательная деятельность в контексте массовых и индивидуальных интенций

Глава 6. Научная школа и индивидуальные штудии как альтернатива массового сознания (*Т. С. Злотникова*)…….. **99**
Глава 7. Историко-типологический дискурс научной школы в России: опыт деятельности на рубеже XIX–XX вв. (*Ю. С. Никифоров*)……..…… **109**
Глава 8. Исторические аспекты отечественного образования в провинции (*А. М. Ходырев*)…… **138**
Глава 9. Динамика подготовки научно-педагогических кадров в провинции (ярославская модель) (*М. В. Новиков*)…… **145**

Часть 3. Молодой человек – субъект и объект построения модели культуры русской провинции

Глава 10. Эволюция социокультурной деятельности РПЦ в контексте глобализации (*А. В. Еремин*)……..……...….. **157**
Глава 11. Бинарность провинциальной среды в глобальном культурном горизонте (*Е. А. Шахова*)……. **183**
Глава 12. Палимпсест города: глобальное и локальное (*Т. А. Сиротина*)……...…….. **189**
Глава 13. Столичное и провинциальное художественное образование в русской культуре начала XX в. (*С. А. Добрецова*)……...……..... **193**

Часть 4. Индивидуальные и массовые интенции моделирования культуры русской провинции в глобализационном дискурсе

Глава 14. Социокультурный опрос жителей русской провинции в ментальном и глобализационном дискурсах (*Е. А. Шахова*)……...……. **224**
Глава 15. Русская провинция в восприятии студентов провинциального вуза: индивидуальный дискурс (*О. В. Горохова*)…...……..……. **232**
Глава 16. Личность провинциального интеллигента в индивидуальном, социально-профессиональном, национально-культурном и глобализационном дискурсах (*Д. Ю. Густякова*) ……...…… **242**

Сведения об авторах ……...……. **285**

Введение
Модель культуры русской провинции: дискурсивный подход

1.

Настоящая монография является обобщением исследований, проведенных в 2012–2013 гг. по проекту «Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах».

Целью нашего проекта было обоснование инновационных принципов построения модели культуры русской провинции как многогранно детерминированного и актуально значимого социально-культурного феномена.

У этого проекта давняя и многообразная предыстория: по сути, он аккумулировал не только конкретные изыскания последних двух лет, но и идеи, поиски и находки, совершавшиеся в течение 20 лет.

Так, за плечами у ряда авторов монографии – проведенные в течение названного периода научные мероприятия, конференции и круглые столы в реальном режиме (начиная с 1993 г., «Русская провинция и мировая культура», «1000-летний Ярославль. Российские смуты: истоки, последствия, преодоление», «Коммуникативные стратегии в культурном поле провинции» [1], «Образы города в горизонте российской динамики»), интернет-конференции (начиная с 2004 г., «Столицы и столичность в истории русской культуры», «Старый город в новой России» [2], «Науки о культуре в новом тысячелетии: хронотоп рубежей»).

Кроме того, подходы к решению проблемы, поставленной в данной монографии, помогли обозначить проекты, осуществленные по грантам, в том числе РГНФ («Концепты культуры XX века» [3], «Образы города в горизонте российской динамики» [4], «Культурфилософское обоснование трансформаций российского опыта в контексте взаимодействия глобального и локального»). В рамках программ, реализуемых ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, были проведены работы по группе проектов: «Личность в культуре», затем «Культура России в трансформирующемся хронотопе». Особое место в череде работ занял проект

«Методология изучения социально-культурной парадигмы личности в России XX–XXI вв.», осуществленный недавно в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» [5].

Таким образом, в преддверии написания настоящей монографии авторским коллективом были доказаны научные гипотезы, позволяющие идентифицировать русскую провинцию как специфический и соотносимый с мировой культурной традицией феномен. Выявлены закономерности и уникальные тенденции, описаны провинциальные артефакты, систематизированы научно-образовательные принципы, позволяющие коррелировать формирование личности в социокультурном горизонте русской провинции. В числе личностных проблем обозначены и изучены трудности самореализации, экзистенциальный вакуум, маргинальность. Произведено обобщение синхронических и диахронических принципов изучения личности и социума как структурообразующих культурологических констант. Введено и обосновано понятие *хронотоп русской провинции* как явление специфическое, мало зависимое от географических координат, имеющее корни в душе человеческой не менее, чем в истории. Теоретически обоснованы и практически апробированы приемы *социокультурных опросов*, учитывающих культуросообразные и научно-образовательные интересы исследователей и респондентов.

С 2008 г. координацию и разработку масштабных проектов осуществляет Научно-образовательный центр «Культуроцентричность научно-образовательной деятельности» (расширивший диапазон работы кафедры культурологии, существующей в ЯГПУ им. К.Д. Ушинского с 1990 г.), в ходе работы которого сформированы методологические подходы к изучению социально-культурной парадигмы личности в России XX–XXI вв. как репрезентативного и системообразующего феномена. Уже в ходе работы этого центра построена модель культуросообразной образовательной деятельности как актуализации ментального опыта; выработаны методологические принципы изучения социально-культурной парадигмы личности в современной России в аспектах самореализации и трансформаций; осуществлено методологическое обоснование интеграции культурфилософского и социально-психологического компонентов, а также историко-

типологического и нравственно-религиозного компонентов как концентров в изучении социально-культурной парадигмы личности в России XX–XXI вв. Наконец, – и это является особым, активно развивающимся направлением деятельности ярославских культурологов – произведена серия социокультурных опросов, представлен контент-анализ и разработаны материалы, обеспечивающие внедрение научных разработок в соответствии с принципом кластеризации «культура – наука – образование».

В последние годы также на новый уровень вышло изучение *провинциального исторического города* в России. Разработаны концепции взаимодействия бинарных оппозиций «город – провинция» и «универсум – константа». В ходе работ по поддержанному государственной программой проекту обоснованы интегративная культурологическая методология изучения провинции как культурной константы и сравнительно-типологическая методология изучения этапов и признаков трансформации исторического города. Разработаны и принципы построения культурологической модели взаимодействия сравнительно-типологических концептов «город», «универсум», «провинция», «константа» [6].

Значимость полученных результатов заключается в опыте формирования междисциплинарного научного поля, необходимого для осуществления оригинальных и методологически обоснованных исследований русской культуры в специфическом, трансформирующемся хронотопе; в социокультурной и духовно-нравственной актуальности поставленных проблем методологического обеспечения исследований трансформационных процессов в культуре России гуманитарного знания; в отсутствии прецедентов преемственности и широкого охвата общекультурной и национально-исторической, в том числе регионоведческой, научной проблематики как дискурса хронотопа; в опоре на неисследованный эмпирический материал, включающий в себя историко-культурные феномены XVII–XXI вв. и артефакты современной элитарной и массовой культуры; в значительном интеллектуальном и социально-нравственном потенциале историко-типологического обобщения культурных процессов России в диахроническом и синхроническом аспектах.

На основании многочисленных и многообразных науч-

ных исследований удалось разработать подходы к реализации в интересах развития культуры российских регионов *авторской концепции изучения и осуществления культуросообразных акций в русской провинции.*

2.

Решаемые в настоящее время и осмысливаемые в данной монографии научные *проблемы моделирования культуры русской провинции в нескольких научных дискурсах* в силу своего фундаментального характера требуют интегративного культурологического подхода к изучению бытия русской провинции как специфического культурного феномена.

Первый круг научных проблем – актуализация междисциплинарной методологии изучения историко-культурных и актуальных (нравственно-философских, религиозных, социально-психологических, эстетических) аспектов русской провинции как специфического (национально-ментального) и универсального (опирающегося на мировые традиции) культурного феномена. В основу изучения культуры русской провинции включаются социокультурные, семиотические, синергетические принципы, не имеющие традиции комплексного применения в данной научной сфере.

Второй круг научных проблем – это формирование дискурсивного подхода к построению модели культуры русской провинции. Авторский коллектив исходит из сформированных в ходе многолетних собственных исследований представлений о необходимости глубокой интеграции фундаментальных теоретико-методологических идей с детальным и последовательным эмпирическим обоснованием получаемых результатов. Названный круг проблем позволяет, в свою очередь, развить моделирующие представления о русской провинции в образовательном процессе, подготавливая новую генерацию исследователей и готовых к инновационным практикам креаторов социокультурных форм, имеющих активную гражданскую позицию и не испытывающих «комплекса неполноценности» от факта своего проживания в провинции.

Формированием интегративных научных принципов построения модели культуры русской провинции в контексте со-

циально-культурных, духовно-нравственных и политико-экономических реалий начала XXI в. востребовано последовательное осуществление дискурсивного подхода. Причем осуществление *аутентичного дискурса* значимо на протяжении всего процесса решения поставленной задачи, в то время как осуществление *историко-типологического* и *глобализационного дискурсов* может (а скорее всего, и должно) осуществляться поочередно.

В ходе осуществления исследования (*аутентичный дискурс*) был сформирован алгоритм и проведен ряд социокультурных опросов. По итогам проведенных опросов получен срез, характеризующий культуросообразные интенции «человека провинции», определены аутентичные характеристики и источники влияний на «человека провинции» в условиях глобализации.

Историко-типологический дискурс позволил осуществить обобщение личностных и коллективных признаков русской провинции на актуальном материале жизнеустроения работников современных градообразующих предприятий (культурный опыт воздействия на провинциальную среду коллективов промышленных, транспортных предприятий). Важным является опыт привлечения историко-культурных, в том числе компаративных, подходов, расширяющих представление о духовном пространстве провинции. Указанный дискурс обусловливает получение синхронического среза жизни русской провинции и определение точек роста личности «человека провинции» в современных культурных условиях.

Глобализационный дискурс предполагает актуализацию проблематики массового сознания и массовой культуры, что носит инновационный характер применительно к изучению культуры русской провинции. Вопреки транслируемому на протяжении нескольких десятилетий представлению об альтернативности русской провинции (как консервативной и духовно чистой сферы) и массовой культуры (как сферы, аккумулирующей в себе негативные социально-нравственные и эстетические тенденции), – авторский коллектив настоящего проекта считает необходимым исследовать именно интеграцию масскультовских тенденций и провинциальной жизни. Глобализационный дискурс способствует углублению представлений о противоречиях

духовной жизни в современной провинции и моделированию новых подходов к социокультурной проблематике и – в итоге – перспективам развития русской провинции. Следует отметить, что, кроме немалого количества статей [7], участники настоящего проекта уже издали учебное пособие, отразившее новые подходы к пониманию взаимной корреляции проблемы провинциальности и глобализации [8].

Авторским коллективом настоящей монографии определены и уровни, на которых осуществляется заявленный нами дискурсивный подход к проблеме разработки модели русской культуры.

Эмпирический уровень предполагал обоснование аутентичного дискурса построения модели культуры русской провинции и позволил осуществить уникальные эмпирические исследования, а также привести во взаимное соответствие индивидуальные и коллективные (групповые) интересы российского населения, изученного в ходе социокультурных опросов, не только направленных на выяснение установок, предпочтений и ожиданий, но имеющих воспитательное значение как для исследователей, так и для респондентов, в первую очередь молодых.

Теоретико-методологический уровень предполагал обоснование историко-типологического дискурса построения модели культуры русской провинции и позволил произвести теоретико-методологическое обобщение разнородного научного материала и выявить логические связи констант отечественной культуры, опирающейся на стабильность и динамичность взаимодействующих регионов и столиц, в итоге – обозначить пути снятия социально-психологического и культурно-нравственного напряжения в жизни современной российской провинции.

Интегративно-культурологический уровень предполагал обобщение получаемых результатов и экстраполяцию их в опыт русской провинции в ее широком смысле, для чего был обоснован глобализационный дискурс построения модели культуры русской провинции, что, в свою очередь, позволит соотнести индивидуальные и массовые интенции, характеризующие самосознание личности и группы, удаленные в силу внешних обстоятельств от мировых и национальных культурных центров, и выявить пути гармоничного и продуктивного включения жителя русской про-

винции в мировые глобализационные процессы.

Материал исследования, который будет далее развернут в отдельных главах, – личностные, групповые и массовые признаки «человека провинции» как моделирующего основания русской провинции. В качестве материала исследования будут задействованы образовательные и художественные стратегии провинциального социума, особенности гендерных, субкультурно детерминированных проявлений личности в провинции, культуросообразная деятельность «властителей дум» – формальных и неформальных лидеров местного социума, различные уровни и модусы массового сознания жителей провинции в контексте глобализационных процессов. Материал исследования составило историко-культурное обобщение личностного опыта выдающихся персон прошлого в сочетании с системой включенного наблюдения над деятельностью крупнейших деятелей культуры и научно-образовательной сферы российской провинции, научно обеспеченные интервью с репрезентативными, занимающими высокое положение в регионе и в России персонами – представителями сферы художественного творчества, высшего и среднего образования, административно-управленческой и производственной сфер.

У научного исследования, осуществленного в культурологической научной парадигме, есть не только фундаментальный, теоретико-методологический, но и актуальный смысл. Актуальность выполнения проекта обусловлена, с одной стороны, назревшей в академическом и социально-нравственном планах необходимостью, с другой стороны, готовностью коллектива разработать критерии и структурно-семантические характеристики модели культуры русской провинции. Для России, где, по мысли В. Ключевского, «центр на периферии», существенным является формирование моделирующих представлений о социально-культурной значимости личностного и коллективного бытия в условиях значительной географической удаленности регионов от политически и экономически конституированного центра государства. В условиях глобализации, проявляющейся в развитии коммуникативного вакуума и «атомизации» (В. Соловьев) и ведущей к внедрению мнимостей в массовое сознание жителей России, дискурсивный подход к культурологическому

постижению уникальности и всеобщности бытия в провинции является единственным условием сохранения национальной целостности и духовно-нравственной стабильности государства. Актуальность и научная значимость исследования определяется, во-первых, обострением социокультурных противоречий, характерных для жизни современной российской провинции, неравноценностью и неравномерностью жизненных реалий разных регионов России по сравнению друг с другом и со столицей, усилением глобализационных вызовов, ведущих к отчуждению частного человека не только от макро-, но и от микросреды его обитания; во-вторых, наличием глубоких и уникальных по своему содержанию культурных традиций, актуализация и частичная модернизация которых может способствовать объединению социума в его провинциальном модусе вокруг культуросообразных аксиологических оснований.

Наконец, следует назвать те *ключевые концепты* работы, которые определяют основания моделирования в дискурсивном научном поле проблематики культуры русской провинции:

концепт «личность» (творческая личность, личность как субъект образовательной деятельности, личность лидера, личность маргинала);

концепт «среда» (культурная среда, провинциальная среда и среда провинциальной культуры, городская среда, образовательная среда, музейная среда, информационная среда, материальная/нематериальная среда);

концепт «социум» (микросоциум межличностного общения, групп и субкультур, макросоциум общественно-политических, нравственно-религиозных управленческих интенций губернских и уездных городов/муниципальных образований);

концепт «провинция» (русская провинция, провинциальная культура, провинциальность, провинциализм, человек провинции, творческая элита провинции, провинциал).

Ниже мы приводим графические образцы моделей, которые, надеемся, дополнят сформулированные выше теоретические основания изучения проблем русской провинции и предварят дальнейшие конкретные главы.

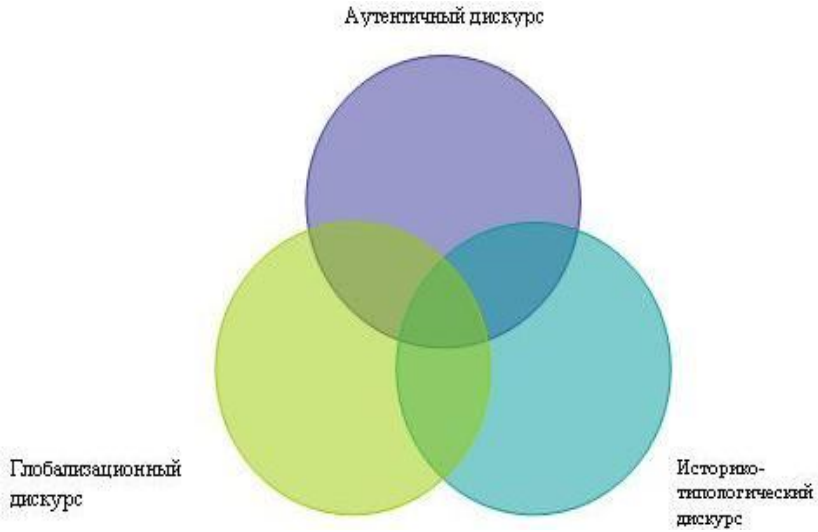

Рис. 1. Модель 1

МОДЕЛЬ 1 представляет гармонизированное соотношение дискурсов (рис. 1).

Имеет место ситуация взаимодействия, взаимодополнения, взаимообогащения

- аутентичного дискурса (культурно-антропологическая составляющая детерминирует все другие компоненты жизни провинциальной среды),
- историко-типологического дискурса (традиции, нисходящее и восходящее функционирование которых обеспечивает преемственность культурных смыслов жизни провинции),
- глобализационного дискурса (обеспечивающего обобщающий, синтезирующий характер внешних влияний, культурного макрокосма на малое пространство провинциального бытования, микрокосм).

Рис. 2. Модель 2

МОДЕЛЬ 2 актуализирует субъективный характер приоритетов провинциальной культуры (рис. 2).

- Аутентичный дискурс максимально значим на персональном уровне, он выступает детерминантой мировосприятия, обусловливая понижение оценок и уровня восприятия смыслов дискурсов.
- Историко-типологический дискурс в персональном культурном пространстве провинциала воспринимается как своего рода модератор, инструмент, технологическая деталь, обеспечивающая заполнение среды контекстуально воспринимаемыми, далеко не всегда рядоположенными аксиологическими, эстетическими, социально-культурными реалиями.
- Глобализационный дискурс заметно удален от субъекта провинциального бытия, воспринимается этим субъектом как абстракция, причем часто враждебная, наполненная негативными аксиологическими, эстетическими, социально-культурными смыслами.

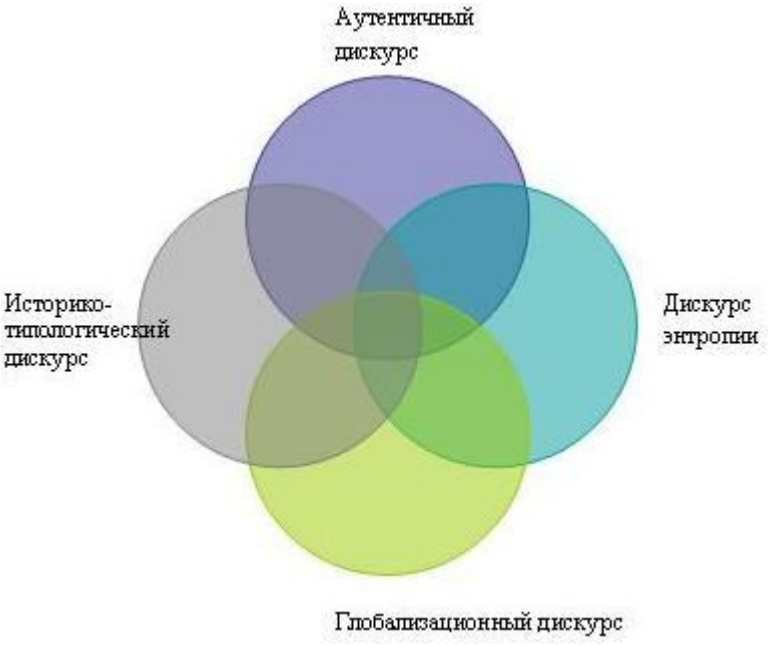

Рис. 3. Модель 3

МОДЕЛЬ 3, на первый взгляд, имеет лишь одну деталь – четвертую окружность, отличающую ее от модели 1 (рис. 3). На самом деле, здесь мы имеем дело с решительной (и разрушительной) трансформацией первой модели. Четвертая окружность, обозначающая дискурс энтропии, позволяет предположить, каков может быть вектор трансформации культурного поля русской провинции под воздействием гипертрофированного и агрессивного разрастания любой из трех прежде обозначенных сфер. Дискурс энтропии, казалось бы, органично занимает свое место в кругу других дискурсов, что и является опасной перспективой. Укрепление взаимодействий первых трех – путь к заполнению той «пустоты», которая приходится на долю энтропии.

Завершая введение, отметим *особенности авторского коллектива, работавшего в данном проекте.* Не дублируя приведенный в конце издания список авторов, подчеркнем, во-первых, вариативность сфер научного знания, объединяемых

культурологической научной парадигмой: культурологи, искусствоведы, историки органично взаимодействуют в ходе масштабных исследовательских работ уже в традиционно сложившемся, интегративном научном поле (кстати, в ЯГПУ им. К.Д. Ушинского с 1999 г. по настоящее время функционирует диссертационный совет, защита в котором проводится по этим трем научным дисциплинам). Во-вторых, обратим внимание на сложившуюся традицию взаимодействия в рамках научной школы представителей разных поколений, причем разделяет авторов именно возрастная планка, в то время как принцип взаимодействия «учитель–ученик» не только стал объектом исследования в нескольких главах настоящей монографии, но и реализован на практике: соавторами выступают доктор наук и студентка-дипломница, молодой кандидат наук и молодой научный сотрудник, общий же замысел и руководство проектом осуществляется руководителем научной школы. По условиям осуществления крупных научных проектов сегодня в них должны принимать участие молодые исследователи, в том числе молодые кандидаты наук; в настоящем издании этот принцип реализован в полной мере: авторами материалов части 3 и части 4 полностью являются именно такие исследователи, молодые кандидаты наук стали авторами текстов и в других частях, это же относится и к редактору издания.

Таким образом, монография не только широко предъявляет собственно исследовательский «продукт», созданный в рамках конкретного научного проекта, но и наглядно демонстрирует принципы формирования и развития научной школы, развития научного потенциала России.

Примечания

1. Русская провинция и мировая культура [Текст] : тезисы докладов на научной конференции. – Ярославль : Изд-во ЯГПИ, 1993. – 125 с.; Русская провинция и мировая культура [Текст] : тезисы II Межвузовской научной конференции. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 1998. – 103 с.; 1000-летний Ярославль. Российские смуты: истоки, последствия, преодоление [Текст] : сборник: материалы «круглого стола» 15 апреля 2005 года. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2005. – 106 с.; Коммуникативные

стратегии в культурном поле провинции [Текст] : Межрегиональный сборник научных работ. – Ярославль-СПб. : Изд-во ЯГПУ, 2006. – 221 с.

2. Столицы и столичность в истории русской культуры [Текст] : научный сборник. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2006. – 306 с.; Старый город в новой России [Текст]: научный сборник : материалы интернет-конференции (портал Auditorium.ru). – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2005.

3. Концепты культуры XX века [Текст] : сборник статей / науч. ред. Т.С. Злотникова, Т.В. Юрьева. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2009. – 175 с.

4. Образы города в горизонте российской динамики [Текст] : научный сборник / отв. ред. М.В. Новиков, Т.С. Злотникова, Т.И. Ерохина. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. – 459 с.

5. Личность в современной русской культуре: стратегии социокультурного изучения [Текст] : учебное пособие / под науч. ред. Т.С. Злотниковой, М.В. Новикова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2009. – 144 с.; Личность в современной русской культуре: культуросообразность образования и жизнеустроения [Текст] : научный сборник / под науч. ред. Т.С. Злотниковой, М.В. Новикова, Н.Н. Летиной. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. – 220 с.

6. Культурный универсум в предметном поле культурологии, истории, философии, искусствоведения, филологии [Текст] : научный ситком (сборник научных трудов. Ч. 1) / науч. ред. Т.С. Злотникова, Н.А. Дидковская. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2009. – 152 с.; Исторический город русской провинции – культурный универсум [Текст] : научный ситком (сборник научных трудов. Ч. 2) / науч. ред. Т.С. Злотникова, Н.А. Дидковская. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2009. – 233 с.; Исторический город в аспекте национальной ментальности [Текст] : научный ситком (сборник научных трудов) / под науч. ред. Т.С. Злотниковой, Н.А. Дидковской. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. – 173 с.; Исторический город русской провинции как культурный универсум [Текст] : учебное пособие (гриф УМО по направлению «Культурология») / науч. ред. Т.С. Злотникова, М.В. Новиков, Н.А. Дидковская, Т.И. Ерохина. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. – 536 с.

7. Злотникова, Т.С., Афанасьев, В.В. Опыт изучения творческой личности в культурологии: научная школа и индивидуальные штудии [Текст]; Ерохина, Т.И. Культурологическое образование педагогов как основание интеллектуальной и социальной стабильности общества [Текст]; Старшова, А.П. Персонологический подход в исследовании бренда города (на материале конкурса на бренд г. Ярославля 2012 г.) // Вопросы культурологии. – 2013. – 7. – С. 4–18, 25–31.

8. Злотникова, Т.С., Густякова, Д.Ю., Ерохина, Т.И. Русская культура в эпоху глобализации: классическое, массовое, провинциальное [Текст] : учебное пособие. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2013. – 120 с.

Часть 1. Теоретико-методологическое обоснование изучения русской провинции в аутентичном и историко-типологическом аспектах

Глава 1. Провинция в философском, социопсихологическом, социокультурном значениях

Т. С. Злотникова

Современные исследования строятся на том не до конца отрефлектированном факте, что понятие *«провинциальная культура»* в определенной степени поглощается понятием *«культура провинции»*. Отсюда вытекает многообразие и различные *уровни изучения провинциальной культуры конкретной страны – России*, среди которых выделяются следующие: социально-экономические условия возникновения и функционирования провинциальной культуры; роль государства в российском историко-культурном процессе; особенности провинциального сознания/менталитета; социальные характеристики провинциального пространства; духовный потенциал российской провинции; аксиология провинциальной культуры; отличия русской провинции от мировой.

Исследователи считают возможным утверждать наличие *провинциологии* как определенного типа и формы знания. Провинция рассматривается как место уединения, духовного сосредоточения, очаг творческих интуиций и откровений в так называемой художественной провинциологии (произведения И. Бунина, Б. Пастернака, Т. Вульфа, К. Гамсуна, Ф. Мориака, У. Фолкнера, М. Хайдеггера, Р. Эмерсона). Для российской провинциологии XIX–XX вв. характерна эмпиричность и определенная наивность; различают провинциологию повседневности, художественную провинциологию, «метафизику» и «историческую поэтику» провинции. Стремясь дать «внутреннее», имманентное описание провинции, субъект высказывания укореняется в описываемой среде и достигает эмоционально мотивированного понимания провинции. В этом смысле провинциология

рассматривается как нарратив (повествование о провинции на языке самой жизни и на языке обитателей данного пространства). Отсюда следует предположение, что провинциология одновременно выступает как система или, по крайней мере, совокупность знаний о провинции. И обнаруживается как в пределах локальных провинциальных пространств, так и вне их.

Особое место в *провинциологии* занимают представления о РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ, которая изучается в *историческом*, *философском, социокультурном и социопсихологическом ракурсах.*

Собственно понятие провинции в России многосложно и значимо в своих культурных смыслах. Слово «провинция» стало своего рода метафорой, выражающей морфологию российского социально-географического и культурно-исторического пространства. *Термин* же «провинция» в номенклатуре административно-территориального деления России употреблялся лишь в 1719–1775 гг. По данным первой всеобщей переписи населения России 1897 г., в провинции жили 123,3 миллиона человек, столичных жителей было 2,3 миллиона. Потому в понимании большинства жителей Российской империи *провинция* и *Россия стали синонимами*. В сознании жителей России представление о провинции утвердилось в двойственном качестве: оно имеет уничижительный оттенок отсталости, удаленности от центров цивилизации (и приобретает дополнительное представление о «провинциализме»); в то же время существует подспудное убеждение, что именно в провинции сохранились здоровые традиции русского народа, в силу чего именно оттуда можно ожидать импульс возрождения России.

К историческим концепциям русской провинции примыкают и отличаются разнообразием и глубиной постижения культурного феномена ***философские интерпретации***.

Прежде всего, подробно рассматривается вопрос о качественных характеристиках провинциальной культуры. Ее рассматривают и как благо, щедрый источник, из которого общество черпает силы, и как пережиток прошлого, средоточие духовно нищих и чуждых прогрессу людей, противостоящих динамично развивающейся столичной культуре. Однако, как полагал Н. Карамзин, «Россия произрастает провинцией», а В. Ключевский считал, что «в России центр на периферии». Причем по-

следний, характеризуя нравы дворянского общества середины XVIII в., противопоставлял в негативном плане «сельскую, провинциальную культуру» более современному, «модному дворянскому свету столичных городов».

Понятие *провинциальной культуры* сформировалось в России на основании однозначного противопоставления ее культуре столичной, официальной. Принято считать, что провинциальная культура интегрирует региональные традиции населения, его обычаи и образ жизни, выражает определенный стереотип мышления. На анализ последнего как проявления специфических позитивных мировоззренческих установок опирался В. Ключевский, объясняя патриотизм русских крестьян в ходе Крымской войны [1].

Признаками складывавшейся в качестве самостоятельного культурного феномена провинциальной культуры можно считать: усиление значения национально-психологических особенностей восприятия действительности; формирование языковой специфики, в том числе диалектизмов и просторечий; наличие местных, региональных традиций, обычаев, нравственно-психологических установок и оценок. Применительно к российской традиции понятие *провинциальная культура* включает в себя институциональные и духовно-содержательные параметры: наличие своеобразных институтов власти, пребывание местных и одновременно общероссийских знаковых фигур – художественных и научных гениев, а также пассионариев. Но данное понятие включает в себя и более локальные, специфические понятия: *культурное пространство* провинции и отдельных ее регионов, культурные центры или *«гнезда»*, социокультурная и историческая *среда* провинции в целом и в ее локальных проявлениях, культурный *потенциал*. Сфера культуры русской провинции включает в себя и многообразные проявления *материальной культуры*, в частности феномен народных ремесел, искусств, производств. Характерно для России то, что ее «огромные пространства, порождающие разнообразие географических и климатических условий, позднее развитие капитализма, разные национальные влияния в пределах страны, исходившие с Запада и Востока», создали почву для устойчивого существования локальных *провинциальных культур* (М. Каган) [2].

Провинция в России может пониматься как состояние души человека. В художественной провинциологии высказывания типа «провинция – это отчаяние» перемежаются с позитивными, даже умилительными суждениями. Это объяснимо, исходя из представления Н. Бердяева о том, что «провинциализм есть другая метафизика жизни» [3]. На бытовом уровне «провинциальное» понимается как патриархально-родовое, часто – матриархальное (в частности – в произведениях И. Тургенева, И. Гончарова, М. Салыкова-Щедрина), как традиционное, даже архаическое, но обладающее ценностно-нормативными и сакральными характеристиками. Понимание провинции в ее условном значении вводит дополнительно такие характеристики, как замкнутость, ведущая к ограничению духовных интересов и проявлений, но одновременно и широта, включающая в себя микрокосм личности и макрокосм мира, в том числе – мировой культуры, в которой – как в родной провинции – вот уже не менее трех столетий пребывает русское начало. Подчас упоминается об относительной «периферийности» русской философской мысли по отношению к мировому историко-философскому процессу. В то же время известен ряд уникальных идей русских философов относительно человеческих перспектив и особенностей развития культуры, что выражена в идее всеединства, господствовавшей в русской философии второй воловины XIX – начала XX вв.

Русская провинция не только готовно и гибко впитывала влияния мировой культуры, но и – в свою очередь – несла той неповторимость чувств, проблем и форм существования. Своего рода изоляция, которую не следует путать с самоизоляцией, и одновременно самодостаточность духовной жизни постепенно создают в русской провинции интерес не столько к дальнему, на которое привыкли ориентироваться по традиции, сколько к ближнему. *Самодостаточность духовного мира русской провинции* в сочетании с нежеланием замкнуться в уютной оболочке определяют один из важных ракурсов понимания смысла культурного феномена.

Для *человека из провинции* характерна особая культурная логика становления в духе нового западного человека: в действия такого человека заметна попытка преодоления внеличного (как столичного) менталитета через осмысление собственной

провинциальности, самоидентификация в специфическом качестве.

Пространство русской культуры выступает как ареал распространения данной культуры, не совпадающий с географическими, административными границами, а также с границами компактного расселения русских. В то же время исследования проблемы позволяют установить не сами по себе пространственные характеристики, но *хронотоп* русской провинции. Последняя предстает как явление специфическое, мало зависимое от географических координат, имеющее корни в душе человеческой не менее, чем в истории. Это и *пространство*, расположенное на тысячи верст вокруг Москвы или Петербурга; это и *время*, которое нужно затратить человеку не столько на путь по городам и весям, сколько на преодоление духовных различий с динамичными (а подчас и циничными) согражданами; это и *настроение*, отмеченное мечтательностью и тоской, охватывающее на нешироких улицах, на проселочных дорогах, среди полуоблупившихся простеньких или претенциозных домов. Хронотоп русской провинции определяется и таким понятием, как «азиатчина». Так, внутренняя «азиатчина» как духовная провинциальность виделась русским интеллигентам в жестоком самонеуважении. И если В. Соловьев все же приветствовал «слабость национального эгоизма» как задаток великого будущего, то В. Розанов куда более резко реагировал на то «дикое и ни в одной земле небывалое», что основано на убогом неиспользовании собственного потенциала и заискивании перед чужими, далеко не лучшими образцами. Этого провинциализма, считал В. Розанов, нет «ни у негров, ни у турок, ни у китайцев». «Зулусы», «тунгусы» были привычным для А. Чехова обращением к родственникам и друзьям – провинциалам. Русская интеллигенция рубежа XIX–XX вв. относилась к России как к Востоку, производя «излюбленное противопоставление «азиатского» начала «европейскому» как «низшего высшему» и требуя найти сочетание «европеизма», резкого отталкивания от культурной отсталости России, с «напряженным чувством к родине и национальной гордости» (С. Франк) [4].

«Русская душа подавлена необъятными русскими полями и необъятными русскими снегами… Русская душа ушиблена

ширью», – оспаривал Н. Бердяев всех, кто идеализировал русские просторы [5]. Сформулированное Н. Бердяевым мировидение приобрело особую остроту при взгляде на Россию с «других берегов», независимо от того, кто был тоскующий России как о родной провинции человек – писатель или философ, русский, как В. Набоков, или иностранец, как Ф. Кафка. Боясь русской провинциальной почвы, в которой пропадает «все посеянное, Ф. Кафка рисовал характерную картину: «пустынная растрепанная степь вдоль берегов, поникшая трава». У иностранного писателя в новеллистике и дневниках до гротеска доведено ощущение русского простора, своей губительностью загоняющего провинциала в станционную каморку, где в собственном кашле человек слышит волчий вой.

В то же время для многих людей из провинции она является не просто местом их рождения или проживания. Это специфическая система координат, в которой они существуют на протяжении всей жизни, независимо от пребывания в иных географических пунктах.

Пространственные характеристики провинции простираются не только в горизонтальном, но и в вертикальном измерении. Традиционно считалось, что «опуститься» в провинцию означало умереть, но одновременно прикоснуться к нарождающемуся новому; провинция аналогична смерти, чреватой рождением. Прибытие из центра на периферию, прежде всего, в художественной провинциологии выглядит как спуск, погружение; по наблюдениям исследователей, для изображения Москвы и отдаленных местностей характерно панорамное видение сверху. У В. Белинского имеется сравнение петербуржца в Москве с великаном. В свою очередь, провинция по отношению к Москве расположена внизу, в силу чего в XX в. появляется такой публицистический штамп, как «глубинка».

Значим временной аспект хронотопа провинции: «стоя как бы вне времени, – писал П. Чаадаев, – мы не были затронуты всемирным воспитанием человеческого рода». Вне времени по определению пребывает инерционная провинция, в то время как в столице царит культ нового, на острие которого находится представление о моде.

Для русской культуры, в том числе пребывающей в состоянии болезненного переживания рубежа веков (как XIX–XX, так и XX–XXI), мало приемлем традиционный для мировой культуры *принцип соотнесения провинции со всем остальным миром.* Европейская культура XX в. развивалась, исходя из представления: неважно, где, важно, как и кто (в провинции XX в. проводились фестивали – театральные в Авиньоне, кинематографические в Канне, музыкальные в Зальцбурге или Кальмаре). Европейцы, а тем более американцы мобильны по определению, к месту не привязаны, эту привязанность (в том числе и в метафорическом смысле) не драматизируют. Русский человек, не будучи мещанином в плане духовном, к месту обычно «приговорен», ностальгирует (по В. Далю, «место», в числе прочего, обозначает ‘ширь, простор, пустоту’, а «мещанин» – всего-навсего ‘горожанин низшего порядка, например, ремесленник’). Вопреки стереотипу восприятия жителя провинции, он обладает творческим потенциалом и импульсы своей деятельности черпает либо в неосуществленном стремлении за пределы круга, означенного сферой его происхождения (стремится «в Москву, в Москву»), либо в ностальгии по оставленному родному пространству.

Хронотоп русской провинции как культурного феномена отчетливо выявляется в местонахождении одного из главных символов – *театра.* В середине XIX в. место театра здесь определилось вполне зримо и явственно и в плане духовном, и в плане пространственном, как и облик его творца. Образ жизни этого «неоседлого провинциала», актера, малосущественно изменился до конца XX в. со времен Негиной и Несчастливцева у А. Островского, хористки Паши и резонера Бабельмандебского у А. Чехова. Особенностью бытия провинциального искусства становится то, что взаимоотношения «талантов» и «поклонников» носят сугубо приватный характер. Театральные реалии, сопоставляемые с условно обозначаемым театром «времен Антоши Чехонте», распространяются во времени и выстраиваются в цепочку доказательств размытости духовного понятия провинции при четкости его географических рамок. Провинциальный театр стоит рядом с острогом и на конце улицы. Все провинциальные города, имеющие театры, «счастливы» одинаково, как тот малень-

кий, еле видимый «городишко», где московские запахи отсутствуют, а в имеющихся двух театрах «бедность таланта соперничает с бедностью балаганной обстановки». В беседах интеллигентных провинциалов театр занимает место то между погодой и холерой, то между шведскими спичками и локомотивами. Духовное пространство провинциального театра располагается между своего рода классной комнатой, публичным домом, рестораном и зверинцем.

Нравственно-психологический аспект понимания русской провинции опирается на специфику российского менталитета с его гипертрофией житейского начала, высокой степенью субъективности, своего рода страстью к преувеличениям; эти особенности определяют собою политические идеалы, а также местные мифы. В определенной мере для провинциального мышления становится характерна адаптация сложных духовных проблем, тенденция упрощения. *Менталитет* русского провинциала воплощает глубоко противоречивые духовные основы жизни России вообще: страх перед замкнутостью и интуитивную тягу к сохранению «гнезда»; стремление к «другим берегам» («к перемене мест») и страсть к превращению любой чужбины в повторение усадьбы, улицы, дома; достоинство и самоуничижение, размах и мелочность; «чухлому», разросшуюся до масштабов всей России, включая столицы, – и высоту духа, традиционно ожидаемую только от столичных жителей. На рубеже XIX и XX вв., когда обострилось восприятие русской провинции именно в данном аспекте, понятие о ней включало в себя особую область идей и настроений, оказавшихся на перекрестке мнений художников и философов [6].

Особые нравственно-психологические интенции делают географическое пространство провинции подвижным: это всегда то место, где житель сейчас находится, ставшая привычной среда обитания. У А. Чехова это был Таганрог по отношению к Москве, Москва – по отношению к Петербургу, Россия – по отношению к «заграница», Швейцария – по отношению к Италии или Франции, Европа – по отношению к Америке. Отсюда для России традиционна стеснительность, своего рода комплекс «житомирского кузена» (М. Булгаков), когда провинция и провинциал рассматриваются как явление и человек «второго сорта». Но

может ли быть второсортным многоверстное пространство, и могут ли быть второсортными люди, определяемые так с позиций места жительства? Как известно, романтически настроенный и буржуазно ориентированный европеец мог жить мечтой о столице, как д'Артаньян или Растиньяк. Однако и европейские, и русские художники и философы превращали в столицу духа любое захолустье, будь то Веймар И. Гете или еще меньший Кенигсберг И. Канта, Таити П. Гогена или Болдино А. Пушкина и Ясная Поляна Л. Толстого, Вильно В. Комиссаржевской или Пенаты И. Репина.

К концу XIX в., когда понятие о русском интеллигенте обретает законченные очертания, особенно остро воспринимается вопрос о соотношении *интеллигентности* и *провинциальности*. Интеллигент-провинциал ощущает в себе и не приемлет в других «небывалого» и «притом типичного в своей житейской захудалости, в своих нервах» человека, каким его увидел В. Розанов в Ф. Достоевском. Этот интеллигент стыдится своих провинциальных, причем не барственно-усадебных, но мещанско-городских корней, стыдится города, который «грязен, пуст, ленив, безграмотен и скучен» (А. Чехов). Спокойствие, успокоенность в понимании провинциала как обывателя, провинциала как неинтеллигентного человека становятся условием отрешения его от мировых проблем и мирового движения.

В провинции интеллектуал почти всегда *маргинал*. Столичная среда для него могла бы быть благоприятна благодаря большей плотности культурных связей, наличию иной инфраструктуры; в провинции же радикальные и достаточно масштабные идеи и поступки оказываются либо невостребованными, либо неоцененными. Для человека, ощущающего себя провинциалом – чуть ли не изгоем, – привычным становится мотив избранничества и обделенности жизнью в одно и то же время. Для него характерны чувство вины, скука, одиночество, разочарованность и утомляемость, переходящие в чрезмерную возбудимость. Соединяя все эти мучительные чувства и ощущения, русский провинциал имеет способность испытывать «такое необычное в Европе чувство одиночества» (Ф. Кафка). Интеллигент, одинокий в России, как одинок вообще житель провинции, тоскует о несбывшемся, являет комплекс неполноценности. От-

сюда следует вывод, связанный с рассуждением В. Соловьева о грамматическом смысле слова «русские»; к прилагательному философ предлагал добавить существительное «европеец». По аналогии к существительному «провинция» неотъемлемо присоединяется прилагательное «русская».

Особый нравственно-психологический смысл имеют судьбы *творцов, так или иначе связанных с русской провинцией.* Творец конца XIX в., живя в провинции, мог быть носителем высшей духовности, эталоном интеллигентности, пассионарием: это и великие гастролеры, которых вряд ли можно было счесть провинциалами – В. Комиссаржевская или Ф. Шаляпин, и стремившиеся в нежный покой провинции столичные жители (писатели, художники, благодаря которым нарицательное значение приобрели Ясная Поляна, Мелихово, Пенаты, Абрамцево и т.п.). В XIX в. творец был иным по отношению даже к интеллигенции как таковой (свободнее, ярче, даже нелепее). В конце XX в. судьба творца в провинции стала суть судьбой интеллигенции в целом: оперируя опытом чеховских провинциалов, здесь можно усмотреть жертвенность Дымова, замороченность Медведенки, рутинерство Ионыча или Беликова, страх нелюбви Аркадиной. Следовательно, творец конца XX в. в провинции, пользуясь актуальными аналогиями, – это не «директор кардиоцентра», распространяющий свою ауру на чужих и разных, но «сельский фельдшер», врачующий чем Бог послал близких и хорошо известных ему – либо безмерно, до собственного сумасшествия, ответственный, либо столь же безмерно равнодушный. Творец в русской провинции конца XX в. воплотил в себе такие традиционные особенности русской интеллигенции, как: рефлексия по поводу своего права на чье-либо внимание или материальную поддержку; несвершенность личности и нереализованность стремлений; высокомерие в сочетании с непризнанностью. По социально-экономическому положению он приближается к люмпену, по психическим свойствам является невротиком, по темпераменту чаще всего – меланхоликом, по типологическим признакам – интровертом.

Особый смысл в психологическом портрете представителя русской провинциальной культуры приобретают его *взаимоотношения с европейцами*. Русский провинциал традиционно

возмущается упорядоченностью, «нормальностью» европейской жизни, а европейцы оказываются перед неразрешимой «загадкой русской души» или «русских пространств», обнаруживая в своем непонимании странную провинциальность духа рядом с неясным мерцанием и парением чувств русских провинциалов. Для самоощущения русской интеллигенции традиционно особое отношение к драматическому положению России *между* Востоком и Западом, *между* темным прошлым и туманным будущим. Она испытывает презрение или нелюбовь к западной цивилизации за то, чем не владеет русский, но что – обладай этим русский – уравновесило бы русскую «азиатчину». Однако русские и за границей – в Ницце, Монте-Карло, Берлине, Париже, Нью-Йорке – создают свою «провинцию» как локальное духовное и даже бытовое пространство. П. Чайковский сетовал на «поразительно банальную обстановку» своей жизни во Флоренции – «точно где-нибудь в русской провинции»; для А. Чехова черты провинциальности виделись в любой экзотически отдаленной стране, как только ее бытие оказывалось понятным и физически доступным для него бытом (это относится к таким «роскошным» местам, как Сингапур, Индия, Цейлон, Китай, а также городам Италии, Франции и Германии); однако В. Набоков возил с собой в эмиграции резиновую складную ванну, видя в ней спасение от чужого духа в «бесчисленных европейских пансионах». Покинув родину, которая могла раздражать своей провинциальностью, русский художник творил «там» фрагмент своей провинции, своего, отдельного от всего мира бытия. Так возникают представления о *внутренней провинции и внутренней «заграница»*. «Совсем Азия! Такая кругом Азия», – горевал А. Чехов, а в провинции И. Бунина «иногда по целым неделям несло непроглядными азиатскими метелями». Русского интеллигента раздражала «внутренняя» провинция, когда «*азиатчина»* становилась определением духовного качества провинциальной жизни.

«Для русского западника-азиата, – мрачно иронизировал познавший прелести западной культуры Н. Бердяев, – Запад – Земля обетованная, манящий образ совершенной жизни» [7]. Тяготясь жизнью в *географической* провинции, где «работает только тело, но не дух», А. Чехов предвосхищал жесткость взгляда, присущего человеку русской культуры, ставшему по-

стоянным жителем Запада; позднее и Н. Бердяев подчеркивал: «Европа не есть идеал культуры вообще, Европа сама провинциальна», то есть самодовольна. Ограниченна интеллектуально и нравственно, замкнута на собственных интересах, лишена широты и тонкости миропонимания. Из отдельных то едких, то мрачных замечаний и горестных суждений выстраивается ощущение уже не провинциальности как таковой, но специфичности русского бытия в сравнении с европейским. Ибо в России даже самоубийство – вещь принципиально иная, чем там, тем более, если оно происходит в российской провинции. «В Западной Европе люди погибают оттого, что жить тесно и душно, у нас же оттого, что жить просторно», – писал А. Чехов Д. Григоровичу о его персонаже. Трагическая гордость характерна для самоощущения русского интеллигента. С одной стороны, великие и прекрасные просторы, каких нет ни в одной европейской стране. С другой – тоска одиноких душ, разбросанных по этим проклятым и поэтическим просторам. Став своим среди чужих, превратив «заграницу» в свою «провинцию», В. Набоков с наивным цинизмом констатировал свое право «тосковать по экологической нише – в горах Америки моей вздыхать по северной России» [8].

В русской традиции особенно отчетливо актуализировался тот факт, что *смысл понятия «провинция» определяется через оппозицию к понятию «столица»*.

Первый наиболее простой и ограниченный конкретными пространственными рамками круг представлений о провинции: в России – это все, что отдалено от города, вернее – от столицы, от поверхностных признаков цивилизованного быта. Второй круг представлений: провинция отстает от столиц в количественных масштабах.

Исследователи указывают на две «степени» провинциальности, два варианта отношения провинции к центру. В одном случае культурная провинция рассматривается применительно к современным западным странам и к России XIX – начала XX вв. Здесь отмечаются надежные репродуктивные механизмы, позволяющие относительно синхронно транслировать и воспроизводить культурные образцы, формируемые в центрах. Отсюда проистекает близость проявлений лондонской и парижской, петербургской или нижегородской и ярославской (в любом случае

– городской) жизни. Во втором случае провинциальная жизнь рассматривается как проявление более низкого уровня культуры. Она воспринимается вне передовых культурных образцов, вне новых умений и потенций усвоения этих образцов, в контексте прошлого, а не будущего. В этимологической оппозиции «столичное – провинциальное» последнее имеет чаще всего отрицательные коннотации, хотя мало кто отрицает, что провинциальность способна репродуцировать оригинальное и неповторимое содержание культуры. Разделение русской культуры на «столичную» и «провинциальную», в числе прочего, опирается на историю развития страны, отличную от истории развития стран Западной Европы. Особенностями России в этой связи являются относительная небуржуазность (как функция от национального характера) и сверхцентрализация общества (берущая свое начало в эпохе «складывания» колоссального государства).

Своеобразие российского варианта культурной антитезы столицы и провинции заключается в двунаправленности вектора относительно столиц (во множественном их числе). В то же время подчеркивается, что своя провинция есть и в столичных городах: в Москве – Замоскворечье, в Петербурге – Коломна или Выборгская сторона. Различается и «тонус» двух столиц: «В Москве отдыхают. Здесь всякий может дурачиться как хочет, жить и умереть чудаком» (К. Батюшков) – то есть провинция становится местом исполнения прихотей, в то время как столица – местом исполнения долга. «За что Россия любила Москву? За то, что узнавала в ней себя. Москва охраняла провинциальный уклад, совмещая его с роскошью и культурными благами столицы. На нем лежит печать светлой наивности, доброй здоровой лени. Здесь нет ни капли петербургского излома, мучительства – зато и нет мучительной напряженности и поиска» (Г. Федотов).

Отсюда следует, что рядом с оппозицией *«столица – провинция»* сложилась и другая оппозиция: «*Петербург – Москва и провинция»*.

В рамках этой оппозиции принято считать, что петербургская культура росла на слишком узкой социальной базе в отличие от культуры провинциальной. В России считалось, что, находясь в Петербурге, невозможно понять и оценить нужды русской деревни. Отсюда возникло стремление министерства

государственного имущества под руководством графа П. Киселева создать губернские палаты, дабы вовлечь провинцию в дела государственного значения. В то же время русские общественные деятели, оказываясь вне столичной жизни, продолжали мыслить категориями «*двух столиц*». Обращение же столичной прессы 1840–1850 гг. к важным общественным проблемам вовлекало и провинциальную общественность в идейное противоборство. С другой стороны, либеральное направление мыслей было особенно активно именно в российских губерниях, в силу чего судьба России в XIX в. определенно решалась в провинции. Во второй половине 1850 гг. под влиянием славянофилов оживилась общественная жизнь в провинции, проявившаяся, в числе прочего, в активизации общественности через работу губернских комитетов. Более того, по мнению С. Шмидта, культуре общественной верхушки провинции стало свойственно «немало элементов собственно столичной культуры, причем не только потому, что у этих лиц уровень культуры … зачастую не отличается от столичного, а и оттого, что в провинции (и в сельских усадьбах, и в городах) поселялись выходцы из столиц» [9].

К началу XX в. культурный разрыв между «верхами» и «низами» как дистанция между Петербургом и «всей Россией» стал заметно уменьшаться в силу изменения социально-экономических и научно-технических реалий. Провинция все больше стала выступать в качестве резервного фонда для культурной жизни столицы, когда потребные культурные образцы могли использоваться в готовом виде, как и сформированные творческие личности. Все острее стал вопрос о культурной востребованности провинции. Провинциал воспринимался как своего рода «свежая варварская кровь», питающая вырождающееся тело «худосочно-изысканной и румяно-фрондирующей интеллигентной среды столиц», как рабочая сила, олицетворяющая энергию ума и дерзость творческого поиска.

Особенности *тоталитарного режима* в России обозначили ситуацию резкого давления центра на жизнь страны, когда качественные характеристики столичной культуры определяются не только высоким уровнем, но и консерватизмом, несоответствием общему уровню культурного прогресса. Тоталитарное, жестко иерархическое общество культивирует «географические

предрассудки», ведущие к унижению личности провинциала, укреплению у него чувства несвободы и комплекса неполноценности. Государственная и культурная столицы не совпадают в полной мере (такова ситуация культурной жизни Советского Союза в 1960–1970 гг., когда Ленинград был не менее значимым театральным, кинематографическим, музыкальным, музейным центром страны, чем Москва).

Существенным отличием столицы и провинции в XX в. остается различие *объемов пространства* для маневра. Для провинции это чаще всего вектор, выводящий субъект культуры за естественные географические пределы: традиционным является стремление из провинции в столицы (в художественной жизни это касается театра, музыки, эстрады); заметно сокращается в силу экономических причин и внутрипровинциальная миграция, известная по персонажам пьес А. Островского как передвижение «из Керчи в Вологду». Возрастает и изоляция провинции: в отличие от существовавшей в тоталитарном государстве квоты на участие в столичных вернисажах (показ в столице как форма поощрения) стала настойчиво внедряться мысль о самодостаточности провинции. Эта идея выступает как способ компенсации для самих провинциалов и возможность для столицы отчуждения от трудноразрешимых провинциальных проблем.

Современное состояние и современные взгляды на русскую провинцию основываются на закрепившемся представлении о провинции не только (а подчас и не столько) в ее географическом или социально-экономическом, сколько в духовном значении. Если «провинция» как специфически локализованное пространство духовной жизни – понятие, едва ли окруженное романтическим ореолом, то «провинциализм» для России – явление сугубо негативное.

Отдельную проблему современной провинциологии составляет *язык* русской провинции, функционирующий на определенной территории. При становлении нормы литературного языка в качестве ориентира всегда выступает язык столицы. При этом такие крупные культурные центры, как Петербург или Ростов-на-Дону, имеют свою норму, которая в определенной степени противостоит столичной, московской. К концу XX в. *язык провинции* представляет собой систему функциональных разно-

видностей, в целом соответствующую системе общенародного языка. Наиболее ярко региональные особенности представлены в разговорно-бытовом стиле речи и просторечии (что не адекватно практически исчезающим диалектам). В то же время диалектные особенности языка имеют значение для формирования новой некодифицированной нормы языка провинции; местные особенности проявляются в социальных жаргонах и городском просторечии. Таким образом, языковой спецификой провинциальной культуры является относительно более широкая представленность в ней элементов разговорного языка, диалектизмов и просторечий.

Социокультурные характеристики современной российской провинции заключаются, прежде всего, в том, что столица утрачивает лидирующую роль в жизни страны, а «наиболее продвинутая часть населения областных и краевых городов выглядит предпочтительнее московской элиты» (Ю. Фохт-Бабушкин) [10]. Исследователи устанавливают, что формирующееся в регионах духовное ядро отличается большей силой влияния, чем в столице, является стимулирующим ориентиром для остальных жителей, но в то же время свидетельствуют более сильное, чем в столице, личностное расслоение. Ю. Фохт-Бабушкин, сравнивая московских и региональных «троечников» и «отличников», предположил, что первые лучше в столице, тогда как вторые основательнее именно в провинции. *Образ жизни*, составляющий стабильную основу социокультурных процессов, несущественно отличается в некоторых региональных центрах от московского. Важной особенностью современной социокультурной ситуации является и то, что утрата столицей своего лидирующего положения сказывается в изменении отношений с главными городами регионов. В этой связи остро стоит вопрос о том, насколько такой региональный центр способен восполнить ослабевшее значение столицы всего государства; это оказывается возможным при возрождении прежде не развивавшихся или заторможенных в своем движении потенций. Отмечено также, что небольшие города столичного региона живут более насыщенной культурной жизнью, чем аналогичные населенные пункты провинции.

Русскую провинцию необходимо рассматривать как *исторически сложившийся культурный феномен*. Своими корнями

это явление уходит в сформулированную Н. Бердяевым закономерность: «В русском человеке нет узости европейского человека, концентрирующего свою энергию на небольшом пространстве души, нет этой расчетливости, экономии пространства и времени. С внешней точки зрения огромные русские пространства представляются географическим фактом русской истории. Но с более глубокой, внутренней точки зрения сами эти пространства можно рассматривать как внутренний, духовный факт в русской судьбе. Это – география русской души» [11]. Вечно пренебрегая окружающим и стремясь к недосягаемому, нервный русский интеллигент-провинциал живет в духовном просторе, вызывающем откровенную зависть (зависть-непонимание, зависть-восхищение) у людей мировой культуры. При этом, вырываясь из провинции, будь любой уездный или губернский, областной или районный центр, Москва или Россия, он всюду создает собственную «провинцию», вплоть до ресторанов, пансионов, кладбищ. И превращает весь мир в свою провинцию – среду одухотворенного обитания.

К XX в. определилось сложное качество *соотнесения России с окружающим ее миром* и, в первую очередь, с Европой: *Россия как провинция* – готовность принять эту позицию или протест против нее. Сложилось соотнесение России и с ее «окраинами», воспринимаемыми уже как провинция по отношению к ней самой. Таким образом, сложность этносоциальной окраски понятия провинции применительно к России как своего рода «метрополии» в последние полтора столетия является очевидной. Отсюда вытекают представления о провинции как:

- плодотворной для личности почве; средоточии серьезного духовного потенциала нации; среде обитания чистых (наивных, «неиспорченных») людей;
- среде рутинной, консервативной; среде, готовно вбирающей, но медленно отдающей накопленные ценности;
- пространстве, одновременно «уютном» и чрезмерном, оберегающем и давящем, трагическом и комическом, открытом для восприятия и загадочном для понимания [12].

Примечания

1. Ключевский, В.О. Курс русской истории [Текст] // Сочинения : в 9 т. / Ключевский В.О.; под ред. В. Л. Янина. – М. : Мысль, 1987. Т. 1 – 5.

2. Российская провинция XVIII – XX веков : реалии культурной жизни [Текст] : в 2 кн. Материалы III Всероссийской научной конференции / отв. ред. С. О. Шмидт. – Пенза : Департамент культуры Пензенской области, 1996.

3. Мифы провинциальной культуры [Текст] : тезисы международного симпозиума; 11 мая 1992 г. – Самара : Изд-во «Самарский ун-т», 1992.

4. Пушкин в русской философской критике [Текст] : конец XIX – первая половина XX в. / сост., вступ. ст., библиогр. справки Р. А. Гальцевой. – М. : Книга, 1990.

5. Бердяев, Н. А. Судьба России [Текст] / Н. А. Бердяев; сост. и послесл. К. П. Ковалева. – М. : Советский писатель, 1990.

6. Соловьев, В. С. Сочинения [Текст] : в 2-х т. / В. С. Соловьев. – М. : Мысль, 1990; Федотов, Г. П. Судьба и грехи России [Текст] : избр. статьи по философии русской истории и культуры. В 2 т. / Г. П. Федотов. – СПб. : София, 1991–1992.

7. Бердяев, Н. А. Судьба России [Текст] / Н. А. Бердяев; сост. и послесл. К. П. Ковалева. – М. : Советский писатель, 1990.

8. Мир русской провинции и провинциальная культура [Текст] / отв. Ред. Г. Ю. Стернин. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1997.

9. Российская провинция XVIII–XX веков: реалии культурной жизни [Текст] : в 2 кн. Материалы III Всероссийской научной конференции / отв. ред. С. О. Шмидт. – Пенза : Департамент культуры Пензенской области, 1996.

10. Там же.

11. Бердяев, Н. А. Судьба России [Текст] / Н. А. Бердяев ; сост. и послесл. К. П. Ковалева. – М. : Советский писатель, 1990.

12. Русская провинция и мировая культура [Текст] : тезисы докладов научной конференции / научный ред. Т. С. Злотникова. – Ярославль : Изд-во ЯГПИ, 1993; Русская провинция и мировая культура [Текст] : тезисы II межвузовской научной конференции. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 1998.

Глава 2. Идентичность в системе жизнеустроительной деятельности: провинциальное и региональное измерение

Н. А. Дидковская

Российская провинция – носитель специфических социальных, ментальных, духовных, аксиологических характеристик, объект междисциплинарных исследований, изучения в аспектах геополитическом, экономическом, социокультурном и др. Неудивительно поэтому, что за свою достаточно недолгую, но насыщенную и «пристрастную» историю осмысления и сам феномен российской провинции, и его дериваты были помещены в поле терминологических определений, *контекстуально* рядоположенных, однако *концептуально* противоречивых. Например, и в научном, и в публицистическом дискурсе термины «провинциальный», «региональный», «локальный», «периферийный» могут употребляться – и часто употребляются – как корреляты; но этим различия в их содержании только подчеркиваются (тем более принципиальными становятся эти различия при использовании в качестве инструмента описания, характеристики и диагностики локуса «провинция» категории «хронотоп», поскольку ею интерпретируется не реальная бытийная наполненность понятий «место» и «время», а их метафизическая сущность.) Тем не менее, при всей смысловой многомерности понятия «провинция» ему свойственна терминологическая определенность, и наиболее отчетливо она проявляется при соотнесении этого понятия с концептуально полярным понятием «регион».

Среди многообразия определений и концепций провинции, разработанных в русле философии, социологии, истории, теории культуры, отметим, прежде всего, те, которые, будучи во многом комплементарными, акцентируют гетерогенность и неоднозначность понятия. Так, два его значения, пространственное и социальное, выявляет и комментирует социолог В. Б. Звоновский [1]. В первом значении провинция есть некоторое пространство, несамостоятельная часть какого-нибудь локуса, стержнем которого выступает центр (столица). Во втором значении провинция – это определенный набор институтов, образующих социальную систему пространства. Специфика провинции,

в том числе культурная, как раз и определяется этими институтами: в провинции они присутствуют обязательно, а в столице или метрополии – не всегда, и в любом случае не образуют там систему.

Создатель концепции «центр – периферия» Джон Фридман отмечал, что «провинция» не является однородным полем, подразделяется на провинцию внутреннюю, или ближнюю, тесно связанную с центром или ядром и непосредственно от него получающую импульсы к развитию, и провинцию внешнюю, дальнюю, на которое ядро практически не оказывает мобилизующего влияния [2]. А американский историк и социолог, один из основателей «миросистемного» подхода к экономической истории, Иммануил Валлерстайн ввел понятие «полупериферия», в его толковании означающее промежуточное звено между центром и периферией. Полупериферия сочетает в себе функции центра и периферии: эксплуатируется ядром и эксплуатирует периферию. В то же время она является своего рода стабилизирующим элементом [3].

По мнению В. В. Дементьевой, исходящей из того, что по отношению к оппозиции «центр – периферия» географическое пространство организовано иерархически, «телесная» (ландшафтная) граница провинции может охватывать всю Россию, за исключением Москвы и Петербурга [4]. М. С. Каган диалектику «столичное – провинциальное» объясняет как частное проявление общих свойств саморазвивающихся систем; он считает, что здесь мы имеем дело с подсистемами единого и целостного образования – жизни страны, государства, национальной культуры [5]. А. В. Дахин же формулирует методологический тезис, согласно которому диада «столичная культура – провинциальная культура» есть проекция центральной и периферийной оболочек всякого культурного комплекса – отношений «эйдетического» и «предметно-символического», «сакрального» и «профанического»: «Столичную культуру мы полагаем понимать как исторически позднюю ипостась “сакрального центра” (т. е. сферы высших мировоззренческих ценностей) социокультурного комплекса. Провинциальную культуру, соответственно, допустимо рассматривать как позднюю историческую ипостась “профанической периферии” того же социокультурного ком-

плекса. Пространством развертывания архетипической диады может быть все, начиная с одежды (ритуальная, праздничная, будничная) и кончая поселением или регионом» [6].

Культурологическому рассмотрению феномена провинциальной культуры посвящены, кроме уже упоминавшихся, исследования В. Ю. Афиани, Е. Я. Бурлиной, Н. И. Ворониной, Е. А. Ермолина, Т. С. Злотниковой, Н. М. Инюшкина, Е. А. Сайко, И. В. Чванова [7] и др. В качестве особых они выделяют следующие черты провинции: общность национального самосознания ее жителей; культурно-цивилизационную и духовно-нравственную целостность; традиционность и социально-политическую стабильность; устойчивость жизненных приоритетов; глубокое («одухотворенное») внутреннее содержание. Также среди особенностей провинциальной культуры обозначаются: «природность», подразумеваемая как гармонизация отношений человека с природой, приближенность культурных процессов к человеку; территориальная общность населения и развитие местного самосознания, раскрываемые как на уровне местной идеологии, так и на уровне массовой психологии в виде мифологем, традиций, святынь, легенд, преданий, героев, свойственных только данной территории; специфические ценностные ориентации населения; особый бытовой уклад; «непроницаемость» и неповторяемость, из-за которых понять сущностное ядро провинциальной культуры во всей его полноте могут лишь люди, выросшие и воспитанные в этой среде.

Провинциальная культура предстает перед нами как единство двух противоположностей. С одной стороны, в ней укоренены «материковые» культурные породы цивилизации, она та область, в которую традиционно вытеснялись и, затаившись, продолжали свою ценностно-ориентационную работу и универсальные мировоззренческие, и частные технические, эстетические и другие элементы культурных комплексов предшествующих эпох. И в этом смысле провинция была и остается «резервуаром сопротивления унификации», «ресурсом нашего общего завтра», «плодоносящим источником русской культуры». С другой стороны, провинциальное сознание всегда характеризовалось наличием *провинциализма*, в основе которого лежит само- или иное ограничение масштабов творческой дея-

тельности. Неспособность и нежелание творить, дерзая, неуверенность в том, что созданное общезначимо, невозможность превратить его в общезначимое – все это и рождает в сознании провинциализм, доходящий до маргинальности.

Иллюстрацией к вышесказанному могут служить результаты блицопросов участников Камчатских тренингов, которым было предложено в течение двух минут зафиксировать пришедший первым в голову образ столицы и провинции (табл. 1). Правда, иллюстрацией, характерной только до некоторой степени, поскольку содержит она достаточно специфический пласт информации, образуемый в основном поверхностными клише и стереотипами представлений. Тем не менее, при внимательном рассмотрении в ней довольно четко проступают некоторые из упомянутых выше особенностей провинции и провинциальной культуры.

Таблица 1

Образные характеристики столицы и провинции (по результатам блицопроса участников Камчатских тренингов)

Столица	**Провинция**
Центр	Периферия
Мегаполис	Компактность
Масштаб	Маленькие расстояния в городах (но не между городами)
Достоинство страны / лицо страны	Отдаленность
Парадный вход в страну	Высокие каблуки
Энергия	Имитация бурной деятельности
	Казаться, а не быть
Активный образ жизни	Размеренный образ жизни
Средоточие власти и бизнеса	Бесконтрольность власти
Скопление ресурсов, возможности	Предсказуемость
Возможность выбирать новое	
Культурный экстракт	
Наличие развлечений	Отсутствие развлечений
	Не на что потратить деньги
Хорошие дороги	Плохие дороги
Метро	Неразвитость инфраструктуры
Милиционер просит показать регистрацию	Добрые люди
	Пьяные люди
	Не ценится время других
	Бездомные животные
Шум	

В сознании участников Форума образы столицы и провинции существуют исключительно в виде бинарной оппозиции, что предсказуемо и оправданно. Система противопоставлений затрагивает практически все сферы жизнедеятельности: экономическую, административную, идеологическую, культурную; она проявляет тотальный напряженный разрыв между центром и окраиной.

Однако, если отрешиться от привычной интерпретации биполярной модели и рассмотреть логику восприятия столичного и провинциального локуса по отдельности, мы получим любопытную картину. Перечень социокультурных примет столицы логичен и внутренне непротиворечив. Характеристики же провинции зачастую носят взаимоисключающий характер. Провинция, как она воспринимается провинциалами, адекватно может быть представлена только посредством антиномичных конструкций. «Компактность», «маленькие расстояния в городах», но «не между городами»; «имитация бурной деятельности», подразумевающая пусть показную, фальшивую, но все-таки активность, и «размеренный образ жизни»; «плохие дороги» – и, как своеобразная компенсация, одновременно опять-таки свидетельствующая о комплексе культурной отсталости, – «высокие каблуки». Как образно выразился один из преподавателей Камчатских тренингов, сам живущий в провинции: «Чем дороги хуже, тем каблуки выше».

Очевидно, что «ближний мир» провинциал воспринимает субъективно, диалектично, порой иронично, и в любом случае хотя бы отчасти преодолевая клише «коллективного сознания». Тогда как «столичный миф» воспринимается отстраненно, схематично и, по большому счету, безразлично.

«Провинциальный мир» и «столичный миф» – так рифмует сознание провинциала дихотомию его идентичности.

В отличие от провинциального, специфика регионального базируется на целом комплексе самодостаточных, то есть безотносительных к центру, условий: географических, природных, исторических, социальных, общекультурных и т. д.

Содержательные поиски понятия «регион» активизировались в последней четверти XX в. в связи с процессами регионализации, развернувшимися как на глобальном, так и на нацио-

нальном, в том числе российском, уровне. Понятие «регион» стало операциональным для географии, экономики, политологии, социологии, культурологии и других гуманитарных наук. Обобщение имеющихся подходов к его определению позволяет выделить следующее:

1. Предварительным условием всякой культуры является момент, когда «душа человека обнаруживает душу в ландшафте». Это относится и к культуре региональной. Регион всегда имеет определенную взаимосвязь с конкретной территорией (ландшафтом, «месторазвитием»). Неслучайно в речи закрепились характеристики регионального типа по географическим названиям: «поморец», «сибиряк», «волжанин», «кавказец».

2. Вместе с тем, гуманитарное знание преодолевает матрицы жесткого членения регионов. Исследователи отмечают размытость, диффузность, прозрачность их границ, открытость для взаимопроникновения и диалога культур [8].

3. Справедливо утверждение об исторической «незаданности» количества регионов и о возможной изменчивости мирового историко-культурного процесса [9]. При этом мы можем наблюдать как процессы слияния культурных регионов, так и их дробления. Интеграция не исключает дифференциацию.

4. Как уже отмечалось, регион по сравнению с провинцией самодостаточен. Но в настоящее время, в условиях сложных геополитических процессов, свидетелями которых мы являемся, было бы неверно настаивать на исключительной самодостаточности регионов. Безусловно, элемент этого существует, что проявляется в жизнеспособности регионов, их устойчивости и длительном существовании. Но все-таки современной позицией является осознание того, что любой историко-культурный регион – часть более крупного образования, а также мирового сообщества.

5. Можно выделить несколько качественных этапов (вариантов состояния региона): геобиологическое равновесие, когда человек не выделился из животного мира либо просто не успел «поприсутствовать» и проявить себя; геобиосоциокультурное единство, когда человек выделяется из биосферы и формирует самостоятельную подсистему региона (устанавливается относительное равновесие между природой и человеком); со-

циокультурное (или антропосферное) единство, когда социокультурная подсистема не только сформировалась, но и приобрела решающее, доминирующее значение (технологические возможности сделали действия человека природосоразмерными) [10]. Предложенные варианты качественного состояния региона различаются по степени оформленности социокультурной составляющей. С ростом технологического могущества происходит нарастание неравновесности системы, вероятность ее качественной перестройки в будущем.

Выбор операционального понятия «регион» и его интерпретация диктуются, как правило, спецификой научной дисциплины, в рамках которой осуществляется то или иное исследование, и целями конкретного изыскания. Вот, например, какое содержание вкладывает в понятие «регион» культуролог М. Г. Казакова: «…Пространственно-временной комплекс с особой неповторимой конфигурацией черт, необходимой для воспроизводства, самоопределения и осуществления человеческой деятельности индивидуумов определенного регионального типа, сформировавшегося как результат природно-ландшафтного приспособления, этнически-национальных и социокультурных процессов, протекающих на конкретной территории» [11].

Имея в виду различный уровень социально-экономического и социокультурного развития российских регионов, можно говорить о наличии «регионов-периферий» (в современном политико-экономическом лексиконе это «дотационные регионы») и «регионов-центров» (крупные промышленные узлы, регионы-«доноры»). Яркий исторический пример региона-центра – это Урал. Анализируя генезис его региональной культуры, М. Г. Казакова пишет: «На протяжении XVIII–XIX веков Урал, став территориально провинцией Российского государства, не был таковым в экономическом и социокультурном смыслах, поскольку он сформировался как индустриальное ядро в аграрной России. Его население, так или иначе связанное с высокотехнологичным производством, отличалось высоким уровнем грамотности (показатели грамотных среди различных категорий населения доходили до 60 %, что значительно превышало среднероссийские показатели); здесь была создана разветвленная сеть горнозаводских и монастырских школ. В отличие от

“срубной” России здесь никогда не прекращалось каменное строительство. Жизнь в усадьбах заводчиков выстраивалась по столичному образцу, в них существовали многотомные библиотеки (в том числе знаменитая Демидовская библиотека). Городские модницы внимательно следили за столичной и даже парижской модой» [12].

Мы определяем региональную культуру как продукт специфического социокультурного процесса на определенной территории. Это системное, полисферное, многоуровневое образование, генетически тесно связанное с так называемой «материнской»/национальной культурой, несущее в себе как общие черты и закономерности развития последней, так и собственные уникальные особенности. Основная функция региональной культуры заключается в *воспроизводстве* культурной жизни региона, в обеспечении непрерывности регионального культурного процесса.

Не каждая культура того или иного региона преобразуется в региональную культуру. Для этого необходимо, чтобы был значительным вклад региона в общенациональную культуру и чтобы репродуцировался определенный региональный тип личности. Принадлежность к подобным региональным типам приводит к переносу на индивида ряда типовых черт, устойчиво закрепившихся в общественном сознании. Так, считается, что «поморы» – суровы и неразговорчивы; «сибиряки» – уравновешенны и упорны; жители Кавказа – темпераментны. Немало тому примеров можно отыскать в типажах русской литературы.

Как региональная культура соотносится с культурой провинции и культурой столицы? С одной стороны, она внестолична, значит, должна быть признана провинциальной. С другой – столичные культуры Москвы и Петербурга несомненно являются составляющими культур Центрального и Северо-Западного регионов страны; и напротив, будучи провинциальной по отношению к московской или петербургской, культура, скажем, Екатеринбурга и Челябинска выступает культурой «столичной» по отношению к малым городам Среднего и Южного Урала. Другими словами, проблема региональной культуры России определенной своей частью преломляется в проблему внутреннего развития и взаимодействия «провинциальной» и

«столичной» культур. Соответственно, современное содержание термина «региональная культура» подразумевает взаимопревращение культур провинции и столицы.

Разница сущностных характеристик провинциальной и региональной культур выявляется в функциях, которые они реализуют. В. В. Балаханский выделяет четыре функции провинциальной культуры. Это функция носительницы народных традиций, функция сохранения преемственности национальных черт характера, функция гаранта политической стабильности общества и функция «упрочения» положения национального языка [13]. Функции региональной культуры определены И. Я. Мурзиной. Это, во-первых, функция человекотворческая – созидание определенного типа личности. Во-вторых, функция регулятивная – поддержание общественных отношений в соответствии с принятыми законами и с устоявшимися местными нормами. В-третьих, аксиологическая – формирование системы ценностей с опорой на традиции как местных жителей, так и «пришлых людей». В-четвертых, символическая – наполнение пространства жизни значимыми символами. Наконец, пятая и последняя функция – коммуникативная [14].

Сходство перечисленных функций провинциальной и региональной культур очевидно и объяснимо. Но оно не должно заслонять различия. Определяющая функция региональной культуры – человекотворческая, и в ходе ее реализации созидается отнюдь не провинциальный тип личности. Конечно, бытование провинциальной культуры также невозможно без ее носителя – обитателя провинции. Провинциалу свойственны тяга к миру уединенности, любовь к размеренной жизни в потоке неспешно текущего времени, «особое переживание пространства», говоря словами Ю. М. Лотмана, как «своего» – домашнего, лично знакомого и привычного. «Обыденное» у провинциала менее стандартизировано и механистично, чем у столичного жителя. Вместе с тем, творчество созидателя провинциальной культуры нередко анонимно или имеет коллективное авторство, а яркие харизматические личности, которых рождает провинция, если и становятся национальным достоянием, то преимущественно через приобщение к столичной культуре, аккумулирующей в себе все лучшие достижения российских территорий. В любом случае

построение личной творческой стратегии в локусе провинциальной культуры всегда проблемно.

В отличие от «провинциала», региональный тип личности несет в себе все те же черты самодостаточности и независимости, что позволяет ему разговаривать «на равных» со столичным жителем. В его самоназвании «сибиряк», «уралец», «помор» и т. д. нет уничижительности, присущей характеристике «провинциал», наоборот, в нем кроются заявка на важность и значимость региональной идентичности и регионального самосознания, гордость, иногда даже вызов. Приведем в этой связи любопытное наблюдение А. М. Горького: «Платон Каратаев и Калиныч, несомненно, русские мужики, но это мужики центральной московской Руси и такие типы “смирных” людей – очень редки на Волге, едва ли возможны в Сибири...» [15].

Кроме того, региональная культура несет в себе функцию не только сохранения народных традиций (в этом она совпадает с культурой провинциальной), но и формирования новаторских тенденций в рамках национальной культуры. Достаточно вспомнить роль Урала в зарождении технической интеллигенции и индустриальной культуры России, которую он вряд ли мог бы сыграть, если бы в этом регионе не была наработана «высокая уральская традиция, когда начальник завода или горного округа – или даже сам горный генерал – не просто администратор, а еще и ученый» [16].

Таким образом, специфика «регионального» базируется на целом комплексе самодостаточных, безотносительных к центру условий: природно-ландшафтных, экономических, социально-политических, общекультурных. Здесь время и место «осуществления культуры» имеет конкретное историческое, природно-биологическое и геополитическое наполнение, причем протекание времени и определенность места синхронны и преемственны «целому» – столице, стране. Своеобразие же «провинциального», всегда определяемого по отношению к центру, состоит в наличии *хронотопа*, определяющего уникальность системы жизнеустроения, «бытия культуры» и культуротворческого процесса.

Примечания

1. Звоновский, Б.Б. Российская провинция: массовое сознание и социальные институты [Текст] // Общественные науки и современность. – 2003. – № 1. – С. 79.

2. Центр – периферия: ось конфликта или стержень сотрудничества [Текст] // Российская провинция. –1993. – № 2. – С. 43–44; Общественная география современного мира. § Как взаимодействуют различные типы экономических районов? [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://cor.edu.27.ru/dlrstore/00000c51-1000-4ddd-517d-3600483aebf5/07-3-4.htm. Последнее посещение 01.02.2011.

3. Валлерстайн, И. Рождение и будущая кончина капиталистической миросистемы: концептуальная основа сравнительного анализа [Текст] // Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – М. : Университетская книга, 2001. – С. 8–27. – Режим доступа: http://vdostatok.ru/news/analiz_mirovykh_sistem_i_situacija_v_sovremennom_mire__i_valle__rstajn_kniga/2010-06-14-793 (Последнее посещение 1.02.2011); Завалько, Г.А. Возникновение, развитие и состояние миросистемного подхода [Текст] // Общественные науки и современность. – 1998. – № 2. – С. 140–151.

4. Дементьева, В.В. Провинциальная культура и ее институциональное выражение в Бурятии [Текст] : дис.... канд. культурологии. – Улан-Удэ, 2003. – С. 19.

5. Каган, М.С. Москва – Петербург – провинция: «двустоличность» России – ее историческая судьба и уникальный шанс [Текст] // Российская провинция. –1993. – № 1. – С. 16.

6. Дахин, А.В. Архетипические корни провинциальной культуры [Текст] // Провинциальная ментальность России в прошлом и настоящем : тезисы докладов I конференции по исторической психологии российского сознания (4–7/VII 1994 г., Самара). – Самара : Изд-во СамГПИ, 1994. – С. 9.

7. Афиани, В.Ю. Провинция: пространство и культурное взаимодействие [Текст] // Российская провинция XVIII – XX веков: Реалии культурной жизни. – Пенза, 1996. Кн.1. – С. 25–37; Бурлина, Е.Я. Мифы провинциальной культуры [Текст] // Российская провинция. – 1994. – № 1. – С. 48–51; Воронина, Н.И. Провинциальная культура как исследовательская пробле-

ма [Текст] // Регионология. – 1993. – № 2. – С. 88–95; Ермолин, Е. А. Ярославский стиль. – М.; Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2007; Злотникова, Т.С. География души и география пространства. Чеховская «провинция» в мировой культуре [Текст] // Регионология. – 1994. – № 1. – С. 111–119; Злотникова, Т.С. «Золотой век» русской провинции (XVIII в.) [Текст] // Волга. – 1995. – № 5/6. – С. 4–14; Инюшкин, Н.М. Культурное пространство провинции [Текст] // Регионология. – 2003. – № 3. – С. 316–323; Илюшкин, Н.М. Провинциальная культура: специфика и проблемы востребования [Текст] // Российская провинция XVIII – XX вв.: материалы Всерос. конф. – Пенза, 1996. Кн. 1. – С. 82–91; Чванов, И.В. Провинциализм или провинциальность как два проявления российской ментальности // Регионология. – 1995. – №3. – С. 174–180.

8. Региональные культурные ландшафты: история и современность [Текст] : материалы всероссийской научной конференции / под ред. Н.П. Дворцовой. – Тюмень : Издательско-полиграфическое предприятие «Тюмень», 2004. – 288 с.; Дидковская, Н.А. Культурный универсум в предметном поле культурологии, истории, философии, искусствоведения, филологии [Текст]. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2009. – 152 с.

9. Современные трансформации российской культуры [Текст]/ отв. ред. И.В. Кондаков; науч. совет РАН «История мировой культуры». – М. : Наука, 2005. – 751 с.

10. Кривич, Н.А. Художественная культура Приморского Края в древности и средневековье: проблемы формирования, динамики, типологии [Текст] : автореф. дисс… канд. культурологии. – СПб., 2001. – С. 12.

11. Казакова, М.Г. «Региональная» и «провинциальная» культуры: о сущностных характеристиках [Текст] // Вестник Московского государственного университета культуры и искусства. – 2007. – № 3. – С. 112.

12. Там же. – С. 113.

13. Балаханский, В.Б. Провинциальная культура и объяснение событий Российской истории [Текст] // Российская провинция XVIII – XX веков: реалии культурной жизни: III всерос. науч. конф. (Пенза, 25–29 июня 1995) : материалы. – Пенза, 1996. Кн. 2. – С. 232–236.

14. Мурзина, И.Я. Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания [Текст]. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – С. 47–52.

15. Лазарев, А.И. Региональные аспекты изучения фольклора и литературы [Текст] // Региональные аспекты изучения литературы и фольклора на материале Урала. Межвуз. сб. – Челябинск, Уфа : Изд-во БГУ, 1984. – С. 6.

16. Иванов, А. Хребет России [Текст]. – СПб. : Азбука-классика, 2010. – С. 199.

Глава 3. Ойкумена русской провинциальной культуры

Н. Н. Лётина

Если выпало в империи родиться,
Лучше жить в глухой провинции у моря…
И. Бродский

Термин «*провинция*», а также образованные от него термины «провинциал», «провинциальный», «провинциализм», «провинциальность» прочно вошли в современный гуманитарный, в том числе культурологический, тезаурус. При этом именно исходный термин – «провинция» – в силу своей полисемантичности определил проблематизм и даже полемичность дефиниций этимологически связанных с ним понятий.

Слово «провинция» в русском языке является калькой латинского слова «provincia». «Provincia» в Древнем Риме – завоеванная территория, управляемая римским наместником. Provincia, входя в состав Рима, по своему статусу была вторичной *административно-территориальной единицей* по отношению к Риму как метрополии. В этом смысле античное, имперское по своему смысловому обеспечению, понятие «provincia» закрепилось и в организации пространства ряда государств Европы и Северной Америки (Италия, Канада).

В России XVIII в. провинция также представляла собой административно-территориальную единицу второго уровня.

Указом Петра I от 29 мая 1719 г. была запущена реформа, направленная на разукрупнение слабо управляемых огромных губерний, которые разделили на провинции. Екатерининская реформа, начавшаяся 7 ноября 1775 г. с подписания Екатериной II «Учреждения для управления губерний», увеличив число губерний (основная часть которых стала называться наместничествами), упразднила провинции, заменив их уездами. Особо отметим: в отличие от римской provincia российская провинция XVIII в. не была завоеванной территорией, а представляла собой единицу административно-территориального деления, структурирующую уже имеющуюся государственную территорию. Безусловно, данная схема распространялась и на новые земли, присоединяемые к России, но *она не несла в себе изначального противопоставления исконных и приобретенных пространств*.

Для русской культуры более актуальным – и по времени существования, и по глубине вхождения в менталитет – оказалось другое значение античной «provincia». В контексте римского менталитета «provincia» обладала и оценочным характером, воспринимаясь двойственно. С одной стороны, входя в состав Рима, provincia представляла собой «свое» пространство, освоенное, прирученное. С другой – будучи завоеванным, а следовательно, исконно «чужим» пространством, provincia несла в себе скрытую угрозу и требовала постоянного контроля и пролонгированного «приручения». Этот внутренний конфликт «свое – чужое» стал значительным семантическим аспектом понятия как оценочной категории античности, а затем и более поздних культур. Именно он определил характерное для европейской ментальности *устойчивое представление*, стереотип восприятия *провинции как местности, удаленной от столицы* – центра жизни и культуры, и *провинциальности как синонима отсталости, наивности и простоты*. На наш взгляд, данный стереотип восприятия не раскрывает, но, по крайней мере, *фиксирует провинциальность как проявление особого социально-психологического комплекса*.

В современной отечественной культурологической мысли [1] уже обозначено утверждение *русской провинции как пространства особого типа ментальности и культуры*. Культура провинции и провинциальная культура – выражения, хотя и не

тождественные, но указывающие на существование своеобразной ойкумены.

Мы предлагаем экстраполировать на опыт русской культуры уже потерявший четкую определенность античный термин «ойкумена» и локализовать его применительно к исследуемой ситуации, воспользовавшись словосочетанием «*ойкумена русской провинциальной культуры*».

Ойкумена русской провинциальной культуры – именно та специфическая дефиниция, которая, во-первых, способна охарактеризовать трудноуловимое и изменчивое *нечто*, называемое культурой русской провинции, а во-вторых, дифференцировать и зафиксировать типологическую особость определенной составляющей русской культуры. Такая возможность дефиниции связана с ее как минимум двойной семантической нагрузкой.

С одной стороны, дефиниция «ойкумена русской провинциальной культуры» несет в себе восходящую к античным представлениям об ойкумене как обитаемой представителями определенной цивилизации вселенной или территории географическую коннотацию. В таком статусе дефиниция фиксирует *отдельный этногеографический и пространственно-временной континуум – континуум русской провинции*. Она ограничивает изучаемый феномен территориально – локусом русской провинции. В этом плане предложенная дефиниция соотносится с семантикой понятия «культура русской провинции», но обладает более широкой смысловой нагрузкой.

Дефиниция «ойкумена русской провинциальной культуры» обладает и детализирующим смыслом. Серьезную ценность для нас представляет семантика *особой «территории», даже «части» русской культуры, обладающей специфическими чертами*. Здесь на первый план выходит не этногеографическая составляющая дефиниции, а ее функция, дифференцирующая типы культурных сфер и процессов.

Стремление к упорядочиванию государственной территории и жизни населения в европейской практике способствовало формированию двойственного культурного пространства – центра и периферии.

Дихотомия центра и периферии, причем не в теоретическом плане, а на уровне коллективного бессознательного, восхо-

дит к мифологическому хронотопу. В мифологической картине мира наиболее значимой точкой пространства является Сакрум [2]. Он организует вертикальную ось мира и задает вертикальную структуру мироздания. Мир в горизонтальной проекции оценивается качественно, по мере удаления от Сакрума к периферии он воспринимается все менее значимым. Однако в горизонтальной проекции этого профанного мира есть избранные места – это локусы, обладающие некоей священной функцией или реликвией, происходящей от Сакрума.

Именно из этой оппозиции центра и периферии, сакрального и профанного и возникнет в западной культуре возможность дифференциации столицы и провинции.

Она присутствует уже в эллинском сознании как трансляция ряда сакральных функций Олимпа полису – городу-государству, прежде всего – Дельфам и Афинам. В римском сознании роль полноценного абсолютизированного Сакрума принадлежит «вечному Риму», городу, существующему одновременно в двух измерениях – вечности и времени.

В христианской средневековой культуре Запада Сакрум соотнесен с Небесным Иерусалимом, символически воплотившемся в Иерусалиме земном. Неудивительно поэтому, что средневековая Европа является периферией, профанной провинцией христианского мира.

В эпоху Ренессанса в результате целенаправленной деятельности пап на смену потерянному Иерусалиму придет по-новому вечный Рим, в котором сконцентрируются большинство священных христианских реликвий и церковная власть. И христианский мир постепенно станет европоцентричным как в своих религиозных порывах, так и светских практиках.

Рим становится столицей христианской Европы, но к XV в. уже оформляются границы большинства европейских государств, у которых есть собственные столицы. Безусловно, на выбор столиц европейских государств повлияли различные мотивы, но каков бы ни был их точный перечень, важным моментом является подражание Риму и одобрение Рима. Даже если столица была определена до переориентации Европы на Рим, получить его знак внимания было делом престижа. Традиционным становится передача европейскому монарху или верховно-

му церковному чину священной христианской реликвии. В результате этого символического жеста столица европейского христианского государства становилась сопричастным Риму центром. Постепенно сакральное значение дара ослабевало, но возрастало его политическое значение, и укреплялась роль столицы как вполне светского административного центра, являющегося образцом для всего государства. Подражание Риму, таким образом, приобретало формальный характер. Это выразилось, например, в постепенном переходе европейского градостроительства на систему регулярного планирования, которое воспроизводило трехлучевой план Рима.

Апофеозом осознанного подражания Риму как по форме, так и по содержанию в русской культуре XVIII в. стал Санкт-Петербург. Подражание Риму в создании и презентации новой – рубежной как исторически, так и географически – столицы России стало последовательным принципом. Трехлучевая «римская» композиция определяет план исторического центра города. Но под символическую рифму Петербург – Рим подводились и серьезные духовные основания. В этом отношении трудно переоценить старания Феофана Прокоповича. Принято считать, что Санкт-Петербург таковым и задумывался, однако достоверно известно лишь то, что Петр I называет его в честь своего небесного патрона. Закладка Петропавловской крепости на Заячьем острове и Петропавловского собора указывает, что имеется в виду апостол Петр. Но надо учесть, что изначально небесное покровительство Петру Алексеевичу Романову, крещенному 29 июня, в день святого мученика Петра Сипопского и святого апостола Петра (и Павла), оказывали, как видим, два Петра. Приоритет апостола Павла при строительстве Санкт-Петербурга очевиден. Но «град Петра» воспринимался современниками первоначально негативно, скорее, как каприз царя, как его личное пространство (А. Пушкин, Н. Гоголь, Ф. Достоевский). Неприязненное отношение к новой столице было характерно и для жителей провинциальных городов. И для провинции дело было не в идеологических, а экономических проблемах. Например, для Ярославля, богатейшего купеческого города и крупнейшего транспортного узла, переориентация торговых путей на Санкт-Петербург первоначально означала экономическую катастрофу и

нарушение благополучного жизненного уклада. Религиозные же акценты будут расставлены и упрочнены в деятельности Феофана Прокоповича. Именно он настойчиво декларировал особую миссию Петра I, сравнимую с аскезой крупнейших библейских персонажей, православных святых и исторических деятелей – апостола Петра, Моисея, Соломона, Иафета, Бориса и Глеба, Александра Невского [3]. Во многом благодаря его красноречивой риторике Sankt Pieter Burch стал восприниматься градом апостола Петра, российским Римом, российский раем.

С формированием абсолютизма и усилением государственности все функции центра сконцентрировались в столицах, сопричастных римскому образцу, в то время как на периферии оказалась остальная территория страны, для которой образцом стала уже собственная столица. В это время уже отчетливо дифференцируются и два соответствующих типа культуры: столичный – элитарный и периферийный – народный.

Таковы в общем виде истоки интуитивного восприятия провинциального самосознания и провинциальной культуры как специфического универсума.

В столицах европейских государств XVII–XIX вв. при дворах монархов развивалась элитарная образцовая культура, в то время как культурная жизнь за пределами столиц представляла собой попытку дотянуться до образца. Такое положение дел характеризует культурную жизнь провинции с точки зрения ее направленности, но в то же время определяет ее важное качество – *подражательность, вторичность* по отношению к образцу.

Длительное изучение историко-типологических особенностей русской провинциальной культуры дало нам основания выдвинуть предположение о наличии двух взаимосвязанных и при этом специфических процедур, характеризующих механизм взаимодействия ойкумены русской провинции с внешним миром. Эти процедуры мы определяем как (1) рецепцию и (2) адаптацию.

Рецепцию традиционно трактуют как «эпизодическое, … сознательное заимствование идей, материалов, мотивов, берущихся за образец, с целью поставить его на службу собственным эстетическим, этическим, политическим и др. интересам» [4]. Представляется, однако, более корректным определять рецеп-

цию не как эпизодическое, случайное, а как систематическое культуросообразное обращение к признанному классическим наследию с целью культурного присвоения (подразумевающего и осознание некоего феномена достоянием внутреннего опыта персоны, эпохи, и практическое, вполне утилитарное использование) или освоения (прежде всего – научная и художественная рефлексия).

Заметим, что рецепция образца и заимствование образца – процедуры близкие, но все же нетождественные. Заимствование, понимаемое нами как намеренное использование чужого опыта, обычно носит случайный, эпизодический характер и подразумевает его самостоятельную ценность. Рецепция же осуществляется не ради актуализируемого явления, но ради того, кто к нему обращается. Безупречный пример легитимации рецепции дал применительно к средневековым штудиям античности Аврелий Августин: «Если языческие философы, особенно платоники, случайно обронили истины, полезные для нашей веры, то … необходимо отнять их у незаконных владельцев и употребить на пользу нам» [5]. Думается, в провинциальной культуре мы имеем дело именно с рецепцией, иногда совпадающей с интерпретацией, иногда – с заимствованием или влиянием, но являющейся (или кажущейся) более сложным и глубоким процессом.

Обратимся к конкретным вариантам рецепции в русской провинциальной культуре на материале художественной культуры Ярославской губернии.

Проявлений того, что мы считаем возможным назвать нисходящей рецепцией, в ярославской художественной культуре множество. Мы предлагаем рассмотреть ее реализацию в ярославской архитектуре и монументальной живописи XIX в.

Здание театра имени Ф. Г. Волкова (1909–1911) представляет собой реализацию модели нисходящей рецепции в архитектуре Ярославля. История постройки современного здания театра имени Ф. Г. Волкова точкой отсчета имеет конкурс, проведенный Московским архитектурным обществом. Его возглавлял известный архитектор Ф. Шехтель, а выиграл молодой архитектор Н. Спирин (1882–1938), предложивший проект под названием «Фигуры, танцующие в круге». Само название проекта, актуализировавшее антиномичность аполлонического и дионии-

сийского начал и нашедшее отражение в декоре экстерьера и интерьера здания, в сознании эрудированных современников должно было ассоциироваться с концепцией Ф. Ницше о рождении трагедии из духа музыки. А в основе композиционного решения фасада здания – прямая цитата излюбленного приема Д. И. Жилярди «портик в арочном проеме», восходящего к римской архитектуре. Этот прием архитектор реализовывал неоднократно, но по визуальному сходству оформление экседры Музыкального павильона Конного двора в Кузьминках-Влахернском максимально близко решению фасада здания Ярославского государственного академического театра имени Ф. Г. Волкова.

В сфере наших интересов была и проблема синтеза искусств. Театр же в сознании русской культурной элиты приобретал особую значимость в иерархии искусств – второго после «голоса Бездны» – музыки, а по высочайшей степени синтетичности – первого. И в этом контексте установление связи здания ярославского театра с ритуальным истоком театра эллинского (дионисийский культ) в декоре через посредничество неоклассицистских архитектурных форм (аполлоническое начало) демонстрирует глобалистский уровень претензий. Первый русский академический театр выступает в качестве прямого наследника античного театра. А поскольку эллинский театр (Афинский) выполнял религиозную функцию храма, и это было отрефлексировано в русской культуре и образовании (Вяч. И. Иванов, И. Анненский), то пространство Волковского театра приобрело сакральный характер места символического жертвоприношения.

В данном случае чистота модели нисходящей рецепции максимальна, но ее результат становится интертекстуальным, синтетичным, что, впрочем, инспирировано самой природой модерна.

Показательный пример нисходящей рецепции являет собой *история архитектуры г. Рыбинска, развивавшейся в перманентной и явной коммуникации с архитектурой Санкт-Петербурга.* Собственно, «петербургский» интертекст для Рыбинска имеет определяющий характер в целом – с ним связано само появление Рыбной слободы, ее история, культура и самосознание жителей. Мифологизированный образ «Рыбинск-городок – Петербурга уголок» стимулирует городской патрио-

тизм и, являясь антитезой выражению «Ярославль-городок – Москвы уголок», демонстрирует претензии на аристократизм в вечном сравнении (не без соперничества) с «купеческим» губернским городом. Петербургская ориентация в архитектуре наиболее отчетливо выразилась в ставшем традицией привлечении столичных (петербургских) архитекторов, например, А. И. Мельникова, М. А. Щурупова, К. К. Рахау, В. А. Шретера, построивших ряд общественных зданий в Рыбинске. В этом плане типична история строительства Спасо-Преображенского собора. В конкурсе проектов на создание Исаакиевского собора в Петербурге, как известно, победил архитектор О. Монферран. Менее удачливый участник этого конкурса, академик А. И. Мельников, продал свой проект Рыбинску. В результате в небольшом провинциальном городе по столичному проекту был построен пятиглавый центрально-купольный храм – Рыбинский Спасо-Преображенский собор, который по праву назвали «Красой Поволжья».

Не менее значительной по эффективности нисходящей рецепцией стало строительство жилых зданий, прежде всего – купеческих особняков. В 1810 г. рыбинские купцы совершили грамотный с точки зрения репутационного менеджмента поступок: реализовали в собственных домах престижную архитектурную тенденцию строительства по индивидуальным планам. Чтобы оценить степень его претенциозности, отметим: они заказали спланировать более десятка фасадов жилых домов знаменитому петербургскому архитектору К. И. Росси. Позднее рыбинцы прибегли к вмененной центральной властью более практичной, но также модной тенденции типовой застройки жилых зданий. Рыбинская городская дума приобрела сначала два изданных в Петербурге (1809–1812) альбома, содержавших более 200 чертежей «высочайше утвержденных образцовых фасадов» (разработки В. П. Стасова, В. И. Гесте и др.), затем вторую серию образцовых фасадов (разработки А. И. Шарлеманя, И. И. Шарлеманя, Н. Е. Ефимова, Ф. И. Руска, К. Е. Ухтомского, В. Е. Моргана и др., 1841–1853 гг.). Несмотря на то, что обязательность «образцовых фасадов» в 1858 г. была отменена, рыбинские строители активно использовали проекты этих альбомов в сочетании с принципами регулярной застройки.

Главная особенность реализации нисходящей рецепции здесь состоит в ее *эффективности* и *наличии обратной связи*. Причем эффективность имеет и практический, и ментальный аспекты: возникающая в результате рецепции целостная городская среда апеллирует к «петербургскому тексту русской культуры» (выражение В. Топорова) и перманентно питает городской патриотизм, иногда, к сожалению, редуцирующийся в местечковые амбиции. Обратная связь демонстрирует некогда активную позицию социокультурной элиты Рыбной Слободы – Рыбинска.

В монументальной живописи ярославской губернии XIX в. нисходящая рецепция представлена еще более внушительно. Приведем наиболее значимые и в большинстве случаев впервые обозначаемые нами примеры.

Одним из востребованных объектов рецепции является алтарный образ «Преображение» Рафаэля Санти. Результаты рецепции в ярославских храмовых росписях XIX в.: «Преображение» работы Т. Медведева в Спасо-Преображенском соборе г. Углича (западная стена); «Преображение» неизвестного автора в Покровской церкви (свод над алтарем). Характер рецепции в обоих случаях – пассивное осознанное копирование.

Значимым объектом рецепции стал центральный образ алтарного триптиха «Снятие с креста» (Рубенс, Антверпенский собор, 1612 г.). Результаты рецепции: «Снятие с креста» Т. Медведева в церкви Ярославских чудотворцев Спасо-Преображенского собора (медальон на потолке); «Снятие с креста» в Казанской церкви с. Сеславина Ярославской губернии; «Снятие с креста» работы Т. или Е. Медведева в Федоровской церкви Богоявленского женского монастыря в Угличе. Характер рецепции в первых двух случаях – активная интерпретация. Изменено месторасположение, осуществлен зеркальный поворот композиции по горизонтали, в церкви Ярославских чудотворцев микширован красный цвет.

Еще один важный объект рецепции – «Тайная вечеря» трапезной монастыря Санта-Мария делла Граце работы Леонардо да Винчи. Этот объект в монументальной живописи XIX в. становится настолько востребован, что встречается во многих провинциальных храмах, и не только ярославских. Например,

«Тайная вечеря», выполненная в технике гризайль, изображена на конхе алтарной апсиды Преображенского собора в г. Арзамасе. Здесь характер рецепции – активная интерпретация: изменено месторасположение, использована техника гризайль в черно-белых тонах. На ярославском материале результаты рецепции «Тайной вечери» присутствуют в росписях Казанской церкви в с. Сеславине Ярославской губернии (западная стена алтаря); церкви Ярославских чудотворцев (конха алтарной апсиды); церкви Печерской Богоматери – основание звонницы Спасо-Преображенского монастыря (западная стена алтаря). Характер рецепции во всех случаях – пассивное, осознанное копирование с изменением места.

В монументальной живописи Ярославской губернии других эпох также присутствуют реминисценции их западноевропейской живописи. Бытовые сцены труда в храме Ильи Пророка восходят к голландской бытовой живописи; визуальная перспектива – колоннады, пейзажи, архитектурные детали в духе итальянской живописи присутствуют в росписях храма Ильи Пророка, храмах Толгского монастыря, Федоровской церкви Богоявленского женского монастыря г. Углича, Казанской церкви с. Сеславина, церкви Воскресения Христова с. Левашова.

Иное восходящее направление рецепции – интеграция провинциальной культуры в национальное (и шире) социокультурное пространство – также осуществлялось и осуществляется в процессе художественного творчества. Как уже было отмечено выше, оно носит скорее исключительный, нежели типичный характер. Редкие для провинциальной культуры случаи, определяемые по аналогии с нисходящей рецепцией как примеры рецепции восходящей, обнаруживаются в литературе Ярославского края.

Общеизвестный и в силу этого фактора лишь обозначаемый нами литературный опыт подобного рода принадлежит Н. Некрасову. Подробнее предлагаем остановиться на впервые интерпретированном нами в подобном ключе произведении Ю. Жадовской.

Стихотворение провинциальной поэтессы Ю. Жадовской (1824, с. Субботино Ярославской губернии – 1883, с. Толстиково Костромской губернии) «Безумная! Я все еще тебя люблю» было положено на музыку А. Даргомыжским и в результате стало

востребованным романсом в русских музыкально-литературных салонах и гостиных не только провинции, но и Москвы, Петербурга. Более того, он имел европейский резонанс: известно, например, что романс «Безумная!» успешно вошел в репертуар Полины Виардо. При этом складывалась необычная культурная ситуация: провинциальная поэтесса оказывалась посредником не между «столичным» или «европейским» художественным опытом и провинциальной аудиторией, но между русской провинциальной культурой, а если конкретизировать до конца, русской провинциальной культурой первой половины XIX в. в аспекте женского творчества и европейской аудиторией, следовательно, европейской культурой. Рецепция стихотворения Ю. Жадовской была осуществлена на личностном и групповом уровнях, поскольку бытование романса А. Даргомыжского на стихи Ю. Жадовской ограничено аристократической в социальном (дворяне) и культурном (романтизм) планах средой России и Европы XIX в. Заметим, что смысловые доминанты и образы произведения реализованы в традициях романтического ментального и художественного кода, придававшего большое значение индивидуальности автора. Поэтому личностные интенции Ю. Жадовской с наиболее яркими биографическими подробностями (несчастливая женщина-инвалид) передались тексту, приобретшему особый драматизм. Важно подчеркнуть: провинциальная поэтесса, выступив всего лишь каналом международной культурной рецепции, приобрела европейскую известность как личность. Не менее значимо, что для своего времени перед нами действительно редкий вариант рецепции, поскольку он меняет традиционную для провинциального культурного поля иерархию: перед нами не нисходящая, а восходящая модель.

В начале XXI в. Ю. Жадовской суждено было стать участницей парадоксальной восходящей рецепции, осуществленной в массовой культуре. Речь идет о ее «незримом присутствии» в одной из составляющих саундтрека популярного «телевизионного романа» «Бедная Настя» – «романса» «Мне не жаль…», ставшего музыкальным лейтмотивом сериала.

В тексте «романса» – место Ю. Жадовской. И это место удивительно и показательно одновременно. Дело в том, что слова хита «Мне не жаль» состоят из двух стихотворений – «Мне не

жаль, что тобою я не был любим» (1870-е гг.) А. Апухтина и «Безумная!» Ю. Жадовской.

Композиция текста романса в фильме требует особого внимания: она представляет собой беспринципный, и в силу этого принципиальный постмодернистский «микс» произвольно перетасованных частей двух стихотворений. При этом слова текста А. Апухтина остались без изменения, а стихотворение Ю. Жадовской подкорректировано в лексико-грамматическом, количественном и смысловом планах.

Какова же роль провинциальной поэтессы Ю. Жадовской в данной рецепции? Оговоримся сразу: речь идет уже не о роли личности, поскольку об авторстве Ю. Жадовской зритель еще должен догадаться, а о функции ее текста в романсе «Мне не жаль…» Это перекодированный код части сообщения. А поскольку код обезличен, то судьба и текст Ю. Жадовской теряются в сообщении и теряют смысл, став, тем не менее, достоянием общероссийской массовой аудитории.

Анализируя деятельность провинциальных творцов: архитектора Н. Спирина, живописца Т. Медведева, поэтов Ю. Жадовской, К. Павловой, М. Богдановича, М. Петровых, – мы выявили на примере их деятельности, что характер рецепции в провинциальной культуре предстает в следующих вариантах.

С точки зрения объекта рецепции характер процедуры связан, во-первых, как с имманентными ей моментами, так и, во-вторых, с представлением о ней, созданном в научной и художественной рефлексии. Интересно, что в ярославской монументальной живописи XIX в. мы имеем дело не с отечественными столичными[1], как можно предположить, а напрямую с вершинными достижениями европейского искусства – творчеством Рафаэля Санти, Леонардо да Винчи, П.-П. Рубенса.

[1] Безусловно, в монументальной живописи Ярославской губернии присутствовала и рецепция вершинных достижений русской живописи, но в меньших масштабах, чем европейской. Яркий пример прямого копирования – фреска «Явление Христа народу» над входом в церкви Утоли моя печали в с. Некрасовское, воспроизводящая одноименную картину А. Иванова (росписи Е. Сорокина и И. Шварева).

С точки зрения субъекта рецепции ее характер может быть пассивным, осознанным и выборочным (перевод, инсценировка), а также активным (подражание, переделка, интерпретация, создание нового произведения с использованием образцового материала).

Важен и третий момент – вектор рецепции, акцентирующий то привлекаемый для рецепции опыт как целостность, то его отдельные аспекты – философский, интеллектуальный, научный инструментарий, систему художественной образности, социально-политические институты и пр. В частности, рецепция в провинциальной ярославской монументальной живописи следует за образцами художественных открытий, а не интеллектуально-философских рефлексий. В рамках XIX в. речь идет о выраженных ренессансных и барочных итальянско-нидерландских приоритетах отечественного, в том числе провинциального, академизма. При этом наиболее активным в аспекте рецепции европейских образцов на Ярославской земле была артель художника-академика Т. Медведева, чья личная роль в формировании ярославской культуры до сих пор не оценена по достоинству.

В целом рецепция, осуществляемая в культурном пространстве провинции, – процесс сложный, иерархический и многоступенчатый.

Рецепция в провинциальной культуре началась с момента ее появления и продолжается до сих пор. Подвергаемые рецепции провинциальным творчеством начала определены нами, соответственно, как национальный, европейский, мировой культурный процесс в вершинных достижениях художников и актуальных тенденциях. При этом провинциальное творчество приобретает однонаправленную иерархию нисхождения, которую мы предлагаем обозначить понятием нисходящей рецепции. Иное направление рецепции – интеграция провинциальной культуры в национальное и европейское социокультурное пространство – также осуществлялось и осуществляется в процессе культурного творчества. По аналогии с нисходящей рецепцией мы называем этот процесс рецепцией восходящей. Отметим, что он носит скорее исключительный, нежели типичный характер.

Адаптацию, трактуемую нами в соответствии с традициями средневековой латыни (adaptatio – приспособление),

вполне можно рассматривать как частный случай рецепции с одним важным уточнением. Адаптация в провинциальной культуре, на наш взгляд, выступает не просто механизмом приспособления существующих культурных матриц – ментальных, художественных, повседневных и пр. – к определенным условиям ойкумены русской провинциальной культуры, но механизмом упрощения. Адаптация позволяет провинциальным культурным деятелям облегчить восприятие адаптируемого образца провинциальной аудиторией, сократив и упростив содержательные и (или) формальные характеристики своего объекта. Вероятно, именно аудиторный фактор имеет здесь первостепенную роль. В то же время адаптация, именно в силу упрощения объекта, позволяет технически облегчить труд субъекта адаптации – провинциального художника. Она может также способствовать социокультурной адаптации личности художника или группы художников с социальной средой провинции, что является важным фактором их личного и творческого благополучия. При таком функционале адаптация в провинциальной культуре становится важной задачей рецепции.

Исходя из этого, мы определяем сущность провинциальной культуры как *синтетизм*, пытающийся примирить элитарное (столичное) с народным (местным), в худших случаях доходящий до *маргинальности*.

При этом европейские страны XVII–XIX вв. являются относительно самостоятельными в создании культурных ценностей, в них образец и подражание являются обычно имманентными родной культуре явлениями. Во многом это связано с пространственной близостью столицы и провинции в территориально небольших государствах. Верность «столичному» образцу оказывается и предметом особой национальной гордости. Например, меланхолия и чувствительность воспринимаются на рубеже XVIII–XIX вв. как примета «сына Франции», «сына века». На рубеже XIX–XX вв. цивилизационную миссию колониальных держав – «бремя белых», по Р. Киплингу, – англичане воспринимают собственным достоянием. Показательно, что колонии в результате подобного отношения приобретают статус удаленной провинции, «своего, но чужого» мира, требующего перетворения по образцу «метрополии». А колониальная культура

уподобляется провинциальной своей двойственностью и характером нисходящей рецепции.

Русская провинциальная культура, осваивая столичный опыт, имеет дело с двойной рецепцией. Традиционно она подражает не образцу-оригиналу, а уже преломленному столичными культурными деятелями его отражению. Более того, русская провинциальная культура нередко складывается на столь отдаленной периферии этнически неоднородного государства, что типологически более сходна с культурой европейской колонии, чем европейской провинции. В лирике дважды провинциального поэта М. Богдановича присутствуют образы поэзии М. Лермонтова, которые, в свою очередь, восходят к поэзии Д. Г. Байрона. Фресковые церковные росписи русских художников-академиков первой половины XIX в. в своих композиционных решениях нередко – то опосредованно, через использование гравюр из Библии Ю. Карольсфельда, Библии Пискатора, то напрямую – восходят к вершинным произведениям ренессансной и барочной европейской религиозной живописи (Леонардо да Винчи, Рафаэль Санти, П.-П. Рубенс и др.). Двуязычие русской дворянской культуры XIX в. – также показательный факт.

Русская культура в целом формально провинциальна, ибо основывается на внешних заимствованиях. Русская культура провинциальна и сущностна, ибо в ней имеют ценность главным образом иностранные корни. «Любовь к отеческим гробам, любовь к родному пепелищу» в русской культуре XVII–XIX вв. – скорее экзотика, чем норма. В арсенале русской культуры – рецепция культурных открытий Византии, Польши, Голландии, Германии, Швеции, Пруссии, Франции, Англии, США. Выбор того или иного образца для подражания в русской культуре мотивирован как объективными, так и субъективными факторами. Объективные факторы включают в себя степень влиятельности и успешности конкретного государства в европейском и мировом масштабе, и в результате – его высокую репутацию; географическую близость и (или) активную экспансию иностранных держав в российскую жизнь или России в жизнь иностранных держав, в том числе военную (тюркская, польская, шведская традиции); степень близости России по ментальным, идеологическим, культурным, политическим и прочим параметрам (Византия). Субъ-

ективные факторы: происхождение российских императоров (Анна Иоановна, Анна Леопольдовна, Петр III) или наделенных значительным государственным влиянием личностей (Бирон; Миних); личные «вкусовые» пристрастия императоров (Петр I, Елизавета Петровна, Екатерина II, Павел I, Александр I, Николай I, Николай II) или получивших государственную власть личностей (А. Меншиков, В. Ульянов-Ленин).

Примечания

1. Злотникова, Т.С. Столичный модус и провинциальное самоопределение [Текст] // Столицы и столичность в истории русской культуры: научный сборник. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2006. – С. 6–15; Инюшкин, Н.М. Провинциальная культура: природа, типология, феномены [Текст] : дис... д-ра филос. наук. - Саранск, 2005. – 325 с.; Культура русской провинции [Текст] : новые исследования: материалы научно-практической конференции / отв. ред. В. П. Кудинов. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2002. – 120 с.; Ментальные модели русской культуры [Текст] // Сборник научных трудов ведущей научной школы России по методологии изучения теории и истории русской культуры / науч. ред. Т.С. Злотникова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2005. – 136 с.; Мир русской провинции и провинциальная культура [Текст] : сб. ст. / Гос. ин-т искусствознания; отв. ред. Г.Ю. Стернин. – СПб. : Дм. Буланин, 1997. – 139 с.; Мифы провинциальной культуры [Текст] : тезисы международного симпозиума. 11 мая 1992 г. – Самара : Изд-во «Самарский ун-т», 1992. – 282 с.; Отставнова, И.В. Пространство российской провинции: («Жизнесмыслы») [Текст] : дис... канд. культурологии. – Саранск, 2006. – 150 с.; Русская провинция и мировая культура [Текст] : материалы II межвузовской научной конференции. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 1998. – 103 с.

2. Кассирер, Э. Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции [Текст]. – репринтное изд. – СПб. : Алетейя, 1912. – 166 с.

3. Феофан Прокопович. Слово на погребение Петра Великого [Текст] // Русская литература XVIII века. 1700 – 1775: хрестоматия / сост. В.А. Западов. – М. : Просвещение, 1979. – С. 53 – 55.

4. Словарь античности [Текст] : пер. с нем. / отв. ред. В. И. Кузищин. – М. : Прогресс, 1989. – С. 484.

5. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада [Текст]. – М. : Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. – С. 107.

Глава 4. Космополитизм и провинциальность в ментальной модели личности символиста

Т. И.Ерохина

К важнейшим чертам ментальности мы относим пространственную характеристику, моделирующую хронотоп существования русского символиста.

В данной главе мы концептуализируем наиболее важные с точки зрения символистской ментальности аспекты пространства и определяем очередной поворот символистской бинарности: *космополитизм* как всеобщее и «ничье» и *провинциальность* как индивидуально-личное и собственное.

Пространственный модус определяется рядом исследователей (М. Бахтин, Н. Бердяев, Г. Гачев, А. Гуревич, В. Ключевский, Ю. Лотман, Н. Трубецкой, О. Шпенглер) как базовый, создающий неповторимый облик культуры в целом и соответственно национальной ментальности в частности. По своим функциям пространственный модус фундирует картину мира, свойственную сознанию и самосознанию народа в целом и субкультурных картин мира, отраженных в искусстве (В. Жидков, К. Соколов).

Семиотика пространства имеет особое значение в создании картины мира той или иной культуры. Природа этого явления, по мнению Ю. Лотмана, связана с самой спецификой пространства: «Неизбежным фундаментом освоения жизни культурой является создание образа мира, пространственной модели универсума. В этом случае пространственное моделирование реконструирует пространственный же облик реального мира» [1].

Предметом нашего внимания будет пространство как составляющая хронотопа и как своего рода язык моделирования, «с помощью которого могут выражаться любые значения, коль скоро они имеют характер структурных отношений. Поэтому пространственная организация есть одно из универсальных средств построения любых культурных моделей» [2].

Восприятие пространственной модели мира находит выражение в организации русскими символистами художественной картины мира, соответствующей ментальным особенностям русского символизма.

Понятию «художественная картина мира символистов» придается условное значение. В данном случае мы определяем наиболее общее содержание картины мира, свойственное русскому символизму, не дифференцируя этапы и школы развития символизма в России, а также не акцентируя внимание на индивидуальных взглядах отдельных представителей декадентства и символизма.

Художественную картину мира принято рассматривать как сложный феномен, содержание и структура которого зависят от значительного количества факторов, среди которых есть как объективные (научные представления, историко-культурная ситуация, национальные традиции), так и субъективные (принадлежность к субкультуре, индивидуальный опыт, специфика творческой личности). Бесспорным является то, что любое художественное течение, независимо от степени его однородности, формирует и передает последующим поколениям определенную художественную картину мира. И если, по мнению исследователей проблем социологии искусства В. Жидкова и К. Соколова, «при формировании картины мира реальность как бы удваивается: с одной стороны, существует некая объективная реальность, с другой – ее психическая модель» [3], то возможно, что формирование художественной картины мира предполагает «утроение» реальности, поскольку создается художественная модель реальности, имеющая символический смысл.

Художественная картина мира структурирует хронотоп и структурируется хронотопом, создающим, по словам М. Бахтина, определенные законы, трансформирующие натуральное время-пространство соответственно условностям того или иного

жанра: «пространство … интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории» [4].

Пространство в художественной картине мира может рассматриваться в нескольких аспектах.

Во-первых, как *пространство географическое*, в своем буквальном (топографическом) качестве. Сразу отметим, что подобного рода географическое пространство в русском символизме либо отсутствует, либо приобретает специфическое значение. Даже роман Ф. Сологуба «Мелкий бес» (чуть ли не единственное символистское произведение, напрямую связанное с русским провинциальным бытом) не может быть прочитано только в русле осмысления/критики провинциального существования Передонова. Признаки пространства в романе достаточно условны и не являются доминирующими, несмотря на яркие и точные зарисовки провинциального быта.

Символистское пространство не может быть конкретным; в своей конкретике, с реконструкцией ландшафта местности, географических ориентиров, границ и предметов, оно символистами принципиально отвергается. Напротив, оно «распредмечивается», теряет определенность и статичность, тяготеет к мифологизации. А. Белый замечает, что Д. Мережковский «всегда смотрел *сквозь* человека, *сквозь* стены, *сквозь* пространство, *сквозь* время» [5]. Для символистов характерно стремление преодолеть пространство, расширить его до масштабов Вселенной, подчеркнуть его безграничность, множественность. Названия сборников стихотворений поэтов-символистов подчеркивают данную специфику пространства: К. Бальмонт «Под Северным Небом» (1894), «В Безбрежности» (1895), А. Блок «Распутья» (1902–1904), а стихотворные тексты – отражают неопределенность пространства: «В беспредельности пространства/ Где-то есть земля иная», «Наивно верю временам,/ Покорно предаюсь пространствам,/ Земным изменчивым убранствам,/ И беспредельным небесам/…» (Ф. Сологуб), «Я чувствую какие-то прозрачные пространства» (К. Бальмонт).

Среди наиболее часто встречаемых вариантов пространства в символизме (в отличие от природного – в романтизме) – пространство города. Урбанизм символизма был отмечен многими исследователями. М. Нордау утверждал, что главным фак-

тором «вырождения» искусства рубежа веков является городской ритм жизни. И. Анненский в статье «О современном лиризме» обращал внимание на то, что «символизм в поэзии – дитя города <…> символам просторно играть среди прямых каменных линий, в шуме улиц, в волшебстве газовых фонарей и лунных декораций» [6]. Н. Хренов, определяя искусство конца XIX – начала XX в. как переходную эпоху, считал, что «символизм – порождение интенсивной жизни больших городов, в которых угасает вера» [7].

Действительно, город и городская символика являются неотъемлемой частью поэзии символистов: «Горящие здания» (1900) К. Бальмонта, роман «Петербург» (1913) А. Белого, цикл «Город» (1904–1906) А. Блока, «Urbi et Orbi» («Граду (Риму) и миру» (1904) В. Брюсова. Но даже указания на конкретные города (Рим, Петербург) не являются для символистов результатом непосредственной фиксации конкретного пространства. Символистский город как таковой – это город-фантом, мистически окрашенное пространство, живущее особой жизнью, притягивающее и пугающее своей демоничностью (В. Брюсов: «Словно нездешние тени,/ Стены меня обступили:/ Думы былых поколений!/ В городе я – как в могиле…. Страшны закрытые двери: Каждая комната – гроб!»).

Пространство города в произведениях А. Белого становится космическим (о космизации пейзажа, космизме города в творчестве А. Белого см. З. Юрьева «Творимый космос у А. Белого» [8]), Петербург предстает где-то в неизмеримостях, бесконечности и бескрайности, тумане, мгле, воде, становясь символом города-призрака. Таким образом, пространство романов А. Белого «Петербург» и «Москва» следует считать символическим, прочитанным (особенно в первом случае) через звуки, ритм, внутреннее состояние героя. Петербург А. Белого даже постигается не пространственно, а через шепот, «проговаривание». Город символистов абстрактен, он является частью «мнимого мира» или моделью самого мира, которая не сводится ни к одной географической точке. «Урбанистический мир одновременно представляет собой собственное “внутренне пространство” декадента, заменяет подсознательное и природное» [9].

Пространство создается и постигается расстоянием, поэтому наиболее часто встречаемые образы-символы пространства связаны именно с его протяженностью: безграничный, бездонный, бездна, даль, далекий, издалека, небеса (В. Брюсов «Далекие и близкие», Вяч. Иванов «Родное и вселенское»). Отметим, что именно «расстоянием» мыслится пространство и в русской философии «серебряного века»: Н. Бердяев, В. Розанов.

Второй аспект конструирования пространства в художественной картине мира символистов – *временной*. Картина мира символистов в большей степени ориентирована на отражение времени. И хотя время также имеет в символистском творчестве мифологические черты, исторические рамки времени, обозначенные в произведениях, не только являются выражением определенной авторской позиции, но и конструируют пространство.

В контексте сформулированной нами проблемы мы не будем специально останавливаться на специфике собственного временного аспекта художественной картины мира символистов с их пристрастием к мгновению, зыбкости, «импрессионистичности» отражения/трансформации жизни. Нас в большей степени интересует такой специфический вопрос понимания символистского хронотопа, как *постижение пространства через время*, которое наиболее явно выражено в исторических романах символистов.

Обращение символистов к жанру исторического романа представляет особый интерес. Н. Хренов акцентирует внимание именно на художественном времени в символистской картине мира, подчеркивая, что ницшеанская идея «вечного возвращения» привела к поиску символистами аналогий и прецедентов в истории [10]. В. Брюсов обращается к античности: «Мы учились у античности, античность у ранней древности, ранняя древность – у Атлантиды» [11]. М. Бахтин называл подобный прием «исторической инверсией»: «изображается как уже бывшее в прошлом то, что на самом деле может быть или должно быть осуществлено только в будущем <…> Чтобы наделить реальностью тот или иной идеал, его мыслят как уже бывший однажды» [12].

Концепция Нового Идеализма (Д. Мережковский), основанная на понимании религиозности как результата внедрения

христианства в античный мир и придания смысла человеческому существованию, противостояния Богочеловека и Человекобога, неба и земли, духа и плоти, находит свое выражение в трилогии «Христос и Антихрист», где соответственно выбор пространства действия подчиняется временной символике: Римская империя IV в. («Смерть богов. Юлиан Отступник», 1895), Италия эпохи Возрождения XV–XVI вв. («Воскресшие боги. Леонардо да Винчи», 1899–1900), Россия Петровского периода («Антихрист. Пётр и Алексей», 1904).

Пространственные ориентиры трилогии Д. Мережковского максимально условны. Трилогия является воплощением концепции истории, суть которой определяется непрекращающейся борьбой между язычеством и христианством, а не спецификой культурных миров, имеющих конкретный локус. Именно подобное «вольное» обращение с историей и пространством неоднократно подвергалось критике, хронотоп подчиняется принципу полярности, «включая способ заполнения пространства, размещения пространственных доминант, взаимное сосуществование предметов…» [13]. Пространство заполняется предметами-символами, конструируется как символический пейзаж, выстраивается «по композиционным приемам живописи и архитектуры … ушедших эпох» [14], создавая, прежде всего, духовную атмосферу времени.

Аналогичное отношение к пространству как своего рода «декорациям» временного континуума обнаруживается и в историческом романе В. Брюсова «Огненный ангел» (1908). Более того, В. Брюсов конструирует «двойное» временное восприятие исторических событий, поскольку, с одной стороны, действие романа происходит в Германии XVI в. в эпоху Реформации, что позволяет автору обратиться к магии и оккультизму как путям поиска «сокровенного знания о природе», с другой стороны, роман является автобиографическим, а значит, предполагает (пусть и условно) выстраивание актуального (автору) времени восприятия описанных событий. Герои романа формально существуют в среде немецкой провинции, а по сути – находятся вне определенного пространства.

Пространство в данном случае является всего лишь условным фоном, который придает сюжету и персонажам истори-

ческий колорит, но главным образом хронотоп реализуется в символах пути, дороги, перемещения (буквально путешествий-странствий) как подтверждение условности пространственных ориентиров и создание определенного «внепространственного» восприятия событий («идея пути (как и ее отрицание) является одной из форм самопознания художником его творчества» [15]).

Можно отметить, что моделирование пространства В. Брюсовым также связано с опытом западноевропейской культуры, за художественный образец берется европейская новеллистика, что нарушает сложившуюся в русской литературе традицию изображения пространства: «вместо привычной и щедро выписанной бытовой повседневности – удаленная эпоха и экзотическая для русского читателя, обобщенно обрисованная страна…» [16].

Круг подобных примеров конструирования пространства через время может быть продолжен историческими произведениями В. Брюсова «Алтарь Победы» (1911–1912), А. Блока «Роза и крест» (1913), Вяч. Иванова «Тантал» (1905), Д. Мережковского «Павел I» (1908), «Царевич Алексей» (1910), «Александр I» (1911). Ощущение «грандиозного исторического перелома», «впечатление особенно интенсивного, особенно острого движения “исторического”» (Н. Бердяев) определяет доминирующую роль времени в создании символистского хронотопа произведения.

Наконец, *третий аспект* конструирования пространства в художественной картине мира символистов соотносится с самоощущением художников, *с переживанием пространства как категории* не объективного, а *субъективного мира*.

Ю. Лотман отмечал, что творчество русских символистов «представляет, в частности, интерес как последовательно проведенная попытка сознательного строительства индивидуального творчества как отражения структуры мировой культуры» [17]. Символисты осознают необходимость построения нового хронотопа, и созданная ими концепция пространства не просто символична, она парадоксальна.

Пространство становится выражением внутреннего состояния. Бинарные оппозиции, организующие пространство, как и любую семиотическую систему (Ю. Лотман), позволяют осмыслить «пространство души». Н. Минский: «Два мира вами

созданы от века:/ Один, где я в страданьях миг живу,/ Другой, где вы блаженствуете вечно./ Мой мир – тюрьма. В нем к смерти осужден…», «Окованный пространством бесконечным,/ Мир должен быть». Образ замкнутого пространства, при этом условного в силу его небытового характера, часто встречается в лирике З. Гиппиус: «У вечно запертых дверей», «Один я в келии неосвещенной», «Я в тесной келье – в этом мире. <…> А в четырех углах – четыре/ Неутомимых паука…»; а образ бесконечного пространства у К. Бальмонта: «Я легкий призрак меж двух миров», «Бесконечная грусть, безграничная даль…».

Даже чувства поэтов подобны пространственным символам: «беспространственное пространство» и «беспредметная эмоция», пространственно-временные вечность и бесконечность как знаки пустоты, «лишенный пространства топос здесь самоусиливается»: «Всегда любил я холм пустынный этот/… Я там сижу, гляжу – и беспредельность/ Пространств за терном тесным, и безмолвий… Так помысл/ В неизмеримости плывет – и тонет…».

Символисты, конструируя пространство художественных произведений, *моделируют реальное пространство*, в котором существуют. Пространство формируется с помощью предметов быта, поведения. С одной стороны, пространство создается как театральная декорация, целью которой является эстетизация жизни, повседневности. С другой – пространство становится неопределенным, расплывчатым, превращается в атмосферу декадентства и символизма, которая создается с помощью аромата, света, одежды, манеры речи и т. д.

Пространство организуется «беспредметно», а значит, оно не закреплено формально, оно конструируется и «формируется» персонажем – поэтом-символистом.

Символизм в русской культуре конца XIX – начала XX в. становится явлением элитарной культуры, которая не просто формирует узкий круг избранных творцов и адресатов, создающих и владеющих особым языком-шифром (символистским языком), но и претендует на создание собственного пространства. Элитарность символизма, появление своеобразных культурных центров для посвященных и избранных («Башня» Вяч. Иванова, салоны Д. Мережковского и З. Гиппиус) могут быть рас-

смотрены как попытки создания символистского пространства в его внехудожественности. А общая ориентированность символистов на «вторую действительность», по мнению Ю. Лотмана, на культурные и художественные модели «приводит к построению “модели моделей” и придает символистским текстам метатекстовый характер (тексты о текстах)» [18].

Поэтому, помимо известного символа «пути» (М. Бахтин, З. Минц), в ментальности символизма можно выделить и еще один пространственный символ – символ дома. Сразу оговоримся, что дом для символистов хотя и восходит к архетипическому представлению о жилище, месте пребывания человека, но все же актуализирует иные значения и символы. Прежде всего, семиотика дома связана с новой концепцией частной жизни и повседневности (подробнее мы раскроем эти концепции ниже). «Эстетика русского модернизма подчеркивает ценность освоения локусов в духовном опыте художника» [19], что приводит к осмыслению символистами обычного дома как особого локуса, включенного в мировое пространство.

Например, для Вяч. Иванова значимым становится открытость пространства «Башни» (оно моделируется окнами, балконами, высотой «Башни»), которая противостоит традиционной замкнутости пространства дома, обнаруживаемой, например, в аскетичном доме В. Брюсова (вход в него был более ограничен, чем в открытую для всех художников «Башню» Вяч. Иванова).

Таким образом, *пространственная художественная картина мира символистов многослойна*. Рассмотренные аспекты структурирования пространства не исчерпывают специфики символистского хронотопа. Но ведущей является тенденция, свойственная мироощущению художников-символистов, – ощутить себя вне конкретного пространства, осмыслить глобальное пространство.

Пространство, создаваемое художниками, поэтами-символистами, ощущаемое и переживаемое как атмосфера соборности, мифотворчества, жизнетворчества – является по сути «внепространственным» пространством: символизм стремится «к метафорическому, нескончаемому преображению всех устоявшихся пространственных и временных форм в органически-

пульсирующие, подчиненные внутреннему переживанию пространства и времени образования»: «Тени, и люди, и боги, и звери,/ Время, пространство, причина, и цель,/ Пышность восторга, и сумрак потери,/ Смерть на мгновение, и вновь колыбель./ Ткань без предела, картина без рамы…» (К. Бальмонт).

Многослойность пространства символической картины мира определяется характерным в целом для символистской картины мира неоромантическим противопоставлением мира истинного, Инобытия, Абсолюта (Ш. Бодлер, С. Малларме, В. Соловьёв, А. Блок, А. Белый) миру ложному, наличному, реальному (Ш. Бодлер, А. Рембо, В. Соловьёв, А. Блок, З. Гиппиус). При этом указанная бинарность мироздания, трактуемая в романтической эстетике как «двоемирие», в символизме уже тяготеет к тернарности, поскольку предполагает построение «нового мира» – мира символического, в основе которого теургическая концепция мироздания, рожденного в результате искомого синтеза: синтеза язычества и православия, мистицизма и рационализма; индивидуализма и соборности (А. Белый, Вяч. Иванов, Д. Мережковский).

Но пространственный модус символистского пространства в России имеет и специфические черты, заданные ментальными чертами русской культуры. К ним относятся, прежде всего, бинарность Восток/Запад, тяготеющая к *тернарной модели пространства: Восток/Россия/Запад* (о чем было сказано выше); представление о *бесконечности пространства*, которое, с одной стороны, связано с географическими просторами России (В. Ключевский, В. Розанов, Н. Бердяев) и характеризует русское пространство как «разреженное пространство с островками жизни.<…> Точка жизни – тире пустоты» [20]. С другой стороны, рождает именно символическую схему пространства, определенную Г. Гачевым как →∞ «“путь-дорога”… в однонаправленную бесконечность» [21], что вполне соответствует символистскому пространственному модусу, выраженному в символе дороги и принципиальной незавершенности, открытости, возможности начинаний (а не завершений).

В целом для символизма, безусловно, характерна *мифологизация пространства*, которое вполне соответствует мифологической концепции пространства, имея как вертикальную

(помимо указанного выше членения на мир Абсолюта и пространство Хаоса, это и своего рода «теменосы»: «Башня» Вяч. Иванова, «Парнас Серебряного века» по Маковскому), так и горизонтальную проекции (Восток/Запад, столица/провинция и др.).

Многослойность пространства задается, на наш взгляд, бинарным делением его на космополитичное и провинциальное.

В исследовательской литературе традиционно выделение географической биполярности ментальности русского символизма, которая определяется существованием «московской» и «петербургской» символистских группировок (С. Гречишкин, А. Лавров, В. Орлов, А. Пайман); а также противостояние символизма «столичного» «провинциальному» (Н. Лётина).

Соглашаясь в целом со значимостью ракурсов в рассмотрении пространственной характеристики символизма, мы считаем, что принципиальным является другая биполярность, которая обозначена нами как проблема главы: *«космополитизм»* и *«провинциальность»*. Нами впервые подчеркнута специфика восприятия и организации русскими символистами пространства в художественной картине мира в аспекте космополитизма и провинциальности, отражающими ментальные особенности русского символизма.

Проблема соотношения космополитизма и провинциальности, прежде всего, рассматривается нами в контексте бинарной оппозиции «столичность» и «провинция», которую также можно обнаружить в ментальном опыте русского символиста и осмыслить в качестве более частной оппозиции.

Как мы уже отмечали ранее, несмотря на присутствие среди мэтров символизма выходцев из провинции (к которым принадлежали и К. Бальмонт, и Ф. Сологуб, и З. Гиппиус, и М. Кузмин), формируются группы символистов в Москве и Санкт-Петербурге, да и в большинстве своем русские символисты были студентами именно столичных университетов.

Так, для Д. Мережковского, основателя петербургской школы символистов (чья частная жизнь всегда была жизнью столичной – от Петербурга до Парижа), символизм был ориентирован на мировую культуру, начиная с античности и заканчивая современностью, а значит, не признавал пространственно-

временные границы. Для В. Брюсова, мэтра московской школы символизма (чья личная жизнь также определена рамками столицы – Москвы), русский символизм ориентирован не на всю мировую культуру, но, в первую очередь, на культуру столичную, точнее – парижскую школу символистов: Бодлера, Верлена, Малларме, Мореаса и др.

Исследователи выделяют в творчестве символистов особую столичную тему, которая находит отражение в создании так называемых «петербургских текстов» (З. Минц, Б. Томашевский, В. Топоров). Но данная столичная тема скорее служит мифологизации Петербурга и входит в число уже рассмотренных выше урбанистических трактовок пространства. В «петербургских текстах», к которым относятся произведения о Медном всаднике (А. Блок, В. Брюсов, Вяч. Иванов) и романы Д. Мережковского «Петр и Алексей» и А. Белого «Петербург», важнее не столько моделирование пространства, сколько создание «интерпретирующего кода» [22], размыкание классических петербургских тестов, созданных А. Пушкиным, Н. Гоголем, Ф. Достоевским. Исследователи справедливо отмечают: «городские реалии, как правило, сложно переплетены с образами условными и цитатными» [23], что дает нам возможность отнести обращение к столичной теме в символизме к попытке создания метатекста, а следовательно – расширения представления о столице как о внепространственном, символическом локусе, расширяющемся до космополитических представлений о пространстве.

И хотя в дальнейшем проблемы самобытности русского символизма, самосознания, осмысления национальных традиций займут доминирующее место в теориях младших символистов (Вяч. Иванова, А. Белого, Эллиса), тем не менее, и второе поколение русских поэтов-символистов тяготеет к космополитизму. Для Вяч. Иванова идея космополитизма определяет поэзию мифотворчества и тяготение к соборности русской культуры, а для А. Белого – «символ» как онтологическую категорию культуры и мироздания, истоки которой обнаруживаются в мировой (космополитичной) философской системе.

Таким образом, основная тенденция, свойственная мироощущению художников-символистов, не просто адаптироваться или завоевать столицу, а ощутить себя вне конкретного про-

странства – столичного или провинциального: символизм тяготеет к осмыслению глобального пространства. Символисты осознают необходимость ориентации на мировую культуру, раздвигают границы мира – отсюда увлеченность античностью, экзотикой Востока, традициями Возрождения, переводами.

Теоретическая база осмысления провинциальности в русской культуре была заложена в трудах философов и мыслителей второй половины XIX – начала XX в. (Н. Бердяева, С. Булгакова, И. Ильина, В. Розанова, В. Соловьева, Г. Федотова, П. Флоренского, С. Франка и др.), что во многом объясняется вниманием русских писателей-реалистов к теме провинции.

Постижение провинциальности и изучение русской провинции на сегодняшний день имеет сложившуюся научную традицию. Обозначено исследовательское поле, определены важнейшие направления и принципы исследований, сформирована методология изучения провинциальности и провинции в трудах М. Бахтина, И. Беленького, Е. Бурлиной, И. Быховской, Н. Ворониной, Т. Злотниковой, М. Кагана, Л. Когана, Н. Короткова, Д. Лихачёва, Ю. Лотмана, Н. Розановой, Г. Стернина, Т. Чичкановой.

У символистов, разумеется, были в отношении к этой проблеме предшественники-творцы. Осмысление провинциализма и провинциальности как черт русской ментальности – одна из ведущих тем русской литературы второй половины XIX в. И сегодня многих исследователей привлекают провинциальные миры, созданные Н. Гоголем, Ф. Достоевским, Н. Лесковым, М. Салтыковым-Щедриным, А. Чеховым. Вместе с этим, практически отсутствуют специальные исследования, посвященные изучению провинциальности в художественной картине мира русских символистов, хотя среди мэтров декаданса и символизма есть выходцы из провинции (К. Бальмонт, Ф. Сологуб).

Отчасти это можно объяснить тем, что проблема провинциальности, соотношения столицы и провинции не была доминирующей в самосознании русских символистов. Для художественной культуры конца XIX – начала XX в. характерно создание собственного хронотопа, в рамках которого пространственные и временные отношения приобретали особый смысл и были, прежде всего, связаны с такими категориями, как «Запад» и «Восток», «рубеж», «эсхатология» и др.

Для русского символизма проблема провинции и провинциальности не сводится к определению пространственных границ.

Проблема «провинциальности» практически всегда рассматривается символистами в иных ракурсах, выходящих за рамки традиционного в русской литературе XIX в. понимания провинции как захолустья, пошлости и мелочности.

Провинциальность для символистов скорее соотносится с понятием обыденности, быта, повседневности.

По мнению С. Бойм, «в культуре, для которой эсхатологическое и апокалиптическое неразрывно связано с идеей национального, мало терпимости по отношению к обыденному, преходящему и повседневному» [24]. На рубеже XIX–XX вв. быт, равный провинциальности, воспринимается не только как бездуховность, но и как «мир мелочей» (по определению З. Гиппиус), не заслуживающий внимания, бессмысленный и пугающий.

Для декадентов провинциальный быт – это своеобразный синоним «чертовщины», скуки, пошлости. Быт для З. Гиппиус настолько страшен, что приобретает мистическое качество – он не создается людьми, а «рождается сам», из колеса быта почти невозможно вырваться, он затягивает и убивает, «затирает личность» [25].

Вместе с этим, русские символисты не отрицали сложившуюся литературную преемственность в художественной культуре конца XIX – начала XX в. Поэтому для символистов А. Чехов – предшественник, единство творческих поисков с которым осознается более отчетливо, чем отрицание или противопоставление. А. Чехов, по мнению А. Белого, «не может не быть символистом», а потому в творчестве А. Чехова «сам по себе взятый момент жизни при углублении в него становится дверью в бесконечность» [26].

Неслучайно А. Белый выделяет два знаковых имени в литературе рубежа XIX–XX вв.: «В Чехове начался, в Сологубе заканчивался реализм нашей литературы. Чехов оказался внутренним, но тайным врагом реализма, оставаясь реалистом. Сологуб поднял знамя открытого восстания в недрах реализма» [27].

Основанием для подобного утверждения стало рассмотрение провинциальности в творчестве Ф. Сологуба. Жизнь последнего оказалась самым тесным образом связана с провинцией. Именно в провинциальных городах (г. Крестцы Новгородской губернии, который А. Чеботаревская в биографической справке о поэте называет подлинным типом «“медвежьего угла”, где из каждого дома видно поле, в темные вечера ходят по улицам с собственными фонарями, рискуя утонуть в невылазной грязи, а колбасу и консервы лавочники получают 1 раз в год» [28]; Великие Луки, где служил Ф. Сологуб, изучая провинциальный быт; г. Вытегра) формируется писательский талант Ф. Сологуба, рождаются первые декадентские произведения. Показательно, что даже З. Гиппиус определяет свое первое восприятие Ф. Сологуба именно через соотношение «столичности» (по месту рождения) и «провинциальности» (по месту обитания): «Петербуржец, но служил до сих пор в провинции» [29].

А. Белый отмечает, «что персонаж Сологуба всегда из провинции, и страхи его героев из Сапожка: баран заблеял, недотыкомка выскочила из-под комода, Мицкевич подмигнул со стены – ведь все это ужасы, смущающие смертный сон обывателя города Сапожка» [30], а А. Чеботаревская справедливо указывает, что многие образы «Мелкого беса» были взяты с «натуры» и содержат «нравы провинциальных болот того времени» [31].

Многие исследователи творчества Ф. Сологуба (З. Минц, А. Долгенко, А. Пайман, Л. Силард) сходятся во мнении, что реальная основа большинства творений Сологуба – русская провинция. «Жизненный опыт дал Федору Сологубу огромное множество деталей захолустного быта. Создавая свои произведения, писатель сочетает многочисленные реалии быта с преднамеренно отбираемыми мотивами из Пушкина, Гоголя, Достоевского, соединяя психологические комплексы “маленького человека” и “лишнего человека”…» [32].

Вместе с этим, никто из критиков не называл самого Ф. Сологуба провинциалом. И дело не только в том, что он родился и учился в Петербурге, где затем и продолжил свою писательскую карьеру. Слишком фантастичен, страшен, «нереален» тот провинциальный мир, который рождается в произведениях Ф.

Сологуба. Это уже мир *декадента*, для которого понятие «провинция» приобретает совершенно другие границы и масштабы. Провинция становится системой координат, в которой существует человек, независимо от фактического места рождения или проживания.

Символистское мировосприятие в аспекте пространства провинции имело истоки более ранние, чем оно предстало у Ф. Сологуба: А. Чехов, отнесенный А. Белым к истокам реализма, на деле, завершая традицию реализма, стоял у других истоков – символизма.

Для чеховских персонажей пространство провинции – родной «*угол*» (обратим внимание – не край или дом). Именно в «Родном углу» Варя поддается обаянию степи, забывая о пошлом и думая, «как здесь *просторно*, как свободно». В дороге ее открываются картины «*громадные*, *бесконечные*, очаровательные своим однообразием», но, доехав до усадьбы, она думает что эта «нескончаемая равнина ... поглотит ее жизнь, обратит в *ничто*», и ей придется «поселиться в глухой усадьбе и *изо дня в день*, от нечего делать, ходить из сада в поле, из поля в сад».

В сологубовской прозе тоже есть свой «угол», тот угол, о котором А. Белый написал: «…добрая половина обитателей глухой провинции – бессознательные буддисты: сидят на корточках перед темным, пустым углом. Сологуб доказал, что и переселяясь в столицы, они привозят с собой темный угол: доказал, что сумма городов Российской империи равняется сумме Сапожков. В этом смысле и пространства великой страны нашей суть огромнейший Сапожок» [33].

И для А. Чехова и для Ф. Сологуба – это угол, который есть всегда у русского человека, независимо от места его нахождения, это провинциальность, которую невозможно истребить. Но если А. Чехов, по мнению Д. Мережковского, гениален тем, что во всем он видит обыкновенное, невидимое, и страшен тем, что «кроме этого быта, ничего не знает и не хочет знать» [34]; то Ф. Сологуб с его поэзией смерти, пыли, плена рисует провинциальное захолустье так, что «все обычное становится ужасным» [35].

Поэтому даже реальное провинциальное пространство в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» (а тем более – в его поэзии)

приобретает специфическое значение. Определение пространства в творчестве писателя достаточно условно и не является доминирующим, несмотря на яркие и точные зарисовки провинциального быта. Важнее не провинция как географическое пространство, а «передоновщина» – создание, по словам А. Горнфельда, «более недействительное при всей своей повседневности» [36], и «“мертвые души” русской провинции, в карикатуре изображенные Гоголем, – возвышенные создания в сравнении с удивительно мерзостными и нелепыми призраками, которыми населил свой город Сологуб» [37].

Провинциальность в творчестве Сологуба – это, скорее, мирочувствование, мировосприятие, гротескный, фантастически страшный мир, часть которого есть в каждом русском человеке, поскольку каждый человек и создает этот провинциальный мир, населенный «недотыкомками». Поэтому, по определению А. Горнфельда, «Сологуб наш, страшно наш, и мы – его <…> Он создал и создает целый мир, которого мы не знали бы без него; и эта “творимая легенда” при всей фантастичности, извращенности, причудливости, непонятности – … есть все-таки настоящая подлинная реальность» [38].

Критик В. Ерофеев отмечает, что традиционное для русской культуры противопоставление «столица»/«провинция» отсутствует в романе Ф. Сологуба: «Столица оказывается призрачной, ирреальной, никакой. Можно сказать, что нет разницы, существует она или не существует <…> город ничему не противопоставлен. Поэтому все, что творится в нем, получает значение нормы. Сравнивать не с чем» [39].

Вместе с этим, провинция не воспринимается и как «малая родина» (еще один аспект, который мог быть востребован Ф. Сологубом, учитывая его биографию), провинция Передонова – это безликий город, воплощающий «обобщенную бытовую декорацию жизни» [40], символ реального мира, что, по мнению В. Ерофеева, изгоняет из романа пространственную (а не только временную, обращенную к будущему) надежду.

Но тема провинциальности не исчерпывается пространством провинции или провинциальностью образа жизни русского человека. Провинциальность – это черта, свойственная и самому Ф. Сологубу, которого многие современники и восприни-

мали как натуру двойственную и, несмотря на «однотемность» и «однотонность», противоречивую.

Двойственность Ф. Сологуба – в наличии в нем самом страшного «угла», который он пытается преодолеть в себе и своем творчестве, предлагая, в частности, многочисленные переводы П. Верлена, Ф.-М. Вольтера, Г. де Мопассана, Ш. Бодлера, Т. Готье, Г. Клейста (стремясь выйти за рамки русской культуры); совершая ряд поездок по провинции с лекцией «Искусство наших дней»; посещая Европу (прежде всего Францию и впервые – Париж в 1909 г., раздвигая, таким образом, и реальные географические рамки своего существования), поменяв свой «провинциальный» уклад жизни с сестрой (о котором вспоминал Г. Чулков: «казалось, что ты сидишь не в Петербурге, а где-нибудь в далекой провинции…» [41]) на светскую столичную жизнь с женой А. Чеботаревской (с балами-маскарадами, поэтическими вечерами и т. д.).

Парадоксальность творчества Ф. Сологуба во многом и была осмыслена современниками как органическое соединение *космополитичности декадентства* («декадентом он упал с неба, и кажется иногда, что он был бы декадентом, если бы не было …декадентства <…> Такова ирония истории: сын полтавской крестьянки, внеисторический Сологуб оказался стихийным воплощением … нового течения» [42]) и *провинциальности мироощущения*, позволившее Ф. Сологубу создать в литературе новую эмоциональную индивидуальность, секрет которой заключался в том, что писатель наделил героев своих произведений фактами собственной биографии и чертами своей личности.

В этом же ракурсе соотношения провинциальности и космополитичности предстает личность еще одного русского символиста, К. Бальмонта. Но если Ф. Сологуб был позиционирован критиками как «…самый настоящий декадент среди русских, … и самый русский среди декадентов» [43], то К. Бальмонт, напротив, обозначен как «иностранец» в русской культуре [44] (что отмечает в своих воспоминаниях Е. Андреева-Бальмонт: «несмотря на то, что по рождению и воспитанию он был чисто русским, черты его характера были нерусские» [45]).

К. Бальмонт, будучи типичным выходцем из провинциальной дворянской семьи, при этом в историю русского симво-

лизма вошел как поэт-космополит, «самый нерусский из поэтов» (И. Гарин), которого О. Мандельштам называл «иностранным представительством от несуществующей фонетической державы», «переводом без оригинала», а В. Розанов иронично именовал «вешалкой, на которую повешены платья индийские, мексиканские, египетские, русские, испанские» [46].

Такое «иностранное» положение К. Бальмонта не случайно. Космополитизм жизнетворчества К. Бальмонта – в его формальной «оторванности» от конкретного места. Поэт преодолевал провинциальное отношение к пространству. Он не просто не боялся оставлять обжитые места; создается впечатление, что таких мест для него в принципе не существовало. Он с легкостью пересекал континенты, был склонен к кругосветным путешествиям, не боялся экзотики и с невероятной легкостью вбирал в себя весь «чужой» мир, делая его частью своей души, стремясь открыть для России мировую культуру, вобрать в себя все достояние западноевропейского искусства. К. Бальмонт, вероятно, – один из самых путешествующих поэтов в русской культуре. Он пытался воплотить символистскую концепцию отсутствия временных и пространственных границ в мировой культуре, главное в которой – познание мира в единстве, расшифрование символов, смыслов, в которых слиты вечность и мгновение, безграничность и конечность пространства: «Каждое отдельное явление интересно, и каждое отдельное явление слишком бедно по своему содержанию, чтобы отдать ему исключительное внимание» [47]. Путешествия К. Бальмонта – это не только знакомство с новой культурой, это искренний восторг и влюбленность во все: библиотеки, музеи, религии, философию, искусство. К. Бальмонт, возможно, как никто другой из русских символистов, ощущал не только временную, но и пространственную целостность культуры.

По воспоминаниям М. Цветаевой [48], К. Бальмонт знал 16 языков, сам поэт насчитывал около 20 языков, к которым ему удалось «прикоснуться» (судя же по переводам – более 30). И это не просто свидетельство специфической одаренности и огромной эрудиции – это проявление желания «объять необъятное», познать весь мир, желание символиста-космополита дос-

тичь единства и постичь смысл мировой культуры, ощутить себя буквально «гражданином мира».

Вместе с этим, К. Бальмонт пытался открыть для мировой культуры русскую поэзию, литературу в целом, сделать ее достоянием мировой сокровищницы искусства (чему способствовали не только поэтическое творчество К. Бальмонта, но и его просветительская деятельность за границей, в частности, чтение лекций о русской поэзии в Оксфорде и др.).

Парадокс: воплотив свою мечту, став «гражданином мира», осев в Париже, а затем перебравшись в его окрестности, к концу жизненного пути К. Бальмонт вдруг становится «провинциалом», ведущим достаточно замкнутый образ жизни, тоскующим по Родине, по русскому языку. И эти изменения связаны не только с чувством ностальгии, но и с осознанием провинциальности как части своей души, где провинциальность сродни понятию Родины, а космополитизм – чужбины.

Отметим, что подобное парадоксальное восприятие пространства мы можем обнаружить и в творчестве других символистов, в частности, М. Волошина, ведущим пространственно-поэтическим символом которого становятся «просторы всех веков и стран» («Я странник и поэт, мечтатель и прохожий»). Любовь к миру и его приятие всегда были связаны у М. Волошина со стремлением к постижению чужих культур, а тема странствий «по лицу земли» и по историческим эпохам – была одной из важнейших в его лирике [49]. Космополитизм М. Волошина в его «готовности к передаче чужих голосов во всем их многообразии» [50]. Поэтому и переводы М. Волошина, по мнению исследователей, это «превращение “чужого” в “свое”, мир отзвуков, впечатление от ликов культуры» [51]. И это при том, что все многочисленные путешествия М. Волошина (Париж, Испания, Италия, Швейцария, Англия, Норвегия) неизменно заканчиваются вполне провинциальным местом обитания поэта – Коктебелем, ставшим, впрочем, в истории Серебряного века символическим образом мироздания, не менее знаковым местом, чем «Башня» Вяч. Иванова.

Учитывая обозначенное ранее в качестве черты символистской ментальности обязательное обращение к опыту мировой культуры как контекста русского символизма, отмечаем, что

космополитизм становится логическим воплощением традиции «присвоения» в русском символизме. Действительно, осознание себя «гражданином мира» – важнейшая черта ментальности многих представителей русского символизма (К. Бальмонт, М. Волошин).

Ни Ф. Сологуба, ни К. Бальмонта, ни М. Волошина невозможно назвать «провинциалами»: слишком велика негативная окраска и слишком неоднозначна трактовка этого определения. Но в данном контексте они могут быть названы «великими провинциалами», преодолевшими (каждый по-своему) узость и ограниченность провинциального мышления и сохранившими чистоту, искренность и новизну провинциального мироощущения в созданной ими художественной картине мира.

Примечания

1. Лотман, Ю.М. Семиосфера [Текст]. – СПб. : Искусство-СПБ, 2000. – С. 275.

2. Лотман, Ю.М. Об искусстве [Текст]. – СПб. : Искусство-СПБ, 1998. – С. 443.

3. Жидков, В.С. Искусство и картина мира [Текст]. – СПб. : Алетейя, 2003. – С. 62.

4. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики [Текст]. – М. : Художественная литература, 1975. – С. 235.

5. Белый, А. Критика. Эстетика. Теория символизма [Текст] : в 2 т. – Т. 2. – М. : Искусство, 1994. – С. 372.

6. Анненский, И.Ф. Книги отражений [Текст]. – М. : Наука, 1979. – С. 135.

7. Хренов, Н.А. Социальная психология искусства: переходная эпоха [Текст]. – М. : Альфа–М, 2005. – С. 320.

8. Юрьева, З.О. Творимый космос у А. Белого [Текст]. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. – 116 с.

9. Ханзен-Лёве, А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм [Текст]. – СПб. : Академический проект, 1999 – С. 307.

10. Хренов, Н.А. Социальная психология искусства: переходная эпоха [Текст]. – М. : Альфа–М, 2005. – С. 382.

11. Брюсов, В.Я. Собр. соч. [Текст] : в 7 т. – М. : Художественная литература, 1973–1975. – Т. 7. – М., 1975. – С. 437.

12. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества [Текст]. – М. : Искусство, 1979. – С. 183.

13. Мережковский, Д.С. Мысль и слово [Текст]. – М. : Наследие, 1999. – С. 19.

14. Там же. – С. 24.

15. Минц, З.Г. Поэтика русского символизма [Текст]. – СПб. : Искусство-СПБ, 2004. – С. 143.

16. Гречишкин, С.С. Символисты вблизи [Текст] : очерки и публикации. – СПб. : Изд-во «Скифия», ИД «ТАЛАС», 2004 – С. 83.

17. Лотман, Ю.М. Семиосфера [Текст]. – СПб. : Искусство-СПБ, 2000. – С. 668.

18. Там же.

19. Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века [Текст]. – СПб. : Филологический факультет С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. – С. 295.

20. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира [Текст]. – М. : Издательский центр «Академия», 1998. – С. 221.

21. Там же. – С. 223.

22. Минц, З.Г. Поэтика русского символизма [Текст]. – СПб. : Искусство-СПБ, 2004. – С. 104.

23. Там же. – С. 108.

24. Бойм, С. Общие места: Мифология повседневной жизни [Текст]. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – С. 49.

25. Гиппиус, З.Н. Дневники [Текст] : в 2 кн. / под общ. ред. А.Н. Николюкина. – М. : НПК «Интелвак», 1999. – Кн. 1. – С. 300–312.

26. Белый, А. Критика. Эстетика. Теория символизма [Текст] : в 2 т. – Т. 2. – М. : Искусство, 1994. – С. 357.

27. Там же. – С. 336.

28. Русская литература XX века (1890–1910) [Текст] : в 2 кн. / под ред. проф. С.А. Венгерова. – М. : Издательский дом «XXI век – Согласие», 2000. –Кн. 1. – С. 338.

29. Гиппиус, З.Н. Живые лица [Текст]. – СПб. : Азбука, 2001. – С. 214.

30. Белый, А. Критика. Эстетика. Теория символизма [Текст] : в 2 т. – Т. 2. – М. : Искусство, 1994. – С. 336.

31. Русская литература XX века (1890–1910) [Текст] : в 2 кн. / под ред. проф. С.А. Венгерова. – М. : Издательский дом «XXI век – Согласие», 2000. –Кн. 1. – С. 389.

32. Долгенко, А.Н. Русский декадентский роман [Текст]. – Волгоград : Перемена, 2005. – С. 87.

33. Белый, А. Критика. Эстетика. Теория символизма [Текст] : в 2 т. – Т. 2. – М. : Искусство, 1994. – С. 336.

34. Мережковский, Д.С. Эстетика и критика [Текст] : в 2 т. – М. : Искусство ; Харьков : СП «Фолио», 1994. – Т. 1. – С. 626.

35. О Фёдоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки [Текст] / сост. А. Чеботаревская. – [б/м] : Изд-во «Шиповник», 1911. – С. 270.

36. Русская литература XX века (1890–1910) [Текст] : в 2 кн. / под ред. проф. С.А. Венгерова. – М. : Издательский дом «XXI век – Согласие», 2000. – Кн. 1. – С. 389.

37. Там же. – С. 425.

38. Там же. – С. 439.

39. Ермолин, Е.А. Миф и культура [Текст]. – Ярославль : Александр Рутман, 2002. – 124 с.

40. Там же.

41. Чулков, Г.И. Валтасарово царство [Текст]. – М. : Республика, 1998. – С. 497.

42. Русская литература XX века (1890–1910) [Текст] : в 2 кн. / под ред. проф. С.А. Венгерова. – М. : Издательский дом «XXI век – Согласие», 2000. –Кн. 1. – С. 392.

43. Там же. – С. 393.

44. Орлов, В.Н. Перепутья: Из истории русской поэзии начала XX века [Текст]. – М. : Художественная литература, 1976. – 181.

45. Андреева-Бальмонт, Е. Воспоминания [Текст]. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1996. – С. 350.

46. Гарин, И.И. Серебряный век [Текст] : в 3 т. – М. : ТЕРРА, 1999. – Т. 1 – С. 429–564.

47. Там же. – С. 447.

48. Цветаева, М. Сочинения [Текст] : в 2 т. – Т. 2. – Минск : Нар. асвета, 1988. – С. 290–300.

49. Гречишкин, С.С. Символисты вблизи [Текст] : очерки и публикации. – СПб. : Изд-во «Скифия», ИД «ТАЛАС», 2004 – С. 118–119.
50. Там же. – С. 242.
51. Там же. – С. 243.

Глава 5. Персонологический подход в исследовании бренда провинциального российского города

А. П. Старшова

Осенью 2012 г. мэрия города Ярославля объявила открытый конкурс идей бренда города, участие в котором смог принять любой ярославец. На первом этапе эксперты отбирали поступившие проекты по принципу соответствия условиям конкурса и вообще идее бренда. Вторым этапом было интернет-голосование, в рамках которого все желающие в течение двух недель высказывали свои мнения по поводу представленных на сайте *ЦИОМСИ* проектов [1], а также голосовали за наиболее понравившиеся им проекты. В голосовании приняли участие более 5 тысяч человек. Что касается интереса к конкурсу вообще, то за время голосования с проектами познакомились более 64 тысяч человек. Было отобрано несколько десятков предложений, которые и выставлялись на сайте для голосования. В конце декабря были подведены итоги, победители конкурса награждены, а их идеи и проекты, как предполагается, станут основой для разработки городского бренда Ярославля, бренда, который сделает его знакомым и узнаваемым в стране и в мире.

Цель нашего обзора – продемонстрировать возможность персонологического подхода в исследовании бренда города на материале конкурсных заявок на бренд города Ярославля. Был проанализирован весь объем заявок (70 конкурсных предложений), а не только те варианты, которые участвовали в открытом голосовании и были выставлены в доступном режиме.

Персонологический подход в исследованиях – один из компонентов современной гуманитарной парадигмы. По сути дела, персонологической является попытка человека понять, ос-

мыслить реальность, проблема динамики осмысления и смыслообразования. Главный вопрос персонологии – вопрос о том, каким образом человек формирует свои представления о сущем, что связано с проблемой идентификации. Это, как представляется, показательный вариант интегративного подхода к одному из важнейших российских культурных феноменов – историческому провинциальному городу как хранителю памяти и антропологической детерминанте национальной ментальности. Такой вариант подхода не раз находил отражение в научных разработках представителей ярославской культурологической научной школы [2].

На конкурс на бренд Ярославля участниками были предоставлены слоганы с комментариями, в некоторых заявках были визуальные расширения слогана. Конкурсанты зачастую не разводили понятия имиджа и бренда. Да это и неважно. Имеет значение то, каким ярославцы видят свой город, как формируют представления о нем.

Имидж территории, по мнению А. П. Панкрухина, – совокупность эмоциональных и рациональных представлений, вытекающих из сопоставления всех признаков территории, собственного опыта людей и мнений, влияющих на создание определенного образа [3]. Зачастую жители не понимают, что именно они (далеко не в последнюю очередь) формируют представление о своем городе. Важно, чтобы жители города положительно отзывались о своей территории, чувствовали ее «своей», иначе никакого положительного имиджа не сформируется.

Бренд города является высшим проявлением эмоциональных потребительских предпочтений, важнейшим фактором конкурентных преимуществ региона. Он формируется на основе ярко выраженного позитивного имиджа региона. Бренд – это то, что является мифологизацией продукта, в нашем случае города, в сознании людей, его образ. Сам бренд города как таковой – это результат позиционирования его жителей, совокупность представлений и ожиданий потребителя – горожан в отношении данного товара-города. В этом плане бренд фактически становится социальным мифом – способом и средством осмысления человеком действительности и ориентации в ней [4]. Если раньше функции социальной мифологии выполнялись, например,

религией и идеологией, то в наши дни это во все возрастающей степени обеспечивают именно бренды. С точки зрения брендинга, потребитель покупает не столько товар, сколько самоидентификацию, самоудовлетворение. В конечном счете, в бренде потребителю продают его самого, его представления о себе, о том, каким он хочет и может быть.

А как мы видим себя в рамках города, какими мы хотим и можем быть? Это и продемонстрировали авторы заявок на бренд города Ярославля. Заявки рассмотрены нами как образцы персонотекста, в котором проявляются свойства личности. Предметом исследований в персонологии является именно личность в различных ее проявлениях.

Из многочисленных междисциплинарных подходов в персонологии в основу нашего анализа была взята модель языковой личности Ю. Н. Караулова [5], в которой выделяются три уровня: 1) вербально-семантический, 2) лингвокогнитивный и 3) мотивационный. Критериями выделения данных уровней являются типовые единицы – слова, обобщенные понятия – концепты и коммуникативно-деятельностные потребности.

Вербально-семантическая характеристика складывается из лексикона индивидуума – всего запаса слов и словосочетаний, которыми он пользуется в определенной вербальной коммуникации. Действительно, в вербальной характеристике можно опереться именно на слова. В выбранной нами для исследования коммуникативной сфере интерес вызвали эпитеты, которыми ярославцы выражают свое видение города: *современный, опережающий время, древний, юный, молодой душой, озорной, мифический, мистический, богатый историей, уютный, яркий, красивый, чистый, славный, любимый, свободный, гостеприимный, европейский, поликонфессиональный, поликультурный, интернациональный, мудрый, уникальный, многогранный, многоликий, светлолицый, богоизбранный, смелый в экспериментах, нежный, твердый, хрупкий, блистательный, прилежный.*

Через идентификацию вербально-семантического фонда языковой личности, репрезентирующейся в персонотексте на уровне индивидуальных эпитетов, можно прийти к осмыслению «образа города», мифология которого формируется в контексте религиозных (например, *поликонфессиональный, богоизбран-*

ный), политических (*европейский, интернациональный*), исторических (*современный, древний, богатый историей*), культурных (*поликультурный, многогранный, мифический, мистический*), персональных (*светлолицый, нежный, любимый*) процессов.

Когнитивная характеристика связана с интеллектуальной сферой личности, познавательной деятельностью человека. У каждого индивидуума вырабатываются идеи, концепты, которые отражают его видение «образа города» через систему социальных и культурологических ценностей. Это отражается в формировании слогана как формулы, через которую мы часто «узнаем» известный нам город. Через бренд человек выбирает то, чему он доверяет, к чему ощущает сопричастность, в конечном счете – самого себя. В маркетинговых терминах – то, что адекватно его ценностям.

Наиболее обширно в исследуемом материале представлена тема исторического города, значимость которого подчеркивается связью времен. Образ исторического прошлого представлен, например, в слоганах:

Ярославль – летопись в камне.

Ярославль – колыбель Руси.

Интересно, что культурное наследие в заявках визуально выражено при помощи следующих паттернов: *Стрелка, Волга, ротонда, храм, колокол, изразцы, Терешкова, театр им. Волкова, медведь, Локомотив, Шинник, Ярпиво*.

Образ настоящего времени ярче всего выражен в слоганах:

Ярославль – город современной жизни.

Ярославль. Жизнь кипит.

Ярославль-Online.

Образ будущего:

Мы на правильном пути.

Уверенный взгляд в будущее.

Обращает на себя внимание малочисленность слоганов, в которых конкурсанты видят связь города с каким-то конкретным временем. Все-таки современный ярославец отдает предпочтение образу, характеризующему преемственность времен. И это, в общем-то, современная мировая практика. На стыке прошлого–настоящего–будущего сформулированы следующие слоганы:

Ярославль – столица Золотого Кольца.

Ярославль – хранитель времени.
Верен традициям, предан инновациям.
Строим будущее, помним о настоящем!
Традиции. Стабильность. Развитие.
Вековые традиции – современные технологии.
Славное прошлое, яркое настоящее, перспективное будущее.
Ярославль–история, которая будет продолжаться.
Прикоснись к истории Ярославля и войди в нее.
Меняемся, оставляя лучшее.
Будущее в зеркале истории.

Большое внимание ярославцы уделяют образу города как стилю жизни. В данных заявках человек ощущает себя не как часть абстрактной истории, а как часть реальной городской среды, городского пространства. Это та среда, в которой формируется человек, реализуются его планы и мечты, где проходит жизнь. В принципе, это и есть реальное, а не историческое настоящее.

Город для тебя!
Быть проще!
Территория успеха.
Один город – одна команда.
Город победителей.
ЯРославль ЯРких впечатлений.
Мудрые люди в умном городе Ярослава.
Ярославль любимый. Ярославль многогранный.
Ярославль – территория движения.
Ярославль – город счастливых семей.
Ярославль – город свободных людей.
Найди себя в Ярославле!
Маленький город больших возможностей.
Ярославль – мой друг навсегда.
Ярославль любит тебя.
Ярославль. Ближе, чем вы думаете.

Вызывает оптимизм то, что это реальное настоящее совсем не похоже на «серый круг» буден. В слоганах достаточно ярко проявляется позиция ярославца: и через обилие восклицательных знаков, и через четко обозначенный вектор взаимодей-

ствия города и человека (открытость города и человеку, живущему в нем, и человеку извне). Данный образ отражает известность, признанность и определенную степень доверия человека к городу.

Следующая выделенная нами группа связана с образом города в контексте страны и с образом города на мировой арене.

Примеры слоганов, в которых формируется образ взаимодействия на уровне Ярославль – Россия:

Ярославль – душа России.

Самый российский город – Ярославль.

Я Россию славлю!

В центре России – в центре бизнеса.

Ярославль. Русская правда.

Для тех, кто слишком смел для Москвы!

Ярославль – город русского Возрождения.

Ярославль – родина русской демократии.

Ярославль – настоящая столица Поволжья.

Ярославль – хоккейная столица России.

Ярославль – город-государственник.

Ярославль – Главный!

Слоганы, в которых проявляется позиционирование Ярославля на мировой арене:

Ярославль – Париж на Волге.

Ярославль – зеркало Европы.

Ярославль – зеркало мира.

Ярославль – лучший город на Земле.

Многонациональная планета – Ярославль!

Ярославово подворище – древнейший город мира, столица Золотой Орды.

В данных персонотекстах нет и намека на уничижительный оттенок отсталости, а удаленность от центров цивилизации воспринимается как достоинство. Формируется представление об определенном культурном пространстве, которое воспринимается как потенциал для развития государства, локальных культурных центров, бизнеса. Да, здесь много субъективности, много местной мифологии, гипертрофированности. С одной стороны, интуитивная тяга к сохранению своего, родного, а с другой стороны, желание «присвоить» себе «другие берега».

Интересно, что создавая в Ярославле образ «своей» Европы и даже «своего» мира в целом, ярославцы стремятся отгородиться от московского, столичного.

Последняя группа, связанная с когнитивной характеристикой личности, воспринимающей Ярославль, основана на привлечении природных концептов. Принцип построения таких слоганов состоит в использовании природного компонента для создания образа многогранности города:

Ярославль – город, славящий солнце, город для жизни.
Красивый город на Волге.
Всюду Волга и всюду история.
Ярославль – романтика на Волге.
Ярославль – жемчужина России.

К этой же группе были отнесены и заявки, связанные с образом медведя. Несомненно, это ожидаемое решение в видении города. Раньше для идентичности городов служил герб. В нем можно было показать и географические, и промышленные, и исторические особенности. Сейчас гербы теряют свою роль, и на их место начинают приходить бренды. Отмечаем, что упоминание в заявках на бренд города Ярославля медведя как ведического архетипа встречается только в одном тексте. А в трех заявках используется интерпретация исторического образа медведя на визуальном и лингвистическом уровнях:

Ярославль – город мишек.
Милый медведька.
ЯросЛапа: «Такой родной, такой беспартийный».

При помощи изменения морфемного состава слова происходит «приближение» исторического образа медведя к современному человеку, где личность предстает в плане опредмечивания мира. Происходит изменение архетипичного (и на ярославском, и на российском уровнях!) медведя на своего, личного. Такой медведь только мой! Только наш! Только ярославский!

Третий уровень языковой личности *мотивационный* или *прагматический*. Прагматическая характеристика определяется целями и задачами личности. Если в вербальной характеристике можно опереться на слова, в когнитивной характеристике можно выделить образы, концепты или идеи, которые выражены также вербально, то для прагматической характеристики требуется пе-

речисление деятельностных потребностей личности. В нашем случае эти потребности личности выражены в образцах персонотекста заявок на бренд города Ярославля, в которых проявляются свойства личности.

В последнее время все больше городов задумываются о собственном бренде, который позволил бы привлечь в город как можно больше денег, и, что очень важно, дал бы повод для гордости и самоидентификации жителям.

Казалось бы, просто найти уникальную черту одного города. В 2002 г. С. Анхольт, один из ведущих мировых специалистов в области брендинга, впервые употребил в качестве термина фразу «брендинг мест». Анхольт стал одним из гуру, разработчиком нового комплексного подхода к брендингу территорий в противовес специализированному, сфокусированному на каком-то одном аспекте, например, туризме [6].

По этой теории существует шесть элементов современного бренда территории: туризм, экспортные бренды, политика, бизнес и инвестиции, культура, люди. Как бы то ни было, туризм все равно остается на первом плане, поскольку люди привозят сами свои деньги в город. К притоку финансов относятся также экспортные бренды, политика, бизнес и инвестиции. А вот культура и люди – из социальной сферы. Жители Ярославля могут и должны любить место, где они живут, беречь его и помогать городу становиться все лучше. Гордиться его культурой.

Ярославский пример конкурса на бренд Ярославля не показал однозначного результата с точки зрения отображения прагматического уровня. Интернет-голосование, выявляющее также персонологический подход, выделило следующие проекты:

«Ярославль – Столица Золотого кольца», авторы Мария Александрова, Михаил Крупин, Михаил Нянковский.

*«Древние традиции – новые возможности» (*проект Ирины Ораевской).

«Ярославль – город свободных людей» (проект Владимира Калугина).

«Я многогранный» (проект Гаврилюк Веры).

«Ярославль – территория движения» (проект Валентина Степанова).

Эти идеи оказались самыми близкими для ярославцев.

На наш взгляд, большинство заявок объединяет образ подвижности, мобильности, движения. Данный концепт включает в себя:

- подвижность временных границ, открытость настоящего прошлому и будущему;

- подвижность города в рамках страны и в рамках мирового пространства;

- подвижность через ощущение индивида в рамках своего города не как человека провинциального, для которого характерны скука, тягучий, размеренный темп жизни, а человека активного городского пространства, позволяющего «раскрыть» себя каждому, будь то местный житель или гость города.

В результате профессионального «обобщения» заявок – персонотекстов – должна быть создана долгосрочная концепция позитивного бренда города, отображающая его уникальность, которая поможет определить основные направления преобразования городского пространства и коммуникационную политику целого региона.

Персонологический подход как средство идентификации языковой личности, безусловно, может рассматриваться в качестве методологической базы для изучения таких междисциплинарных категорий как *образ, бренд, имидж* в контексте интегративной модели изучения города как культурного универсума.

Примечания

1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ciomsi.yar. ru/ proekty/ 488/492/ (дата обращения : 20.01.2013).

2. Исторический город русской провинции как культурный универсум [Текст] : учебное пособие. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010.

3. Панкрухин, А.П. Маркетинг территорий [Текст]. – СПб. : Питер, 2006.

4. Ульяновский, А. В. Мифодизайн: коммерческие и социальные мифы [Текст]. – СПб. : Питер, 2005.

5. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст]. – М., 1987.

6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www. adme. ru/ brending/kak-brendiruyut-goroda-69951 (дата обращения: 20.01.2013).

Часть 2. Научно-образовательная деятельность в контексте массовых и индивидуальных интенций

Глава 6. Научная школа и индивидуальные штудии как альтернатива массового сознания[2]

Т. С. Злотникова

В декабре 2012 г. в Ярославском государственном педагогическом университете им. К.Д. Ушинского была проведена научная конференция «Творческая личность – 2012: русская культура в глобализационном дискурсе». С одной стороны, это было, так сказать, «текущее» научное мероприятие, собравшее, однако, на два дня в почти тридцатиградусный мороз, не характерный для предновогоднего заснеженного города в центре России, ведущих российский ученых – культурологов, философов, исследователей заявленной проблемы (в частности, таких, как профессора О. Н. Астафьева, И. В. Малыгина, К. Э. Разлогов, Н. А. Хренов, М. М. Шибаева). С другой стороны, это было не просто проявление последовательного и, главное, длительного, насчитывающего более 20 лет интереса группы ярославских ученых к проблеме, но свидетельство сложившейся системы изучения сложнейших и актуальнейших научных вопросов; той системы, которая привлекает к себе внимание коллег и становится объектом притяжения в самом важном для науки плане – личностном.

Опыт изучения немалым научным коллективом, сложившимся за упомянутые 20 лет, различных аспектов деятельности творческой личности, соединенный с вопросами деятельности собственно такого, в определенной степени неформального коллектива, представляется заслуживающим внимания.

---

[2] В отдельных фрагментах данного текста использованы материалы доктора педагогических наук, профессора, академика РАЕН, ректора ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского» В.В. Афанасьева

Интерес современных ученых к *творческой личности* в ретроспективе ее трансформаций и в горизонте многообразных ментальных проявлений сегодня сосредоточивается на *глобализационном дискурсе*, который все более отчетливо виден в *русской культуре*. Не исключается сугубый интерес к проблеме творческой личности, живущей (обитающей, привязанной) в *провинции,* изучение которой традиционно для ярославской научной школы [1]. Это обусловливает наши предложения об обсуждении в *нынешнем году* именно данных концептов: «творческая личность», «русская культура», «глобализационный дискурс», «провинция».

Инициатива ярославских ученых была органическим продолжением работы, которая ведется нашей научной школой и которая востребована научным сообществом в разных регионах России. Поэтому нам представляется полезным обозначить некоторые особенности работы названной научной школы и современное состояние проводимых исследований.

Научные школы

Это понятие мы рассматриваем в нескольких ракурсах. Школа как сообщество людей. Школа как система формирования и продвижения идей. Школа как способ влияния на социокультурную ситуацию в регионе и за его пределами.

Для современной ситуации в системе высшего и послевузовского образования характерно возобновление внимания к понятию «научная школа». Однако в наше время серьезно трансформировалось содержание этого понятия и организационные приемы его реализации.

В последнее десятилетие понятие «*ведущая научная школа России*» стало понятием, характеризующим, причем в немалой мере, сугубо организационные – далеко не всегда духовно-творческие – принципы деятельности научно-образовательного сообщества.

Результаты, а главное – процесс деятельности научной школы в современном мире, независимо от конкретной предметной области (естественные, гуманитарные науки) – не могут быть закрыты от общества в целом и от научного сообщества в частности. Более того, привычная келейность и неконтролируе-

мость со стороны научного сообщества в осуществлении грантовой, премиальной политики лишь усиливают необходимость широкой и многообразной по формам презентации работы научной школы.

Когда же речь идет о сформированном в интегративном научном поле культурологии методологическом единстве научных оснований деятельности представителей разных научных сфер, а теперь уже и разных поколений, такие возможности становятся не только своеобразной верхушкой айсберга – моментом публичности, но и самим способом взаимодействия с широким кругом коллег, не входящих в данную научную школу, но солидарных с общим ходом проводимой в ее рамках работы.

Школа – это люди, научные идеи, исследовательские и просветительские акции, публикации – это процесс и результат, ожидание и завершение. Да, мы учим и учимся одновременно. Даем (общение, знание, время, силы) и получаем (или, что редко, но тоже возможно, не получаем) ответные импульсы. *Do ut des*.

Личностная динамика – проблема, которая обсуждается, но не всегда решается в рамках развития научных школ. Представляется, что эта проблема в течение 20 лет нашла достаточно убедительное решение в нашей работе. Естественно, что личностная динамика, прежде всего, должна присутствовать в исследованиях руководителя; в этом отношении можно привести даже не перечень публикаций, количество статей и книг (в течение нескольких последних лет у руководителя культурологической научной школы, Т.С. Злотниковой, вышли 4 монографии, причем 2 из них – в рамках личного гранта РГНФ, и один учебник [2], а у руководителя математической научной школы, В.В. Афанасьева – ряд работ, где буквально за руку приведенные в науку молодые педагоги-математики вместе со своим учителем и некоторыми другими опытными учеными развернули картину творчески активного приобщения подростков и молодежи к актуальному научному знанию [3]).

Отметим характерный факт. Первый грант на научные исследования – скромный в финансовом, но значимый в научно-творческом отношении – был получен одной из нас, Т.С. Злотниковой, в 1997 г. на индивидуальное исследование творческой

личности в искусстве XX века. Тогда была издана научная монография, получен еще один грант, стали выполняться коллективные исследования, в которые вовлекались до двух десятков более молодых коллег, преподавателей, работавших над кандидатскими и докторскими диссертациями, и – обязательно аспирантов. В последние годы коллектив выполнил и продолжает выполнять работы по нескольким целевым программам (суммы финансирования составляют по несколько миллионов в год), по грантам РГНФ… И лишь в последние два года руководитель школы вновь «позволил» себе осуществить работы по еще одному, личному гранту, естественно, посвященному изучению творческой личности: это – грант РГНФ «Эстетические парадоксы русского театра в культурфилософском измерении» (2011–2013 гг.).

Поскольку принципом формирования и развития научной школы является сочетание преемственности и расширения сферы влияния, важной особенностью нашей научной школы можно считать разнообразие изначальных профессиональных интересов, за реализацией которых в ранее сложившийся круг входили все новые исследователи. Это касается культурологов и историков, филологов (лингвистов, литературоведов) и музыковедов, архитекторов и дизайнеров; многие из них разделяют концептуальные основания, представленные в наших исследованиях [4].

Существенна и «география», характеризующая исследования по проблеме творческой личности: имеется в виду место жительства и работы исследователей, включавшихся и продолжающих включаться в соответствующую работу. Разумеется, ярославская научная школа изначала работала «на себя» – на регион, изучая то, что было здесь наиболее актуально, пополняя кадрами высшие, средние (общеобразовательные и специальные) учебные заведения, музеи, средства массовой информации, органы управления. Однако затем сфера притяжения ярославской научной школы стала расширяться, во-первых, за счет приезда в Ярославль иногородних коллег (прохождение аспирантуры или докторантуры); во-вторых, за счет стремления участвовать в научных мероприятиях, защищать диссертации также в Ярославле. Теперь «география» включает в себя Москву и

Санкт-Петербург, Вологду и Архангельск, Кострому и Иваново, Вятку и Челябинск.

Интересно отметить, что изучение творческой личности как ведущая научная проблема объединило интересы десятков опытных и молодых ученых, включая аспирантов и студентов. Более того, проблематика творческой личности стала «обрастать» новыми связями и смыслами, расширяться и в хронологическом плане (от второй половины XX в., материал которой изучался поначалу, – в глубину времен, к пушкинской эпохе и родовым связям, отраженным в исследовании В. Бобылевой, вплоть до XVII в., к которому относились артефакты, связанные с жизнью Ярославля как своего рода столицы храмового строительства, что отразилось в историческом исследовании Т. Рутман); и в географическом плане (Россия–СССР–Россия, Европа, включая античные, римские реалии); и в культурно-историческом плане (типология взаимодействия личности со средой, гендерные, социально-демографические, включая возрастные, аспекты творческой личности как субъекта самореализации); и в эстетическом плане (материалы исследований стали охватывать разные виды искусства, включая литературу, театр, кинематограф, живопись, музыку и архитектуру).

Научная школа, что естественно для такого неформального объединения исследователей разных поколений, должна иметь продолжение в молодежи. Она, в свою очередь, не только активно включается в финансируемые исследования, но и публикует свои работы в рецензируемых журналах, участвует в разработке сложных культурологических проблем; одна из ближайших защит выпускной квалификационной работы студентом-культурологом будет представлять такую тему: «Человек в экстремальной ситуации: художественная и философско-психологическая интерпретация» [5].

Научные проблемы

В нашем случае – это одна из генеральных (для современной культурологии) и определяющих смысл исследований (для ярославской культурологической школы) проблема – *творческая личность*.

Настоящая глава, с одной стороны, подытоживает многолетние исследования авторов в сфере изучения проблемы творческой личности: как субъекта и объекта культуротворческой и социальной жизни (Т.С. Злотникова), в научной и образовательной деятельности (В.В. Афанасьев). С другой же стороны, текст носит «постановочный» характер применительно к проблеме динамики взаимодействия творца и социума, что особенно важно в контексте смены парадигм в отечественной культуре нескольких последних десятилетий. Имеется в виду своего рода бинарная оппозиция «массовая культура – художественное творчество», придающая метатекстуальный характер русской культуре.

Именно в ситуации расцвета многообразных признаков массовой культуры выявляется неустаревающая ценность уникальной творческой личности и становящаяся привычной эксплуатация ее потенциала как в коммерческом, так и в политическом аспектах.

В работу научной *конференции*, о которой сказано выше, были интегрированы идеи, теории, результаты, полученные в течение ряда лет при проведении организаторами исследований в рамках проектов, поддержанных ФЦП, РГНФ.

Причем *один круг тем* – это коллективные разработки, осуществляемые по сей день представителями научной школы, формировавшейся в Ярославле с начала 1990-х гг. В числе первых успешно реализованных в первой половине 2000-х гг. коллективных проектов следует назвать такие, как *«Актуализация исторических ценностей русской культуры»* и *«Методологическое обеспечение исследования ментальных моделей русской культуры»*.

Объединение интересов и деятельности значительного количества ученых произошло вокруг темы *«Личность в культуре: разработка междисциплинарных модулей исследовательской и образовательной деятельности»* (завершение данного конкретного проекта – 2009 г.). Работа над этой темой имела немалую предысторию, уже в начале 2000-х гг. последовательно, из года в год, разрабатывались вопросы, открывавшие возможности многоаспектного понимания *личности в культуре*: социально-психологический и художественный опыт в аспектах на-

учного исследования и обучения; историко-типологический аспект изучения творческого опыта в системе высшего и среднего образования; синергетический дискурс культурно-образовательных процессов в современном мире; формирование интегративной парадигмы социопсихологического, культурантропологического, искусствоведческого изучения личности; разработка модели личности как семантического, эстетического и социологического универсума культуры; герменевтические процедуры изучения творческой деятельности в художественной и образовательной сферах; семиотическая парадигма культурно-антропологических исследований; социокультурные практики в системе изучения и расширения проблемного поля культурологического знания; выявление ментальных проблем России в культурно-историческом опыте.

Естественно, что, подавая заявку на участие в программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», представители научной школы, объединенные к тому времени в *Научно-образовательном центре «Культуросообразность научно-образовательной деятельности»* (открыт в 2008 г.), имели значительный задел, позволивший приступить к широкому и оперативно осуществлявшемуся исследованию *«Методология изучения социально-культурной парадигмы личности в России XX–XXI вв.»* (2009–2011) [6]. За время работы по этому проекту были защищены 3 докторские диссертации, которые создавались, разумеется, на протяжении длительного времени, но которые – особенно две из них – были в полной мере посвящены проблеме творческой личности в разных ее аспектах. Первая из этих диссертаций (автор – Н.Н. Лётина) – «Российский хронотоп в культурном опыте рубежей (XVIII–XX вв.)» [7]; речь шла о творческой личности в ее специфических художественно-творческих, гендерных и даже социальных проявлениях, в силу чего был изучен «рубежный» текст не только личности поэтесс, художников, но и российских правителей применительно к понятию «гамлетизма». Вторая диссертация (автор – Т.И. Ерохина) – «Личность и текст в культуре русского символизма»; в работе актуализировались специфические для России, семиотически и культурно-антропологически детерминированные проявления личности как творца не только художественного текста, но и по-

вседневного, поведенческого, ментально своеобразные признаки и особенности этого явления [8]. Важно отметить, что материалы всех исследований, включая диссертационные, активно внедряются в образовательный процесс, на их основе разрабатываются учебные курсы в рамках образовательного стандарта III поколения, где предусмотрено особое внимание к формированию новых научных компетенций студентов.

Другой круг тем – это индивидуальные разработки, начало которым было положено автором настоящего текста, Т.С. Злотниковой, в докторской диссертации «Проблема личности в советском театре 1960–1980-х годов: актер и режиссер» (1992 г.). Этот круг тем впоследствии постоянно расширялся в исследованиях, представленных сначала в кандидатских, а затем и в докторских диссертациях, индивидуальных и коллективных монографиях [9].

Среди нескольких десятков кандидатских диссертаций особый интерес представляют, во-первых, работы, посвященные скрупулезной и детальной разработке *проблематики деятельности конкретных творческих личностей,* принадлежащих к разным эпохам (посвященные месту Ф. Достоевского в картине мира XX в., картине мира Н. В. Гоголя, мифологии личности М. Ю. Лермонтова, художественной картине мира А. П. Чехова и его театральному alter ego, художественному мироощущению личности в России рубежа XIX–XX вв., игровому дискурсу и интеллектуальному обеспечению русской культуры конца XX в., творчеству ярославских художников, в прошлом эмигрантов, в контексте русского искусства XX в.). Во-вторых, немалый объем составили *исследования, актуализировавшие общие проблемы творчества применительно к контексту определенной эпохи и национально-культурной среды* (феномены колокола, храма в русской культуре, историко-культурные аспекты личностного самоосуществления в античности, проблемы провинциальной культуры, личности в искусстве тоталитарной эпохи, отдельные эстетические проблемы – движение, перформанс, дизайн интерьеров, постмодерн в архитектуре и моде). Особое место применительно к изучению творческой личности и пониманию возможностей ее формирования заняли в деятельности наших научных школ исследования, *обобщающие образовательную дея-*

тельность в сфере культуры и выявляющие возможности воздействия на ее совершенствование, а также собственно демонстрирующие возможности творческого, культуросообразного развития личности молодого человека. Сошлемся также на опыт ректора ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, профессора В.В. Афанасьева: в числе других научных «питомцев», вместе с которыми им написаны монографии и учебные пособия, он может назвать по-своему уникальную фигуру – известного хоккеиста И. Непряева, проявившего недюжинный интерес к творческому, интеллектуально детерминированному саморазвитию и защитившего кандидатскую диссертацию, посвященную теории вероятности и ее актуализации в спортивной работе [10]. В то же время наша культурологическая школа культивирует внимание аспирантов и соискателей к непосредственному взаимодействию академических исследований с образовательной практикой, а авторы этих исследований преподают, причем главным образом – детям (из числа наиболее ярких работ назовем «Концепт детства в научной и художественной традициях XX века», «Культурный феномен детства в аспекте творческой деятельности (на материале отечественной художественной культуры XX века)», «Культурологический подход к изучению искусства современными школьниками», «Хореографическое искусство и дети: эстетические и нравственные аспекты воспитания»).

Ближайшее будущее

Предложенная к обсуждению на ярославской конференции проблема, как еще раз показало ее обсуждение, имеет непреходящее значение, актуализируемое реальными культурными практиками, научными изысканиями в сфере разных дисциплин: от философии и эстетики до психологии и социологии, от искусствоведческого цикла до историко-типологических обобщений. И сегодня, в 2013 году, мы можем обозначить как минимум два вектора продолжения работы по изучению этой проблемы. Один вектор связан с взаимодействием в научном сообществе России: очередной, 4 Культурологический конгресс, который будет по традиции проводиться в Санкт-Петербурге осенью нынешнего года, своей темой имеет «Личность в пространстве культуры». Второй вектор связан с продолжением исследований представи-

телями нашей научной школы: завершается развернутое социокультурное исследование личности в современной провинциальной культуре, где на материале анкетирования, прежде всего, молодежи и интервьюирования ведущих представителей системы образования, культуры, промышленности будет воссоздан коллективный портрет личности как субъекта культуросообразной деятельности в России второго десятилетия XXI века.

Примечания

1. Исторический город русской провинции как культурный универсум» [Текст] : учебное пособие (гриф УМО). – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010.

2. Злотникова, Т.С. Время «Ч» *(Культурный опыт А.П. Чехова. А.П. Чехов в культурном опыте 1887–2007 гг.):* научная монография. – М.-Ярославль, 2007; Человек. Хронотоп. Культура [Текст] : курс лекций. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2011; Эстетические парадоксы русской драмы [Текст] : монография. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2011; Эстетические парадоксы режиссуры: Россия, XX век [Текст] : монография. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2012.

3. Афанасьев, В.В., Алексеев, В.Н., Тихомиров, С.А. Работа с одаренными детьми по математике [Текст] : монография. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2011; Афанасьев, В.В., Суворова, М.А., Осетров, И.А. Статистика в спорте [Текст] : монография. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010.

4. Злотникова, Т.С. Трансдисциплинарная парадигма изучения творческой личности: от конфронтации к интеграции искусствоведения и культурологии [Текст] // Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. – Т.1. Теория культуры. – СПб. : АЛЕТЕЙЯ, 2008. – С.187–202.

5. Чарный, М.И. Человек в экстремальной ситуации: художественная и философско-психологическая интерпретация [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 2. – Т.1 (Гуманитарные науки). – С. 299–301.

6. Личность в современной русской культуре: стратегии социокультурного изучения [Текст] : учебное пособие. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2009; Личность в современной русской культуре: культуросообразность образования и жизнеустроения

[Текст] : научный сборник / под науч. ред. Т.С. Злотниковой, М.В. Новикова, Н.Н. Летиной. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010.

7. Лётина, Н.Н. Российский хронотоп в культурном опыте (XVIII–XX вв.) [Текст]. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2009.

8. Ерохина, Т.И. Личность и текст в культуре русского символизма [Текст]. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2009.

9. Гоголь. Via et verbum [Текст] : коллективная монография. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2009.

10. Афанасьев, В.В., Непряев, И.Н. Математическая статистика в командных видах спорта [Текст]. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2006.

Глава 7. «Русская историческая школа» как модель научно-образовательного и духовно-нравственного сообщества конца XIX – начала XX в.

Ю. С. Никифоров

В последней трети XIX – начале XX в. в России происходит становление истории как научной дисциплины: появляется *профессия «историк»*, формируется *научно-образовательное сообщество историков* с особыми правилами, процедурой признания и этапами профессиональной карьеры. На фоне осознания историками своей социальной роли внутри российского научно-образовательного сообщества идет формирование особой системы компетенций и ценностей, способов научно-педагогической деятельности и коммуникативного взаимодействия, которые можно определить как *культуру российского историка*, рассматриваемую в 3-х основных измерениях: историк как ученый-исследователь, историк как преподаватель, историк как участник коммуникативных взаимодействий.

Ярким примером, иллюстрирующим культуру научно-образовательного сообщества, является многообразная деятельность представителей «русской исторической школы» или «русской школы» историков. Само *понятие «русская школа» («Ecole russe»)* ввели в научный оборот французские историки А. Олар, Ж. Жорес, А. Матьез. Вопрос о составе «русской исторической

школы» является дискуссионным. В настоящем исследовании термин «русская историческая школа» используется в расширенной трактовке Г. П. Мягкова, который выделял среди крупнейших ее представителей П. Г. Виноградова, Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского, М. С. Корелина, И. В. Лучицкого [1].

Настоящая работа обусловлена необходимостью и стремлением рассмотреть целостный феномен научно-образовательного сообщества на рубеже XIX–XX вв.: указанные выше историки ярко проявили себя и в научно-исследовательской работе, и в преподавании, и в научной коммуникации, и на поприще общественно-политической деятельности. Деятельность историков «русской школы» многогранна как по содержанию, так и по географии. Их научно-педагогическая жизнь проходила в крупнейших городах Российской империи (Москве, Петербурге, Киеве, Полтаве, Варшаве) и в зарубежных странах (Франции, Англии, Германии).

Исследуемых историков объединяло сходство не только методологии, но и научно-педагогического стиля, мировоззренческих позиций. Историки «русской школы» были яркими личностями: владели литературным слогом и критическим (аналитически детерминированным) подходом к изучаемым явлениям, обладали эмпатией и харизмой. Эти особенности представляют интерес для изучения научно-образовательного сообщества, способного противостоять примитивности и клишированности массовых представлений, что было актуально уже в конце XIX – начале XX в.

Интерес к представителям «русской исторической школы» обусловлен особенностями их профессиональной и общественной деятельности. Историков глубоко волновала судьба модернизации пореформенной России и конкретные пути трансформации российского общества. Анализ гражданской позиции ученых по этим вопросам позволяет косвенно оценить систему духовно-нравственных ценностей научно-образовательного сообщества последней трети XIX – начала XX в.

В центре внимания российские либеральные историки, чей профессиональный подъем начался во 2-й половине 1870-х гг., расцвет творчества наступил в 1880–1890 гг. и продолжался до революционных событий 1917 г. Исходя из концепций В.

Дильтея, И. С. Кона и Л. А. Сидоровой, можно сказать, что это были люди одного поколения [2]. Представителей этого периода А. Н. Медушевский обозначил как «поколение 1880-х», некий «идеальный тип либеральной интеллигенции эпохи формирования российского конституционализма» [3].

Гипотезой исследования являются следующие предположения. Во-первых, «русская историческая школа» к началу XX в. представляла собой элитарную группу ученых, способную противостоять вызовам массового сознания с его стремлением к упрощению и схематизации всего и вся. Во-вторых, «русская школа» историков была не только научно-образовательным, но и творческим, духовно-нравственным сообществом интеллектуальной элиты России начала XX в. В-третьих, профессиональная деятельность историков определялась, с одной стороны, воздействием социокультурной ситуации пореформенной России, а с другой стороны, подчинялась внутренней логике развития научно-образовательного сообщества (теории экстернализма и интернализма в науке) [4].

В главе исследован процесс функционирования научно-образовательной и общественно-политической деятельности сообщества историков в культурно-историческом контексте [5]: конкретные практические проявления духовно-нравственной позиции историков, особенности внутренней и внешней коммуникации интеллектуального сообщества (обстоятельства взаимодействия с администрацией – чиновниками министерства народного просвещения, молодежью – студентами и слушателями). Представляется, что дихотомии бюрократ – ученый и студент – профессор наиболее рельефно отражают модель взаимодействия интеллектуальной элиты с властью и обществом, с вызовами массового сознания начала XX в.

Уровни общения историков: официальный и неформальный

Главным коммуникативным центром профессионального сообщества историков был университет [6], а само общение носило межфакультетский характер. Значимость коммуникативной стороны в деятельности историка метко обрисовал В. А. Вагнер, характеризуя М. М. Ковалевского: «Ему хотелось видеть всех сотрудничающими и помогающими друг другу выполнять обязан-

ности и научные задачи» [7]. Университет, являвшийся, по словам Ковалевского, «центром всех интересов» [8], не был единственным местом коммуникации ученого сообщества. Подобную роль выполнял неформальный кружок самого Ковалевского, «обширный и по специальностям разнообразный» [9]. Дом Ковалевского в Москве был культурным центром, в котором историк принимал по четвергам большой круг знакомых. Участниками были разные по профессиональному статусу люди: профессора, журналисты, иностранные ученые, путешественники, общественные деятели, писатели и художники [10].

Н. И. Кареев в силу скромных финансовых возможностей редко мог позволить себе собирать масштабные журфиксы. Тем не менее, и его дом был часто полон друзей. Этот факт подтверждают воспоминания Н. П. Корелиной: «По вечерам у Кареевых собиралось много друзей и знакомых…» [11]. Т. Александровская, описывая вечер у Кареевых в 1914 г., посвященный сбору средств в пользу раненых, среди присутствовавших лиц называла представителей культурной элиты того времени: Репина, Горького, Курзнера, Карсавина, Анненкова [12].

Для П. Г. Виноградова в Москве и И. В. Лучицкого в Киеве, подобно Н. И. Карееву и М. М. Ковалевскому, общение с коллегами продолжалось в неформальной обстановке журфиксов. Раз в месяц в квартире П. Г. Виноградова собирались его ближайшие коллеги: Ключевский, Милюков, Виппер, Петрушевский, Кизеветтер, Богословский и др. В тесном кругу читались рефераты, «разбирались новинки научно-исторической литературы», после чаепития обсуждались доклады [13]. В гостеприимном доме И. В. Лучицкого не было дня, «чтобы кто-нибудь не наведывался, а прием всегда был естественный и сердечный», частыми были музыкальные журфиксы [14].

Научная деятельность и российская повседневность: историки в социокультурном пространстве пореформенной России

Общественная деятельность историков стала конкретным отражением духовно-нравственных позиций научно-образовательного сообщества. Для понимания обстоятельств, влиявших на формирование духовных позиций творческого со-

общества историков, проанализируем *социокультурный контекст пореформенной России.*

В воспоминаниях историки «русской школы» отмечали такую деталь *социокультурного пространства* России рубежа XIX–XX вв., как участие в общественной жизни ограниченного круга лиц. Ученые указывали на «дефицит» общественных работников как на один из факторов своего личного участия в общественной жизни. Так, Кареев писал: «С одними и теми же людьми приходилось участвовать в разных учреждениях». Он с сожалением восклицал: «Как мал был, в сущности, круг общественных работников вне официальных учреждений, городских и земских!» [15]. Ковалевский подмечал: «При посещении обществ и редакций меня всегда поражало присутствие одних и тех же лиц». Историк подчеркивал многогранность интересов интеллигенции на рубеже XIX–XX вв.: «В понедельник они были археологами, во вторник или среду – этнографами или юристами, и неделя не кончалась без новой встречи с ними в психологическом обществе или обществе любителей русской словесности!» [16]. Почему так было? Ковалевский давал четкий ответ, называя 2 причины: «дефицит» общественных деятелей – «культурный класс не представляет большой толщи»; универсализм российской интеллигенции – «специализации занятий у нас не существует» [17].

Надо сказать, что Н. И. Кареев в Варшаве и Санкт-Петербурге, П. Г. Виноградов и М. С. Корелин в Москве, И. В. Лучицкий в Киеве и Полтаве, М. М. Ковалевский в Москве и Санкт-Петербурге в пору расцвета научно-педагогической карьеры (1880–1900 гг.) интенсивно занимались самой разнообразной общественной деятельностью. Кареев отмечал, что работал в обществах для содействия самообразованию и комитетах пособия нуждающимся студентам [18]. Он состоял членом «Общества вспомоществования студентам СПб. Университета» и «Комитета Общества для доставления средств высшим женским курсам», был председателем «Комиссии для приискания занятий недостаточным студентам» [19]. Историк принимал участие в деятельности Литературного фонда и с 1892 г. был в Союзе взаимопомощи русских писателей [20]. В 1901 г. согласно «Всеподданнейшему докладу министра внутренних дел» организация

была закрыта в связи со «сведениями о противоправительственных выступлениях союза в поддержку студенческого движения» [21]. Кареев участвовал и в организации Санкт-Петербургского Академического союза [22].

П. Г. Виноградов с 1893 г. возглавлял предметную комиссию по истории и организации домашнего чтения [23]. По словам А. А. Кизеветтера, участие в комиссии дало ученой молодежи 1890 гг. возможность «живого общения с внутренней жизнью страны, людьми, рассеянными по всему лицу русской земли» [24]. С 1898 г. Виноградов председательствовал в Училищной комиссии, уделяя внимание реформе среднего образования, был инициатором создания Московского Педагогического общества [25].

И. В. Лучицкий, который был губернским гласным г. Полтавы, активно занимался земскими делами: участвовал в создании школ и приютов, вникал в хозяйственные нужды крестьян, оказывая везде посильную помощь. Кроме того, Лучицкий являлся председателем Комитета грамотности и одно время выполнял функции мирового судьи [26]. По словам О. И. Лучицкой, дочери историка, И. В. был «вечно “занят по горло”, принимая множество народа: студентов, крестьян, литераторов, журналистов, земцев, статистиков» [27]. Рано ушедший из жизни М. С. Корелин был одним из основателей Исторических и Педагогических обществ Москвы и Санкт-Петербурга. Публицистическая деятельность Корелина была связана с журналами «Русская мысль», «Артист», газетой «Курьер», в которых историк помещал статьи, заметки по вопросам образования, театральные рецензии, отчеты с выставок [28].

Пик общественной деятельности М. М. Ковалевского пришелся на период его жизни после возвращения из эмиграции (1906–1916 гг.). В Петербургском университете он занимал должности председателей «Общества вспомоществования студентов» и дисциплинарного суда при Совете университета, возглавлял Вольное Экономическое и Юридическое общества, а также руководил кружками им. Л. Н. Толстого и им. Герцена, был председателем Русского Отдела Международного Общества Мира и Комитета Общества Английского Флага (русско-английской дружбы), членом Верховного Трибунала по разре-

шению морских споров между Канадой и США. Он являлся членом международных сообществ ученых: Международного института социологии, Общества социологии в Париже, Французской Академии нравственных и политических наук, Академии законодательства в Тулузе, Обществ по изучению истории Французской революции в Париже и отечественной истории в Италии [29].

Н. И. Кареев был одним из организаторов «Отдела для содействия самообразованию» при Педагогическом музее в Санкт-Петербурге. Наиболее ярко организаторский талант Кареева проявился в создании при Санкт-Петербургском университете Исторического общества. Совместно с профессорами Е. Е. Замысловским, В. И. Ламанским и С. Ф. Платоновым он подал на имя ректора «Записку об учреждении Исторического общества» [30], которое появилось в 1889 г.

Политическая деятельность российских историков в начале XX в.

Активное *включение профессуры, в том числе и историков, в политическую деятельность* было одной из особенностей социокультурной ситуации России после известных событий 1905 г. По словам Н. И. Кареева, «политика в 1905–1906 гг. вторгалась всюду», а «сильное общественное движение захватило и профессорскую среду» [31]. Среди крупных политических деятелей, вышедших из профессорской среды, достаточно назвать П. Н. Милюкова и С. А. Муромцева. Не избегли политического водоворота и историки «русской школы».

Приобщение историков «русской школы» к политической деятельности было продолжением их *общественной работы в области городского или земского самоуправления*. И. В. Лучицкий, к примеру, прошел путь от гласного Полтавского губернского земства до депутата III Государственной Думы от Киева, которым он стал в 1907 г. [32]. П. Г. Виноградов, в свою очередь, в 1897 г. был избран гласным Московской думы, а в 1906 г. даже приглашался П. А. Столыпиным на пост министра просвещения, но отказался [33]. Н. И. Кареев в 1903–1904 гг. занимал должность гласного Городской думы Петербурга, надеясь быть выбранным в комиссию народного образования, но

вместо этого попал в комиссию по разбору нищих. Деятельность городского гласного пришлась Карееву не по душе, как человеку «слишком кабинетному, мало практичному» [34]. Историки «русской школы» занимались разработкой «Записки 343» от имени университетской профессуры с требованием народного представительства и прекращения репрессий, а позже активно участвовали в деятельности Академического союза [35]. Одним из ярких эпизодов в общественной деятельности Кареева было участие в депутации к С. Ю. Витте с целью предотвращения событий «кровавого воскресенья» 1905 г. и последующее заключение в Петропавловскую крепость [36].

В 1905 г. во время *дифференциации русской интеллигенции на политические партии* Н. И. Кареев включился в активную политическую и партийную работу: вступил в Академический союз преподавателей высшей школы и Конституционно-демократическую партию [37]. В частности, Кареев являлся председателем городского комитета Конституционно-демократической партии. Ученый баллотировался кандидатом в депутаты от Петербурга и стал членом Государственной Думы, «получив большое число голосов на Васильевском острове» [38]. На фотографии, представленной в мемуарах, историк находился в компании таких известных личностей, как В. Д. Набоков, А. З. Петражицкий, М. И. Петрункевич, М. Л. Виннавер, Е. И. Кедрин.

Педагогическая деятельность историков в контексте образовательной системы Российской империи конца XIX – начала XX в.

Анализируя коммуникацию научно-образовательного сообщества историков с администрацией и студенческой молодежью, нельзя не охарактеризовать взгляды историков «русской школы» на *систему российского образования конца XIX – начала XX в.*

Обратимся к воззрениям Н. И. Кареева, осветившего взгляды *на идеалы образования* в серии работ для молодежи. Он обращался к русской молодежи как старший друг [39] и приходил к выводу о важности философского и социологического образования в деле формирования этического отношения личности

к обществу [40]. Сходную позицию занимал М. М. Ковалевский, для которого, по словам С. Гогеля, была характерна «безграничная вера в силу просвещения и культуры» [41].

Значение истории, по мнению Кареева, заключалось в формировании общей образованности («понимание исторического развития»), моральном и политическом воспитании, выработке всемирно-исторической точки зрения. П. Г. Виноградов отмечал среди задач истории – «развитие интереса к общественной жизни» [42].

Особняком среди сочинений, обращенных к молодежи, стояла работа Н. И. Кареева «Выбор факультета» [43], которая выделялась прикладной направленностью. Историк подчеркивал такую важную деталь университетского образования, как формирование общекультурного уровня образованности – «учеными в университете делаются немногие, но образованными должны будут сделаться все» [44]. Огромную роль, по мысли ученого, играли внефакультетские предметы и стремление к самообразованию. По мнению другого историка, П. Г. Виноградова, характер учебных занятий складывался, помимо прямого действия профессоров, в зависимости от 3-х факторов: давления министерств, забот факультетов и отношения студентов [45].

Преподавательская деятельность М. М. Ковалевского совпала с периодом контрреформ. Ученый критично воспринимал систему образования конца XIX – начала XX в., в частности, среднюю школу: «Считаю нашу среднюю школу настолько косной, что ее настоящее мало уклонилось от прошлого, воспитательного значения она не имеет». С точки зрения историка, «воспитание – это не только сообщение знаний, но и обучение способу держать себя прилично». Кроме элементов европейской культуры, школа должна «восполнять нравственное и физическое воспитание семьи» [46].

Гораздо положительнее Ковалевский отзывался об университетском образовании, которому был обязан общим развитием. По его мнению, роль университета скорее воспитательная, чем образовательная – «не в одних лекциях и семинарах, но и в образовании слушателями научных кружков и сходок» [47]. Для развития подрастающего поколения ученый призывал к широкой общей подготовке и выступал против ранней специализа-

ции: «Ранняя специализация в моих глазах является не полезною, а вредною» [48].

П. Г. Виноградов, который был сторонником активного обучения, считал, что в университетских занятиях надо остерегаться «регламентации и школьного педантизма» [49]. Важным принципом Виноградова был гуманизм. Рационально подходя к процессу обучения, он предлагал ограничивать учебную нагрузку: «Едва ли студент будет в состоянии справляться более чем с 2-мя семинариями одновременно» [50].

Важно подчеркнуть, что взгляды на идеалы образования и воспитания историки «русской школы» не только излагали на страницах сочинений, но и стремились воплотить в конкретной педагогической деятельности. Об этом свидетельствовали различного рода проекты и представления, которые ученые составляли с *целью повышения качества исторического образования.* Приведем некоторые примеры из педагогической практики историков.

К концу 1880 гг. в университетах сложилась ситуация «засилья классических предметов» [51]. На весь курс новой истории отводилось «смехотворное» количество часов (4 часа на полугодие). Большие объемы материала, которые нельзя было сжать в ограниченном времени, заставили в 1888 г. профессоров Н. И. Кареева и А. И. Незеленова подать «Представление об увеличении числа часов в читаемых ими курсах лекций» [52].

В годы реакции в области просвещения историки «русской школы» вели настоящую *борьбу за сохранение полноценного исторического образования в университетах*. Ярким примером коллективных действий представителей «русской исторической школы» была служебная записка «О необходимости сохранения общих курсов по европейской истории для студентов всех отделений историко-филологического факультета», поданная профессорами П. Г. Виноградовым, В. И. Герье, Н. И. Кареевым, И. В. Лучицким, Ф. Я. Фортинским на имя министра народного просвещения [53]. В записке от 1898 г., стремясь повысить языковую подготовку будущих историков, Н. И. Кареев ходатайствовал совместно с А. Н. Веселовским и Ф. Ф. Соколовым «О введении преподавания новогреческого языка» [54].

Особую активность историки проявляли в вопросах контроля знаний студентов родного исторического факультета. В записке от 1897 г. «О недостатках в преподавании истории на факультете и о мерах к их устранению» Н. И. Кареев предлагал ввести в состав полукурсовых испытаний предмет «Всеобщая история, средняя и новая», на что факультет дал положительную резолюцию [55]. В другом документе за 1908–1910 гг. Кареев выносил на рассмотрение факультета проект новой организации семинариев и высказывал «особое мнение по вопросу о предполагаемых переменах в факультетских требованиях к студентам» [56].

Являясь членом Комитета общества вспомоществования студентам Имп. СПб. Университета, Кареев принял активное участие в деятельности комиссии по разработке мер к поднятию благосостояния студентов [57].

Деятельность историков по повышению качества образования не ограничивалась стенами университета. Совместно с профессорами П. А. Лавровым и В. И. Ламанским Кареев, стремясь повысить уровень испытаний для педагогов школ, подал в 1909 г. записку «О дополнении предметов испытаний на звание учителя гимназии историей славянских народов» [58]. Педагогическая составляющая была внесена под влиянием Кареева и в устав организованного в 1889 г. Исторического общества [59].

Вне университета историки стремились к *развитию народного просвещения, отстаивая принцип сохранения национальной идентичности*, входя в противоречие с официальной политикой русификации и заметно воздействуя на массовое сознание российского общества. В приветственной речи к учредительному собранию Лиги образования Кареев обозначил так эту идею: «Главной задачей Лиги должно быть устройство вольных университетов для лиц, не получивших школьного образования. Самым желанным является принцип Лиги, чтобы развитие образования совершалось на народных местных языках» [60].

Крупнейшим «детищем» М. М. Ковалевского, в котором воплотился его идеал общего образования, стала Русская высшая школа общественных наук (РВШ) в Париже [61]. Он сумел привлечь к преподаванию в РВШ лучшие умы России и Европы:

Ю. С. Гамбарова, И. В. Лучицкого, Е. В. де-Роберти, П. Н. Милюкова [62].

Другим «крупным делом» М. М. Ковалевского, по выражению С. Гогеля, в области образовательного «строительства» была организация Психоневрологического института, в котором были реализованы гуманистические идеи Ковалевского: прием всех желающих без ограничений по национальности или образовательному уровню; учебный план, предусматривавший перед прохождением специального факультета образование на особом факультете, где преподавались общеобразовательные предметы (химия, биология, история, психология) [63].

Отношения либеральной профессуры и студенчества

Особую часть коммуникативной культуры профессионального сообщества историков составляли *взаимоотношения со студентами*. Кареев отмечал, что «в университетские годовщины был в числе немногих, регулярно приглашавшихся на студенческие чаепития» [64]. Участие преподавателей в студенческих «чаепитиях» не всегда адекватно воспринималось руководством, а часто вызывало его прямое порицание. Ситуация осложнялась присутствием доносчиков на таких вечеринках.

В фонде Министерства просвещения сохранилась переписка, касающаяся подобного случая, который произошел с Кареевым и его коллегой [65]. Речь шла о вечеринке студентов и профессоров 8 февраля 1894 г. в кухмистерской Петрова. Профессора Н. И. Кареев и И. М. Гревс «отличились» выступлением, «призывавшим восстановить запрещенное правительством в 1887 г. студенческое научно-литературное общество» [66]. Оба историка были вынуждены давать письменное объяснение в апреле 1894 г. [67]. В личном фонде И. Д. Делянова хранился документ, свидетельствовавший о выступлении Кареева на аналогичную тему на студенческой сходке [68].

Отзывчивый и добросердечный, Кареев всегда стремился помочь студенчеству. Н. П. Корелина вспоминала, что студенты «приходили к нему во всякое время по своим личным и общественным делам». Она отмечала альтруизм Кареева в общении с молодежью: «Как бы Н.И. не был утомлен, он внимательно выслушивал всех, толковал с ними, разъяснял им их сомнения, по-

могая словом и делом – любил общение с молодежью». Корелина подчеркивала радушие Кареева и его жены: «Никогда не было отказа, и всегда со стороны Н.И. и С.А. было радушное и сердечное отношение» [69]. И. В. Лучицкий в Киеве, по воспоминаниям его дочери, вел аналогичный альтруистический образ жизни: «За работой, за помощью в поисках занятия, в поступлении в университет обращались к И.В., который тотчас же писал рекомендации и устраивал людей» [70].

Конец 1890 – начало 1900 гг. были временем подъема студенческого движения. Передовые профессора университета стремились предотвратить репрессивные меры правительства. В числе их был и Н. И. Кареев: по его предложению Советом Петербургского университета было принято предложение «о смягчении или снятии наказания, наложенных на студентов в связи с волнениями» от 17 февраля 1899 г. [71]. Вместе с другими профессорами Петербурга Кареев подписался под прошением Н. Н. Бекетова от 18 февраля 1899 г. на имя министра народного просвещения о том, чтобы «вместо полицейского воздействия на студентов предоставить советам профессоров обсудить меры к успокоению молодежи» [72].

Подпись Кареева была в числе 99 общественных деятелей, обратившихся к министру внутренних дел с требованием отмены «Временных правил» и суда над виновными в избиении студенческой демонстрации у Казанского собора 4 марта 1901 г. [73]. Участие в обращениях было обусловлено гуманистической направленностью личности Кареева. Ему было «жалко жертв начальственного возмездия, когда наиболее живые и впечатлительные юноши исключались из университета» [74].

Культура педагогической деятельности профессора-историка

Для полноты конструируемой модели интеллектуального сообщества охарактеризуем *преподавательский стиль историков «русской школы».* К примеру, яркую оценку преподавательской деятельности Н. И. Кареева дал Р. Ю. Виппер в поздравительном письме (в связи с 25-летием деятельности Кареева в университете) из Одессы от 4 мая 1897 г. Виппер характеризовал Кареева как передового профессора: «Ваше слово, постоянно

призывающее к общим проблемам истории, намечающее общие связи в изучении исторического процесса и сближающее это изучение с запросами современной жизни, вносит глубоко благотворный, здоровый и бодрящий элемент, помогает учащейся молодежи приобрести и сохранить облик человеческий <…> эта деятельность Ваша должна продолжаться, соединяя всех, кто не хочет в науке видеть служанку Департамента и беззубую хранительницу редкостей, всех, кто с наукой связывает понятие об общем мировоззрении, морали и общественном долге» [75].

Как видно из цитаты, Виппер подчеркивал присутствие в педагогической деятельности Кареева таких фундаментальных дидактических принципов, как связь обучения с жизнью, научность, систематичность и последовательность обучения, развивающий и воспитывающий характер обучения, сознательность, активность и самостоятельность студентов при руководящей роли преподавателя. С другой стороны, Виппер отмечал глубокую гуманистическую направленность кареевского преподавания, входившую в конфликт с официальной политикой Департамента просвещения. Письмо Виппера дает четкое представление о внутреннем содержании лекций историка, их дидактических и воспитательных особенностях.

Наградой профессорам-историкам за высокий уровень преподавания были уважение и любовь студентов и слушателей. Вот как характеризовали Кареева ученики в 1914 г.: «Юношеская энергия, погруженная в архивы и выходящая с богатой жатвой материалов» [76]. И. В. Лучицкий удостоился от киевских студентов не менее лестной оценки в 1898 г.: «Сидя в аудитории профессора Лучицкого, мы уверены, что не услышим ни рутинной учености, ни бессодержательных фраз» [77].

В отношениях со студентами Лучицкий был открытым и отзывчивым преподавателем. На семинары, которые проходили по строго специальной теме, он предоставлял студентам копии документов. По словам Ю. Ф. Иванова, студенты постоянно пользовались книгами из библиотеки Лучицкого и его обширными выписками из архивов [78]. Для рефератов историк давал студентам темы, которые требовали самостоятельного выбора источников, при этом старался предоставить студенту свободу в

анализе и синтезе материала: «Стремился избежать даже случайного подсказа участнику семинария» [79].

Обратимся к взаимоотношениям М. М. Ковалевского со студентами. Рассказывая о преподавательской деятельности, он писал, что студенты «охотно посещали лекции, писали работы, участвовали в семинарах, оставаясь при кафедре для приготовления к профессорскому званию» [80]. Историк подчеркивал качества, ценимые студентами в преподавателе: труд, затрачиваемый профессором при исполнении обязанностей; умение обосновывать собственную точку зрения, простоту и товарищеское отношение. Ковалевский проводил четкую границу между студентами и слушателями: «Нельзя приравнивать студентов к слушателям – иначе теряется воспитательный эффект образовательной работы» [81].

По воспоминаниям современников, Ковалевский был внимателен к студентам, которые обращались к нему с научными проблемами или вопросами по лекционному курсу: он был настоящим наставником молодежи. Б. А. Щетинин писал, что Ковалевского ценили «как талантливого профессора», а также за «необыкновенную отзывчивость и доброту, которые он систематически проявлял по отношению к беднейшей части студентов» [82]. Ученый мог обстоятельно, в течение длительного времени, беседовать с подопечными. Ковалевский стремился помогать студентам не только словом, но и делом, конкретными материальными вещами: «снабжал книгами и руководствами». Однако на экзаменах Ковалевский был требовательным, настаивая на том, чтобы студенты давали осмысленные ответы, не ограничивались заучиванием конспекта, а «обнаруживали серьезное понимание предмета» [83].

По словам И. Ивановского, Ковалевский как лектор пользовался большим успехом и «собирал массы слушателей» [84]. Особенно профессор Ковалевский ценен был для студентов как научный руководитель: «По знанию источников и литературы предмета М.М. был незаменимым руководителем» [85]. На ученых диспутах он был критичен к «научной бездарности» и благожелателен к талантам [86].

Междисциплинарная направленность научно-педагогической деятельности Ковалевского сказалась на составе

его учеников, среди которых больше известных обществоведов и социологов, чем историков. Одними из знаменитых были П. Сорокин и К. Тахтарев, которые создали в 1916 г. Русское социологическое общество им. Ковалевского [87].

Н. И. Кареев также с первых лет стал приобретать учеников, в будущем крупных историков, в том числе: А. М. Ону, П. П. Митрофанова и В. А. Бутенко. Плодотворным для Кареева в деле воспитания будущих исследователей было время его второго профессорства в Петербургском университете (с 1906 г.). В эти годы он организовал практические занятия по теме экономических требований во французских наказах 1789 г. По словам Кареева, его семинарий проходил успешно: «Из него стали выходить молодые люди, специализировавшиеся в новейшей истории» [88]. Среди самых выдающихся Кареев отмечал Е. Н. Петрова, И. Л. Попова, В. В. Бирюкевича, С. В. Казанского и др. В 1912–1919 гг., когда Кареев переехал на новую квартиру, он стал вести занятия для талантливых учеников на дому [89].

Практика семинарских занятий со студентами или магистрантами на квартире у профессора не была исключительным явлением. Подобные формы проявления педагогического взаимодействия профессора с учениками были свойственны и В. О. Ключевскому, и П. Г. Виноградову [90], и В. И. Герье, о вечерних семинариях последнего Кареев упоминал в мемуарах [91]. О большинстве из учеников Кареев вспоминал с нескрываемой теплотой и восхищением: «Никогда на протяжении столь короткого времени у меня не было такого количества способных и обещающих учеников» [92].

И. В. Лучицкий семинары собирал раз в неделю – по вторникам. По воспоминаниям жены Лучицкого, участниками таких собраний, которых называли «*бродниками*», разбиралась Румянцевская рукопись, обсуждались современные политические вопросы» [93]. Первыми и ближайшими учениками И. В. Лучицкого из числа «бродников» стали Е. А. Кивлицкий, В. А. Мякотин, Н. В. Молчановский, Н. П. Василенко, В. К. Пискорский, Д. М. Петрушевский [94].

П. Г. Виноградову также был присущ дар «группировать около себя преданных учеников, формировать школу, сплоченную общими научными интересами» [95]. По имени руководи-

теля участников семинария Виноградова стали называть *«павликианами»*, которыми в разные годы были А. Н. Савин, Д. М. Петрушевский, М. Н. Покровский, П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер, Р. Ю. Виппер, Ю. В. Готье, А. К. Дживелегов и др. За время преподавания в Оксфорде Виноградов приобрел и английских учеников, будущих крупных ученых (А. Леветта, Д. Дугласа, Р. Леннарда) [96].

Отношения историков с университетской администрацией и чиновниками министерства народного просвещения: дихотомия бюрократ – ученый

Проанализируем *взаимное восприятие университетской администрации и историков.* М. М. Ковалевский высказывался резко: «Административные способности мы, точно сговорившись, признавали за людьми, или никогда не занимавшимися наукой, или переставшими ею заниматься» [97]. Судя по содержанию фразы, Ковалевский выражал не просто личное мнение, а солидарную точку зрения коллег. Согласиться с Ковалевским трудно. Яркий пример совмещения таланта ученого и администратора – С. М. Соловьев, занимавший пост ректора Московского университета. В то же время ученый отмечал, что большинство руководителей «проникнуто любовью к знанию, к свободе научной мысли и общественной деятельности» [98]. Итак, с одной стороны, существовала стереотипность восприятия университетской администрации как чиновников, а с другой стороны, было понимание стремления руководства к положительным сдвигам.

Информацию об администрации дают источники, связанные с *увольнением историков из университета в годы реакции (1880–1890 гг.).* Как известно, в 1899 г. Н. И. Кареев и его товарищ по факультету приват-доцент И. М. Гревс были уволены из Петербургского университета вследствие преподавания «в противоправительственном духе» [99]. Возвращению преподавателей не помогло личное ходатайство декана историко-филологического факультета П. В. Никитина «О желательности возвращения проф. Н. И. Карееву и приват-доценту И. М. Гревсу права преподавания в университете» от 16 сентября 1899 г. [100]. Подробная информация содержится в воспоминаниях Ка-

реева «Мое изгнание из профессоров Петербургского университета в 1899 г.» [101].

Согласно официальной версии изгнание Кареева было связано с бездействием историка в отношении бунтующих студентов: «Не приняты надлежащие меры строгости и внушения к студентам» [102]. Удаление Кареева из университета было связано с беспорядками 8 февраля 1899 г. [103], когда произошло избиение студентов казаками. При всем сочувствии к студенчеству Кареев к февральским событиям 1899 г. не имел отношения, так как находился на больничном («чувствовал нездоровым») [104]. Историк «остерегался говорить со студентами, дабы не будоражить их» [105].

Остановимся на характеристиках, которые давал Кареев тогдашним *«менеджерам от науки», университетским и министерским руководителям*. Среди виновников лишения профессуры осенью 1899 г. историк указывал на 2-х лиц: министра народного просвещения Н. П. Боголепова и товарища министра Н. А. Зверева. Кареев нарисовал яркий образ Боголепова, отмечая его педантизм и причастность к изгнанию из университета ряда профессоров [106]. Историк характеризовал Боголепова как типичного бюрократа, а «по политическому миросозерцанию человека большой сухости». В его «безжизненной, бездушной, деревянной» фигуре Кареев видел одно положительное качество – чувство долга. Его заместителя Зверева историк обрисовывал как «невзрачного и вертлявого» человека. Царившие в министерстве порядки Кареев характеризовал как иерархически-бюрократические. Историк, остроумно обыгрывая фамилии министра и его помощника, в поэтической форме резюмировал положение дел в Министерстве народного просвещения: «Вселились в Министерство. В довольно равной мере, Божественность и зверство В нелепом богозвере».

Кареев делал *парадоксальное наблюдение об администрации*: «Учебное начальство из профессорской среды было наиболее плохим». Историк приводил пример коллеги Н. Я. Сонина, который устранил Кареева с Высших женских курсов. Напротив, И. Д. Делянов характеризовался Кареевым как человек «доступный, простой, хоть и хитрый» [107].

Среди реальных причин изгнания из университета Кареев называл несколько: непочтительные слова, которые он произнес на ученом совете о министре, а также невольный конфликт с ректором Сергеевичем, вызванный публичной поддержкой со стороны Кареева предложения профессора В. И. Ламанского об отставке ректора, спровоцировавшего студенческие беспорядки. До этого конфликта Кареев находился с Сергеевичем в прекрасных отношениях: «Вместе работали в комитете Литературного фонда, участвовали в либеральные обедах Донона» [108].

Отметим, что во время увольнения Кареев вел себя с большим достоинством. Он твердо решил, несмотря на угрозу потери пенсии, не подавать самому прошения об отставке, так как против него не было выдвинуто определенных обвинений. Суд совести, к которому Кареев взывал в письме за февраль 1900 г. министра Боголепова, так и не состоялся. Изгнание Кареева продлилось 7 лет (1899–1906 гг.), которые были «тяжкими годами в академической жизни, когда профессора университета были между двух огней – со стороны властей и со стороны студентов» [109]. Кареев был лишен в 1901 г. возможности работать в Союзе взаимопомощи русских писателей, так как его выступления были «противоправительственными» [110].

В противоположность реакционности бюрократов из профессоров в учебном начальстве (Боголепова, Зверева, Владиславлева, Шварца) Кареев выделил положительные образы военных, занимавших посты в Министерстве просвещения: министра Ванновского; попечителя Александровского лицея Капустина, которые, несмотря на «неблагонадежность» Кареева, оставили историка в лицее [111].

Обратимся к обстоятельствам удаления М. М. Ковалевского из университета как проявлению коммуникативной культуры историка. Согласно приказу министра народного просвещения от 31 июня 1887 г. Ковалевский был уволен «с должности ординарного профессора» [112]. Его удаление с факультета было одним из серии увольнений либеральных профессоров, прокатившихся по Московскому университету в 1880 гг. Ранее (в 1884 г.) были уволены из университета ближайшие друзья Ковалевского: профессора С. А. Муромцев (приказ за июль 1884 г.) и Н. А. Стороженко (приказ за октябрь 1884 г.) [113]. Уволен Ко-

валевский был вследствие «отрицательного отношения к русскому государственному строю, которое вытекало из неуместного сравнения с английскими порядками» [114].

По воспоминаниям современников, в Министерстве народного просвещения к Ковалевскому относились подозрительно. Причиной тому был его предмет – западноевропейские конституции, в преподавании которого Ковалевский демонстрировал «свободное слово и критическое отношение к тогдашней правительственной политике» [115]. Все это делало историка в глазах министра И. Д. Делянова «опасным человеком». Надо сказать, что устранение Ковалевского прошло «в грубой и бесцеремонной форме и вызвало волнение среди студентов»» [116]. Вначале его предмет исключили из обязательных дисциплин, а затем начались доносы на «конституционные идеи», проповедовавшиеся им с кафедры.

Один из доносов на имя министра И. Д. Делянова гласил: «Мне сделалось положительно известно, что при сравнении государственного права России с государственным правом западноевропейских держав проф. Ковалевский относился к русскому государственному строю с величайшим порицанием» [117]. В результате доносов университет лишился талантливого профессора. Зато министр народного просвещения Делянов остался доволен. На увольнение Ковалевского он отозвался резолюцией: «Лучше иметь на кафедре преподавателя со средними способностями, чем особенно даровитого человека, который действует на умы молодежи растлевающим образом» [118].

В отличие от Кареева, которого в 1899 г. декан факультета П. В. Никитин поддержал в борьбе за профессорское место, Ковалевский, наоборот, был всячески гоним факультетским начальством в лице декана юридического факультета А. Н. Стоянова. Несколько месяцев спустя произошла случайная встреча Ковалевского со Стояновым в Харькове, обстоятельства которой имели комичный, с точки зрения Ковалевского, характер. Свидание со Стояновым было описано Ковалевским в письме к Миллеру [119]. Стоянов лицемерно «распинался» о том, что факультет чувствует его утрату. На что Ковалевский парировал: «Утраты, которой вы прямой виновник». Затем Ковалевский тонко намекнул на то, что теперь его предмет будет читать сам

Стоянов, чем вызвал смятение чувств последнего и спешное удаление из дома [120].

Ковалевский уехал за границу, потому что не мог читать свой предмет ни в одном высшем учебном заведении России. П. Д. Боборыкин вспоминал, что Ковалевский «не переставал быть легальным русским обывателем, который по доброй воле предпочел жить за границей в прекрасном климате и работать на полной свободе» [121]. Вторил ему А. Белый: «Кафедра прахом рассыпалась, а сам Ковалевский, вполне невредимый, сошел с нее каменным командором и уехал за границу – читать лекции в Англии, в Швеции, в самом Париже, наезжая в Москву из Европы, – стал европейцем» [122].

Оригинально изобразила обстоятельства эмиграции Ковалевского его однофамилица С. В. Ковалевская. М. М. Ковалевский был зафиксирован в завуалированном метафорическом образе Михаила Михайловича Званцева. Вот как описывался отъезд М. М. Званцева-Ковалевского после отставки: «К большому негодованию многих друзей, требовавших от него протеста и активного отпора, он купил себе виллу в окрестностях Ниццы и занялся писанием исторического сочинения «История регресса» [123]. Как видно из отрывка, Ковалевский не стремился сопротивляться административной системе, которая лишила его права преподавания в России. Возможно, Ковалевский понимал, что сопротивление будет малоэффективным.

Схожую позицию занимал П. Г. Виноградов, сообщая в письме к Герье о мотивах отъезда из России в Оксфорд: «Юридический факультет Оксфордского университета избрал меня на кафедру сравнительной истории права <…> пропадает разумная надежда на упорядочение положения в университете, которое сделало бы возможным вернуться в Москву» [124].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что важнейшим компонентом коммуникативной культуры научно-образовательного сообщества историков было *взаимодействие внутри исторического сообщества.* Главным коммуникативным центром историка был университет. Близкий контакт историков налаживался под влиянием участия в мероприятиях общего профессионального характера. Ярким явлением в коммуникации

историков были личные беседы ученых в неформальной дружеской обстановке.

Особую часть коммуникативной культуры историка составляли *взаимоотношения со студентами.* Активная деятельность по поднятию благосостояния студентов и ориентация на воспитание высокообразованных членов российского общества были главными чертами в отношениях профессоров-историков со студентами. В педагогической деятельности они не только стремились нести знания, но и вносили воспитательный компонент в преподавание. Их взаимодействие с учащейся молодежью не ограничивалось стенами университета. На студентов они смотрели как на младших членов университетской семьи, что проявилось в практике семинарских занятий со студентами на квартире у профессоров.

Взаимодействие историков с администрацией во многом носило типичный для либерального профессора характер: скрытое неприятие историками контрреформ в области просвещения и формальная лояльность, взаимодействие на грани внутреннего конфликта и внешнего компромисса. Изгнание некоторых историков «русской школы» из университета в эпоху реакции при всей несхожести обстоятельств демонстрирует пример конфликта либерального профессора-историка и административной системы.

Основным мотивом участия российских историков *в общественно-политической деятельности* на рубеже XIX–XX вв. было желание не только послужить знаниями науке, но и принести конкретную пользу стране, «отдать долг» простым людям**.** Н. И. Кареев и М. М. Ковалевский в Санкт-Петербурге, П. Г. Виноградов и М. С. Корелин в Москве, И. В. Лучицкий в Киеве были одними из деятельных организаторов комитетов по самообразованию. Значительную часть жизни историка занимала деятельность в научных обществах, сотрудничество в редакциях газет и журналов.

Активное включение либеральной профессуры в политику и приобщение историков «русской школы» к политической деятельности началось с общественной работы в области городского или земского самоуправления. Историков отличал общечеловеческий характер мотивации в занятии политическими де-

лами, активная гражданская позиция и стремление модернизировать Россию. Деятельность российского научно-образовательного сообщества на рубеже XIX–XX вв. никогда не ограничивалась только университетским преподаванием и кабинетной работой ученого. Как следствие, можно выделить несколько *каналов коммуникации историков*. Во-первых, университет, включавший «три мира»: коллег и соратников; учеников, студентов и слушателей; администрации. Во-вторых, журнально-газетная сфера – редакции периодических изданий. В-третьих, научные общества по различным отраслям знаний. В-четвертых, благотворительные фонды и организации. В-пятых, общественно-политический канал коммуникации.

Таким образом, «русская историческая школа» представляла собой своеобразную модель научно-образовательного и одновременно духовно-нравственного сообщества российской интеллектуальной элиты конца XIX – начала XX в. Историки «русской школы» выступили аксиологическими носителями идеологии *либеральных ценностей* в российском обществе на рубеже XIX – XX вв. Коммуникативная культура научно-образовательного сообщества историков может быть определена как совокупность различного рода ценностных отношений ученых-историков с коллегами, студентами и слушателями, руководством и представителями общественности в процессе официального и неформального взаимодействия на уровне университета и иных коммуникативных каналов.

Примечания

1. Мягков, Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы» [Текст]. – Казань, 2000.

2. Сидорова, Л.А. Поколение как смена субкультур историков [Текст] // Мир историка. XX в. – М., 2002; Дильтей, В. Описательная психология [Текст]. – СПб., 1996; Кон, И.С. Ребенок и общество [Текст]. – М., 1988. – С. 102.

3. Медушевский, А.Н. Рецензия на работу Т.Бона «Русская историческая наука с 1880 по 1905 г. Павел Милюков и Московская школа» [Текст] // Вопросы истории. – 2000. – № 1. – С. 167–168.

4. Бернал, Д. Наука в истории общества [Текст]. – М., 1956; Койре, А. Очерки истории философской мысли [Текст]. – М., 1985; Микулинский, С.О. Контроверза: интернализм-экстернализм – мнимая проблема [Текст]. – М., 1977.

5. Белов, В.А. Ценностное измерение науки [Текст]. – М., 2001. – С. 14.

6. Носков, Э.Г. Университет как институциональная форма бытия научного сообщества [Текст] : автореф. дис. … канд.ист. наук. – Ульяновск, 1999.

7. Вагнер, В.А. М. М. Ковалевский в вопросах просвещения [Текст] // М. М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. – Пг., 1917. – С. 99.

8. Там же. – С. 207.

9. Кареев, Н.И. Прожитое и пережитое [Текст]. – Л., 1990. – С. 142

10. Е.К. Черты из жизни Максима Максимовича по семейным и личным воспоминаниям [Текст] // Ковалевский М.М. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. – Пг., 1917. – С. 23.

11. ЦИАМ. – Ф. 2202. – Оп. 4. – Ед. хр. 3. – Л. 4.

12. РГАЛИ. – Ф. 1094. – Оп. 1. – Ед. хр. 14. – Л. 4–5.

13. Кизеветтер, А.А. Научная и общественная деятельность П.Г. Виноградова [Текст] // Голос минувшего на чужой стороне. – 1926. – № 2. – С. 71.

14. Лучицкая, М.В. Мемуары [Текст]. – М., 2003. – С. 148.

15. Кареев, Н.И. Прожитое и пережитое [Текст]. – Л., 1990. – С. 224.

16. Ковалевский, М.М. Моя жизнь [Текст]. – М., 2005. – С. 216–217.

17. Там же. – С. 217.

18. Кареев, Н.И. Кареев, Н.И. Прожитое и пережитое [Текст]. – Л., 1990. – С. 189.

19. Архив РАН СПб. – Ф. 980. – Оп. 1. – Д. 56.

20. Там же. – Д. 59.

21. РГИА СПб. – Ф. 1282. – Оп. 1. – Д. 701.

22. Архив РАН СПб. – Ф. 980. – Оп. 1. – Д. 54.

23. Погодин, С.Н., Малинов, А.В. П.Г. Виноградов – историк-медиевист и методолог, университетский профессор и общественный деятель [Текст] // Вопросы истории. – 2005. – № 12. – С. 148–149.

24. Кизеветтер, А.А. На рубеже двух столетий [Текст]. – М., 1996. – С. 207.

25. Погодин, С.Н., Малинов, А.В. П.Г. Виноградов – историк-медиевист и методолог, университетский профессор и общественный деятель [Текст] // Вопросы истории. – 2005. – № 12. – С. 149.

26. Лучицкая, М.В. Мемуары [Текст]. – М., 2003. – С. 84, 118.

27. Лучицкая, О.И. Воспоминания [Текст] // Мемуары. – М., 2003. – С. 143.

28. Тихомирова, О. М.С. Корелин (1855–1889) // Портреты историков. Т.3. – М., 2004. – С. 527.

29. Бодров, О.В. Профессор М.М. Ковалевский. У истоков изучения английской общественной и политической мысли в России [Текст]. – Казань, 2006. – С. 45.

30. ЦГИА СПб. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 9026. – Л. 1.

31. Кареев, Н.И. Прожитое и пережитое [Текст]. – Л., 1990. – С. 235, 225.

32. Лучицкая, М.В. Мемуары [Текст]. – М., 2003. – С. 125.

33. Погодин, С.Н., Малинов, А.В. П.Г. Виноградов – историк-медиевист и методолог, университетский профессор и общественный деятель [Текст] // Вопросы истории. – 2005. – № 12. – С. 149.

34. Кареев, Н.И. Прожитое и пережитое [Текст]. – Л., 1990. – С. 225.

35. Там же. – С. 225, 231.

36. Там же. – С. 226–230.

37. Золотарев, В.П. Историческая концепция Н.И. Кареева [Текст]. – Л., 1988. – С. 24–29.

38. Кареев, Н.И. Прожитое и пережитое [Текст]. – Л., 1990. – С. – С. 236.

39. К 25-летию профессорской деятельности Н.И. Кареева [Текст] // Русская школа. – 1897. – № 4. – С. 273.

40. Кареев, Н.И. Беседы о выработке миросозерцания [Текст]. – СПб., 1896.

41. Гогель, С. Одно из крупных дел М. М. Ковалевского [Текст] // М. М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. – Пг., 1917. – С. 116.

42. Виноградов, П.Г. Книга для чтения по истории средних веков [Текст]. Вып. 1. – М., 1896. – С. 4.

43. Кареев, Н.И. Выбор факультета и прохождение университетского курса [Текст]. – СПб., 1905.

44. Там же. – С. 6.

45. Виноградов, П.Г. Учебное дело в наших университетах [Текст] // Вестник Европы. – 1901. – № 10. – С. 551.

46. Ковалевский, М.М. Моя жизнь [Текст]. – М., 2005. – С. 55, 68.

47. Там же. – С. 87.

48. Там же. – С. 88–89.

49. Виноградов, П.Г. Учебное дело в наших университетах [Текст] // Вестник Европы. – 1901. – № 10. – С.570.

50. Там же.

51. Кареев, Н.И. Прожитое и пережитое [Текст]. – Л., 1990. – С. 182.

52. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 150. – Д. 386. – Л. 29–31.

53. ОР РГБ. – Ф. 119. – Оп. 9. – Д. 78.

54. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 150. – Д. 1576. – Л. 2.

55. ЦГИА СПб. – Ф. 14. – Оп. 27. – Д. 662. – Л. 37, 39, 126–127.

56. Там же. – Оп. 1. – Д. 102244; Оп. 3. – Д. 16119. – Л. 2.

57. Архив РАН СПб. – Ф. 980. – Оп. 1. – Д. 56.

58. ЦГИА СПб. – Ф. 284. – Оп. 1. – Д. 32. – Л. 1.

59. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 150. – Д. 555. – Л. 2-3.

60. Речь профессора Н.И. Кареева на открытии Лиги образования [Текст] // Биржевые ведомости. – 1906. – № 9208.

61. Ковалевский, М.М. О задачах школы общественных наук [Текст] // Вестник Воспитания. – 1903. – № 6. – С.15–17.

62. Гамбаров, Ю.С., Ковалевский, М.М. Русская высшая школа общественных наук в Париже [Текст]. – Ростов н/Д., 1903; Русская высшая школа общественных наук в Париже [Текст] : лекции профессоров РВШ в Париже. – СПб., 1905.

63. Гогель, С. Одно из крупных дел М.М. Ковалевского [Текст] // М.М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. – Пг., 1917. – С. 116–117.
64. Там же. – С. 194.
65. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 150. – Д. 957.
66. Там же. – Л. 93–94.
67. Там же. – Л. 171–174.
68. РГИА. – Ф. 1604. – Оп. 1. – Д. 179.
69. ЦИАМ. – Ф. 2202. – Оп. 4. – Ед. хр. 3. – Л. 4.
70. Лучицкая О.И. Воспоминания [Текст] // Мемуары. – М., 2003. – С. 143.
71. РГИА. – Ф. 1405. – Оп. 530. – Д. 1040.
72. Там же. – Ф. 733. – Оп. 151. – Д. 45. – Л. 84-85.
73. Там же. – Д. 243. – Л. 20-23, Л. 148–150.
74. Кареев, Н.И. Прожитое и пережитое [Текст]. – Л., 1990. – С. 204.
75. Архив РАН СПб. – Ф. 980. – Оп. 1. – Д. 76. – Л. 1.
76. Н.И. Карееву ученики и товарищи по научной работе [Текст]. – СПб., 1914. – С. 6.
77. Лучицкая, М.В. Мемуары [Текст]. – М., 2003. – С. 118–119.
78. Иванов, Ю.Ф. И.В. Лучицкий – выдающийся ученый, педагог и общественный деятель [Текст] // Вопросы истории. – 2000. – №2. – С. 151.
79. Тарле, Е.В. И.В. Лучицкий как университетский преподаватель [Текст]// Научный исторический журнал. – 1914. – Т.2. – № 4. – С. 8.
80. Ковалевский, М.М. Моя жизнь [Текст]. – М., 2005. – С. 234.
81. Там же. – С. 235.
82. Щетинин, Б.А. М.М.Ковалевский и Московский университет [Текст] // Исторический вестник. – 1916. – № 5. – С. 485.
83. Е.К. Черты из жизни Максима Максимовича по семейным и личным воспоминаниям [Текст] // М.М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. – Пг., 1917. – С. 20.

84. Ивановский, И. М. Ковалевский в Петроградском университете // М.М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. – Пг., 1917. – С. 110.

85. Там же. – С. 113.

86. Е.К. Черты из жизни Максима Максимовича по семейным и личным воспоминаниям [Текст] // М.М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. – Пг., 1917. – С. 20.

87. Бороноев, А.О. Предисловие [Текст] // Социология / М.М. Ковалевский. – СПб., 1997. – С. 12.

88. Кареев, Н.И. Выбор факультета и прохождение университетского курса [Текст]. – СПб., 1905. – С. 245.

89. Там же. – С. 259.

90. Шаханов, А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX в. [Текст]. – М., 2003. – С. 162, 157.

91. Кареев, Н.И. Прожитое и пережитое [Текст]. – Л., 1990. – С. 129, 133.

92. Там же. – С. 260.

93. Лучицкая, М.В. Мемуары [Текст]. – М., 2003. – С. 126.

94. Там же. – С. 156.

95. Кизеветтер, А.А. На рубеже двух столетий [Текст]. – М., 1996. – С. 70.

96. Погодин, С.Н., Малинов, А.В. П.Г. Виноградов – историк-медиевист и методолог, университетский профессор и общественный деятель [Текст] // Вопросы истории. – 2005. – № 12. – С. 154.

97. Ковалевский, М.М. Моя жизнь [Текст]. – М., 2005. – С. 232.

98. Там же. – С. 207.

99. ЦГИА. – Ф. 139. – Оп. 1. – Д. 8732. – Л. 1.

100. Там же. – Ф. 36. – Оп. 1. – Д. 61. – Л. 157–158.

101. РГИА. – Ф. 1093. – Оп. 1. – Д. 92.

102. Там же. – Л. 13.

103. Там же. – Л. 6-7.

104. Кареев, Н.И. Прожитое и пережитое [Текст]. – Л., 1990. – С. 203.

105. РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 92. Л. 10.

106. Там же. – Л. 1–2.
107. Там же. – Л. 5–6
108. Там же. – Л. 10.
109. Там же. – Л. 26.
110. Там же. – Ф. 1282. – Оп.1. – Д.701. – Л.1.
111. Кареев, Н.И. Прожитое и пережитое [Текст]. – Л., 1990. – С. 209.
112. РГИА. – Ф. 25. – Оп. 1. – Д. 2170. – Л. 14.
113. ЦИАМ. – Ф. 418. – Оп. 215. – Д. 225, Д. 254.
114. Ковалевский, М.М. Две жизни [Текст] // Вестник Европы. – 1909. – № 7. – С. 27.
115. Е.К. Черты из жизни Максима Максимовича по семейным и личным воспоминаниям [Текст] // М.М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. – Пг., 1917. – С. 27.
116. Там же. – С. 29.
117. Калоев, Б.А. М.М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа [Текст]. – М., 1979. – С. 24.
118. Сватиков, С. Опальная профессура 80-х годов [Текст] // Голос минувшего. – 1917. – № 2. – С. 42.
119. Письма М.М. Ковалевского к В.Ф. Миллеру [Текст] // М.М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа / Б.А. Калоев. – М., 1979. – С. 183–184.
120. Там же. – С. 184.
121. Боборыкин, П.Д. За полвека. Воспоминания [Текст]. – Т.2. – М., 1965. – С. 537.
122. Белый, А. На рубеже двух столетий [Текст]. – М.-Л., 1930. – С. 103.
123. Ковалевская, С.В. Воспоминания и письма [Текст]. – М., 1961. – С. 171.
124. Из писем П.Г. Виноградова: публикация К.А. Майковой [Текст] // Средние века. Сб. 22. – М., 1962. – С. 280.

Глава 8. Исторические аспекты отечественного образования в провинции

А. М. Ходырев

Отечественное образование, безусловно, играет важную культурно-историческую роль в развитии нашего государства и общества. Изучая современную систему образования, ее особенности, мы зачастую сталкиваемся лишь с характеристиками, присущими так называемому «столичному» образованию, имеющему особую систему ценностей, особые возможности, особую систему взаимоотношений между учителями и учащимися и т. п. В то же время очевидно, что большая часть общеобразовательных школ в России находится в совершенно иных (отличающихся от столичных) социокультурных условиях, которые и определяют облик сегодняшней российской школы.

Современное образование основывается на накопленном опыте работы предшествующих поколений, прежде всего, советском опыте. Конечно, сегодняшняя школа отличается от советской, однако многие традиции, педагогические системы, технологии базируются на опыте советской школы, кроме того, педагогический опыт сегодняшних учителей (в большинстве своем) – это опыт советский. Поэтому для характеристики исторических аспектов отечественного образования в провинции неслучайным является наше обращение к опыту советской общеобразовательной школы, накопившей большой багаж позитивного педагогического опыта, позволяющего вести конструктивный диалог настоящего с прошлым. Сделаем попытку исторического экскурса с тем, чтобы иметь основания для интерпретации современных тенденций развития отечественного образования в провинции.

Советский период, предшествующий современному периоду, характеризовался тем, что государственная идеология того времени изначально задавала некий эталон советской общеобразовательной школы, которому должна была соответствовать любая общеобразовательная школа, вне зависимости от места расположения, столичного или провинциального города или села. Это обстоятельство, вообще говоря, было одной из

особенностей советского общества. Микромир школы формировался по образу и подобию большого мира власти и общества. Сама школа соответствовала сложившейся в советское время социальной стратификации и в известной степени ее воспроизводила. Социальная дистанция между директором и остальными учителями была огромной. Речь идет не столько о зарплате, сколько о стиле руководства, воспроизводившего стиль заводского или районного начальства. В этом смысле директор школы стоял ближе к районному начальству (районо, райком), нежели к своим подопечным. Кандидатура директора школы и завуча назначалась соответствующим органом управления образования при обязательном согласовании с партийной инстанцией. Помимо директора и завуча, номенклатурное назначение и согласование действовало и в отношении школьного политрука – учителя истории. Сфера ответственности по ряду вопросов между директорским корпусом, райкомом, милицией и прокуратурой не была разграничена. К этим вопросам можно отнести просветительскую (идеологическую) работу со взрослым населением рабочего поселка, организацию выборов, учет избирателей и учащихся. Можно сказать, что на этом поле школьное начальство и могло выстраивать коммуникации с властями. Отсутствие четкого понимания, где заканчивается сфера компетенции партийных органов и начинается компетенция школы, во многом и обеспечивало условия функционирования школы как института власти [1].

Таким образом, фигура учителя принадлежала миру власти, кстати говоря, особо это проявлялось в провинциальных городах, не говоря уже про сельскую местность. Эта власть выражалась в обладании правом трансляции решений партии и правительства. Рядовые граждане могли видеть педагога не только на родительском собрании, но и на избирательном участке, на лекции о международном положении или о методах воспитания собственных детей. «Интеллигентная» одежда, владение политическим языком, работа в каменном трехчетырехэтажном здании, требуемое обращение по имени-отчеству в символике той эпохи не могли распознаваться иначе, как символы власти. Именно данное обстоятельство, а не заработная плата обеспечивало высокий социальный статус учителя.

Таким образом, советское педагогическое сообщество было достаточно четко вписано властью в ранговую систему советского общества. На уровне эталонных образов – педагог представлял собой уполномоченного властью интеллигента, ответственного за коммунистическое воспитание молодого поколения.

В советское время посредством литературы, художественных фильмов, статей в газетах и журналах был сформирован некий идеальный образ советского учителя. Главная функция советского учителя – это беззаветное служение народу, выражающееся в просвещении подрастающего поколения. Наиболее ярко данный образ представлен в художественном фильме «Сельская учительница» (1947 г.), в котором главная героиня, получив образование, едет работать в далекую сибирскую деревню, стойко преодолевает все тяготы жизни и демонстрирует лучшие черты советского учителя: преданность, самоотверженность, стойкость, принципиальность, строгость и т. п.

Безусловно, данный образ советского учителя трансформировался в течение всего советского периода, и связано это было со сменой исторической ситуации, политических режимов, социокультурных изменений. Однако можно утверждать, что так называемые «культурные разрывы», возникавшие в силу смены политического режима, улучшения материального благосостояния граждан, технический прогресс и т. д. в меньшей степени проявились в провинции, нежели столичных городах. Образ учителя в провинции более консервативен.

В то же время анализ советского педагогического опыта свидетельствует о том, что консервативный образ советского учителя не отвергал педагогическое новаторство. Провинциальные школы в советский период, как ни странно, часто выступали центрами педагогических инноваций.

В качестве примера можно привести педагогическое новаторство школ Ставропольского края. Наиболее известной и показательной в педагогическом опыте является деятельность новопавловских ученических бригад.

Новопавловск являлся типичным для того времени агрогородом, где находилось свыше двадцати больших и малых промышленных, строительных и транспортных предприятий,

организаций и учреждений культуры, две средние общеобразовательные школы, среднее профессионально-техническое училище.

В марте 1956 г. педагоги средней школы и специалисты колхоза организовали новопавловскую ученическую бригаду, которой 12 апреля 1961 г. было присвоено имя Ю. А. Гагарина. Непосредственное руководство бригадой школьников осуществлял учитель Г. И. Троицкий, общее – директор школы И. С. Феник. Производственный коллектив состоял тогда из 45 учащихся, которых курировали молодые специалисты колхоза. Осушив заболоченную пойму реки Куры, школьники выращивали кукурузу и овощи, получая высокие урожаи. По инициативе колхоза был построен культстан – столовая, кухня, лаборатория. Школьники под руководством учителей школы и специалистов колхоза заложили сады летних, осенних и зимних сортов яблонь и других плодовых культур, опытное поле, дендрарий. Позже колхоз выделил бригаде тракторы, сельскохозяйственные машины, инвентарь, закупил современное химическое лабораторное оборудование. Кроме того, были построены летний театр, пионерский лагерь, стадион.

Учащиеся школы изучали машины, применяемые в сельскохозяйственном производстве, учились управлять трактором, автомобилем, знакомились с устройством и принципами работы сложной зерноуборочной и кормоуборочной техники. Все это создавало широкие возможности для политехнической подготовки учащихся, их профессионального самоопределения.

Одной из важных сторон этой деятельности явилось, по нашему мнению, разностороннее сотрудничество общеобразовательной школы с различными учреждениями, производственными коллективами.

К ученическим бригадам были прикреплены наставники из числа работников колхоза. Специалисты сельского хозяйства, воспитатели-педагоги, наставники-механизаторы и инструкторы для бригады назначались решением правления колхоза из числа лучших работников. Все они проходили специальную подготовку, получали дополнительный инструктаж. В связи с тем, что деятельность производственных ученических бригад основывалась на тесном сотрудничестве и общении взрослых (работников колхоза) и детей, возникла проблема повышения общего куль-

турного и педагогического уровня населения Новопавловска. Для решения этой проблемы специально организовывались инструктажи, лекции, беседы, семинары по педагогическим проблемам (так называемое педагогическое просвещение); кроме того, был построен учебный комбинат. Совместными усилиями взрослых и детей был создан театр юного зрителя, картинная галерея, взрослые и дети участвовали в культурно-массовых мероприятиях. Таким образом, целенаправленное воспитание и образование охватывало все возрастные группы: от малышей детского сада до взрослых жителей. Организуя это, колхоз и общеобразовательная школа обеспечивали все более высокий уровень общекультурного и профессионального развития населения.

Данный опыт получил широкий резонанс в педагогической общественности, многие общеобразовательные школы страны перенимали его, организуя в своих школах ученические бригады по образцу школ Ставропольского края. Так было и в школах Ярославской области.

Основным содержанием работы ученических бригад сельских школ Ярославской области являлась опытническая работа в сельском хозяйстве. Опыты учащихся с растениями и животными производились в той или иной степени во всех сельских школах, в некоторых из них проводилась работа по агрохимическому обследованию почв. В таких средних школах, как Борисоглебская Ростовского района, Михайловская Ярославского района, Ильинская Угличского района, только в 1964 г. ученические бригады обследовали почвы на площади 200-300 га каждая. В некоторых школах члены ученических бригад, наряду с опытнической работой по растениеводству, проводили опыты с животными, преимущественно с домашней птицей. К числу таких школ относились Карабихская восьмилетняя Ярославского района, Борисоглебская, Некоузская и Некрасовская средние школы.

Кроме этого опыта, получившего широкую известность, можно назвать новаторство учителей липецких школ, школы Ф. Ф. Брюховецкого, а также, безусловно, и новаторство учителей Павлышской средней школы, возглавляемой В. А. Сухомлинским, Зоринской школы, Сахновской школы и т. д. Подобного рода примеры, описанные в научной литературе, свиде-

тельствуют о том, что провинциальная школа советского периода отличалась активностью и инициативностью учителей. Данное обстоятельство можно объяснить сложившейся в советский период «системой омоложения» педагогических кадров за счет распределения выпускников педагогических вузов, в том числе и в сельскую местность. Молодые специалисты были тем центром активности общеобразовательной школы, который обеспечивал ее развитие. В этом смысле провинциальная школа не была такой ущербной и обделенной педагогическими кадрами, что стало проявляться в провинциальной школе современного российского периода.

Интересно обратить внимание и на тех, в чьих сердцах советский учитель «сеял доброе, разумное, вечное». Если учитель в официально тиражируемой версии – это самоотверженный аскет, обладающий исключительными моральными качествами, то идеальный ученик, на которого обращены просветительско-созидательные усилия – это «маленький взрослый». Уже сейчас ученик должен вести себя как взрослый и вносить свой посильный вклад в строительство «светлого будущего». В определенной степени он должен быть создан по «образу и подобию» учителя. Ученик должен быть аскетичным, трудолюбивым, его оценка зависит не только от успеваемости, но и от общественной работы. В текстах и визуальных образах советского периода работа на пришкольном участке, дополнительная работа в кружках, занятия спортом и самодеятельностью, положительный моральный облик и хорошая учеба тесно связаны друг с другом, взаимно обусловливаются. Эталонный образ ученика – «успевает везде и во всем». Основным же методом формирования идеального ученика, по мнению педагогов, является труд. Задача создания стройной системы трудового воспитания – обеспечить единство и взаимосвязь таких элементов духовной жизни ребенка, как образование и развитие, активное участие в общественной жизни, удовлетворение индивидуальных интересов и запросов, свободный выбор профессии, раскрытие задатков и наклонностей, органическая потребность и привычка к труду, глубокое понимание своего долга перед обществом – так считал известный советский ученый-педагог И. А. Каиров.

Трудовое воспитание основывалось на следующих идеях: труд как ценность, творчество как ценность («Человек – творец своего счастья»). И. А. Каиров отмечал: «После XX съезда КПСС роль общественно полезной трудовой деятельности в жизни учащихся значительно возросла; педагоги, придавая большое значение трудовому воспитанию, стремятся организовать трудовую деятельность школьников таким образом, чтобы они видели полезность ее для общества» [2]. В школе 50–60-х гг. особое внимание уделялось не просто труду, а творческому, созидательному труду. Подчеркивалась важность раскрытия в нем творческих способностей каждого учащегося. В педагогической науке того времени указывалось, что «высокий уровень идейной жизни коллектива состоит в том, чтобы и в учении, и во внеклассной работе, и в производительном труде, и в художественной самодеятельности каждый член детского коллектива давал не меньше того, что он может дать, чтобы ни одна способность не оставалась неиспользованной, чтобы трудовая деятельность коллектива представляла собой своеобразное соревнование творческих способностей».

Таким образом, труд был благоприятным условием для улучшения воспитательной работы в школе, в результате которой в известной степени воспитывались такие качества, как трудолюбие, организованность, исполнительность и др.

Подводя итог небольшому историческому экскурсу, остановимся на следующих обобщениях, не имеющих целью доказать преимущество того или иного исторического периода. Во-первых, следует отметить, что в предшествующий современности исторический период провинциальное образование не имело существенного «культурного разрыва» в сравнении со столичным образованием (по крайней мере, формально). Это объясняется единообразным подходом к школе, учителю, учащимся, типизацией и унификацией советской школы. Во-вторых, провинциальное образование часто выступало источником различного рода педагогических инноваций. В-третьих, социальный статус образованного человека, а тем более учителя, в провинции был гораздо выше. В-четвертых, воспроизводство квалифицированных педагогических кадров в советский период в провинции имело положительную динамику. В-пятых, деятельность обще-

образовательных учреждений советского периода была более насыщенной и соответствовала социокультурным особенностям времени. В-шестых, учителям и учащимся в большей степени был присущ социальный оптимизм и психологический комфорт. В-седьмых, постсоветский период привел к размытости прежнего эталона учителя и учащегося и отсутствию нового образца, нового эталона.

Примечания

1. Чащухин, А.В. «Пример Маленкова подсказывает нам...»: политические практики в жизненном мире советского педагога 1950-х [Текст] // 1956: Незамеченный термидор. Очерки провинциального быта: монография. – Пермь, 2007. – 236 с.

2. Советская школа на современном этапе: некоторые итоги перестройки школы в период от XX до XXII съезда КПСС [Текст] / под ред. И.А. Каирова. – М. : Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1961. – С. 173.

Глава 9. Динамика подготовки научно-педагогических кадров в провинции (ярославская модель)

М. В. Новиков

В допетровской России подготовка *ученых людей* (специалистов с высшим образованием, с учеными степенями – говоря современным языком) осуществлялась либо в европейских университетах, либо дома наставниками-иностранцами. Возникшая в XVIII в. по инициативе Петра Великого отечественная система высшего профессионального образования, а вместе с ней и система подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации в виде Академии наук, Академического университета в Санкт-Петербурге и позднее Московского университета прошла длительный инкубационный период и стала собственно системой лишь в начале XIX в., когда указами Императора Александра I было открыто сразу несколько высших учебных заведений. В 1802–1803 гг. были открыты Дерптский (ныне Тартуский) и Виленский университеты, в 1804 г. появился Казан-

ский университет, в 1805 г. – Харьковский (как и Виленский создан на базе гимназии), в 1816 г. распахнул свои двери Варшавский университет, в 1819 г. на месте Главного педагогического института в столице Российской империи появился Петербургский университет [1].

Появление первого высшего учебного заведения в Ярославле также связано с именем Императора Александра I и некоторой либерализацией российского общества, характерной для первых лет его правления. В тот период правительство России приступило к открытию сети государственных университетов на необъятных просторах страны, руководствуясь несколькими соображениями, среди которых был и чисто географический фактор. Близость Ярославля к Москве, вхождение Ярославля в сферу влияния Московского университета лишали город надежды на открытие в нем собственного университета, и действительно, в имперский период истории нашей страны университет в Ярославле так и не был открыт.

Открытие в Ярославле высшего учебного заведения в форме Ярославского высших наук училища было компромиссом между ярославским дворянином статским советником Павлом Григорьевичем Демидовым, мечтавшим об открытии в Ярославле университета и готовым вложить собственные средства в его становление и развитие, и правительством России, придерживавшемся строго географического принципа создания университетов и соответственно университетских учебных округов, где университету отводилась роль своеобразного научно-методического центра для всей сферы образования округа. Следствием этого компромисса стало прошение П. Г. Демидова на имя Императора, в котором он писал: «Принимаю смелость просить Ваше Императорское Величество, дабы Высочайшим Указом Вашим повелено было назначенную в Ярославле гимназию возвысить в такое училище, которое бы имело одинаковую степень с университетом и все преимущества оного, заведя в нем класс наук университетских» [2].

Детище П. Г. Демидова – Демидовское высших наук училище (1803–1833 гг.) просуществовало 115 лет, пережив две реорганизации – Демидовский лицей (1833–1868 гг.) и Демидовский юридический лицей (1868–1918 гг.), а также неудачную

попытку преобразования лицея в университет в 1906 г. в условиях революции и ослабления центральной власти.

Параллельно с формированием системы университетского образования в России в XVIII–XIX вв. шел сложный и противоречивый процесс зарождения системы подготовки научно-педагогических кадров для самих университетов. Общеизвестно, что первыми преподавателями российских университетов были приглашенные профессора из европейских государств. Что касается отечественных специалистов, то они могли стать преподавателями университетов, как правило, после защиты диссертации в зарубежных университетах. И лишь с созданием сети российских университетов в начале XIX в. и ростом потребности в преподавателях в этот период начинает складываться отечественная система подготовки и аттестации научно-педагогических кадров.

В начале XIX в. в Ярославле не было, да и не могло быть, подготовленных специалистов, способных преподавать в высшем учебном заведении, поэтому практически все занятия со студентами Демидовского высших наук училища вели приглашенные зарубежные и московские профессора. С. П. Покровский, выпускник и профессор Демидовского юридического лицея, так описывает в своем фундаментальном труде начало организации учебного процесса: «Преподавание на первых порах затруднялось тем, что не все профессора владели хорошо русским языком. Профессора – Шмидт, преподававший философские науки, и Вильке – правоведение, читали свои лекции на немецком языке, в котором слушатели оказались не сильны, вследствие чего им пришлось читать на латинском языке. Что касается до лекций остальных профессоров, Срезневского – по словесности, Яниша – по естественной истории, физике, химии, и Шишацкого – по геометрии и тригонометрии, то из них два последние предпочитали также читать на латинском языке» [3].

Примечательно, что в XIX – начале XX в. в российских университетах была весьма распространена профессорско-преподавательская мобильность и периодические переходы из одного университета в другой, сопровождавшиеся и переездами семей. В этом плане ярославский вуз не был исключением,

поэтому здесь всегда работали достаточно квалифицированные профессорско-преподавательские кадры. К началу XX в. были достигнуты существенные успехи в подготовке специалистов и научных кадров, следствием чего стало открытие в Ярославле в 1908 г. учительского института, а в 1918 г. – государственного университета.

Как подчеркивал С. П. Покровский, в начале XX в. Демидовский юридический лицей продолжал «оставаться рассадником ученых сил для всех юридических факультетов российских университетов» [4]. За время существования юридического лицея более 30 его профессоров перешло в университеты, пятеро выпускников лицея стали профессорами, из них двое – деканами юридических факультетов: В. А. Удинцев – Петербургского университета, а В. А. Гаген – Варшавского университета [5]. В то же время С. П. Покровский с сожалением констатировал: «Количество профессоров из воспитанников лицея могло бы быть значительно больше, если бы лицею было предоставлено право производить самому испытания на ученую степень магистра» [6].

В подтверждение этой мысли С. П. Покровский сообщает, что в 1903–1914 гг. в лицее «были оставлены для приготовления к профессорскому званию шесть профессорских стипендиатов, в том числе и автор настоящего труда <…> Из всех оставленных при лицее за указанный срок приготовился к профессорскому званию только он один … Остальные все, пробыв непродолжительное время стипендиатами, прерывали свои занятия по приготовлению к профессуре и поступали на службу в различные учреждения или занялись адвокатурой» [7]. Объясняя причины, С. П. Покровский пишет: «Их неуспех в приготовлении не может быть отнесен только к ним, но и к тем неудобствам, какие должны были испытывать приготовляющиеся к профессорскому званию при Демидовском юридическом лицее от частого изменения его профессорского состава и от отсутствия у лицея права производить магистерские экзамены» [8].

Таким образом, 115-летняя история Демидовского училища-лицея так и не привела к созданию в Ярославле полноценной системы подготовки и аттестации научно-

педагогических кадров, хотя бы по юридическим наукам. Новый импульс этому процессу придало создание в 1918 г. на базе Демидовского юридического лицея Ярославского государственного университета, сопровождавшееся приездом в Ярославль многих известных ученых, имевших опыт в подготовке кадров высшей квалификации. После закрытия университета и воссоздания на его базе педагогического института (1924 г.) часть университетских профессоров и преподавателей перешла работать в пединститут, продолжив в его стенах работу по подготовке научно-педагогических кадров.

Кроме того, революция, гражданская война, подозрительное отношение власти и пролетарского общества к так называемым «буржуазным специалистам» вынуждали многих столичных ученых в первые десятилетия советской власти покидать Москву, Петроград и искать более спокойные места для работы и своего проживания. Многие предпочли Ярославль. В 1920–1930 гг. в Ярославском педагогическом институте вели занятия со студентами, проводили научные исследования, готовили научные кадры столичные знаменитости, которые являются гордостью отечественной науки: Николай Александрович Извольский – автор учебников для вузов по алгебре и геометрии; Валентин Николаевич Бочкарев – автор трудов по истории Российского государства; Афанасий Матвеевич Селищев – классик отечественного языкознания; Василий Владимирович Шулейкин – академик АН СССР, лауреат Государственной премии за монографию «Физика моря» и многие другие [9].

Именно им принадлежит заслуга в развертывании процесса подготовки научно-педагогических кадров на базе Ярославского педагогического института. В государственном архиве Ярославской области, к сожалению, пока не удалось найти документов о начале этого процесса, но в документе от 1929 г. об аспирантуре говорится как о чем-то давно существующем: «В работе по отбору кандидатов в аспирантуру за предыдущие годы имел место ряд существенных недостатков: слабо вовлекалась в эту работу вузовская общественность, партийные ячейки, профсоюзные организации, научно-студенческие кружки, секции научных работников; зачастую отборочные комиссии подходили к кандидатурам чисто формально. Все

вышеперечисленное приводило к тому, что ощущался недостаток внимания к кандидатурам с точки зрения их академической, научной ценности, идеологической сдержанности». Прием аспирантов осуществлялся в 1929 г. по следующим требованиям: «Должны преобладать рабочие и крестьяне; не должно быть места элементам как слабо подготовленным, не проявившим способности к научной работе, так и идеологически чуждым марксизму [10].

В 1930–1931 учебном году в аспирантуре Ярославского педагогического института обучалось 39 аспирантов, научное руководство осуществляли 14 профессоров, знавших в совершенстве 2–3 иностранных языка, беспартийных, средний возраст 44 года, среди них – Абрамов Алексей Иоакимович, Бочкарев Валентин Николаевич, Великовский Марк Маркович, Голанов Иван Григорьевич, Грезе Борис Салецилович, Запольская Любовь Николаевна, Знаменский Александр Васильевич, Извольский Николай Александрович, Полосин Иван Иванович, Слудский Николай Федорович, Шестаков Андрей Валентинович, Шулейкин Василий Владимирович, Шварц Лев Михайлович, Лапидус Иосиф Абрамович, а также 29 доцентов.

Второй массовый исход известных ученых в Ярославль связан с событиями Великой отечественной войны. Эвакуированные в Ярославль московские, ленинградские, харьковские профессора и доценты существенно улучшили качественные показатели преподавательского коллектива ЯГПИ. Так, если перед войной в вузе работали 5 профессоров и 26 доцентов, то в 1941–1942 гг. – 15 профессоров и 30 доцентов [11].

Бурное развитие промышленности в Ярославле в 30-е гг. и возникновение в связи с этим потребностей в квалифицированных специалистах, кровавые события Великой отечественной войны диктовали необходимость открытия в Ярославле политехнического и медицинского институтов, сельское хозяйство и творческая среда также нуждались в кадрах, что привело к открытию сельскохозяйственного и театрального институтов, в 1970 г. в Ярославле вторично был открыт Государственный университет. Так в городе окончательно оформилась система высшего государственного профессионального образования гражданского назначения [12].

1908	- Ярославский учительский институт (с 1918 г. – Ярославский педагогический институт, с 1946 г. – им. К.Д. Ушинского, с 1993 г. – Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского)
1944	- Ярославский технический институт резиновой промышленности (с 1953 г. – Ярославский технологический институт, с 1973 г. – Ярославский политехнический институт, с 1994 г. – Ярославский государственный технический университет)
1944	- Ярославский государственный медицинский институт (с 1994 г. – Ярославская государственная медицинская академия)
1958	- Филиал Всероссийского заочного финансово-экономического института (с 2012 г. – Заочный финансово-экономический институт Финансового университета при Правительстве Российской Федерации)
1970	- Ярославский государственный университет (с 1995 г. им. П.Г. Демидова)
1972	- Филиал Всесоюзного заочного института железнодорожного транспорта (Филиал Московского государственного университета путей сообщения в г. Ярославле)
1977	- Филиал Московской сельскохозяйственной академии имени Тимирязева (с 1990 г. – Ярославский государственный сельскохозяйственный институт, с 1995 г. – Ярославская государственная сельскохозяйственная академия)
1980	- Ярославский государственный театральный институт

Профессорско-преподавательский состав вновь возникавших высших учебных заведений формировался как из ярославских специалистов, подготовленных преимущественно в аспирантуре Ярославского педагогического института, так и из ученых, подготовленных в других вузах страны. Дальнейшая логика вузовской жизни неизбежно вела к возникновению и развитию в ярославских вузах собственных научных школ, одной из производной которых является наличие учеников, подготовка собственных научных кадров, появление собственной инфраструктуры для их подготовки и аттестации в виде аспирантуры, докторантуры, диссертационных советов.

История возникновения и развития научных школ во всех ярославских вузах, безусловно, одна из интереснейших страниц истории ярославской высшей школы. Что касается кон-

кретных результатов работы научных школ в плане подготовки научных кадров, то здесь имеются вполне определенные цифры, характеризующие место Ярославля в этом вопросе на исходе второго столетия существования высшего образования на Ярославской земле.

В 2000 г. Высшей аттестационной комиссией (ВАК) была пересмотрена Номенклатура специальностей научных работников и утверждена новая Номенклатура, включающая в себя 420 специальностей по 25 отраслям научного знания. Подготовка по всем 420 специальностям Номенклатуры ведется в Российской Федерации только в Москве и Санкт-Петербурге. Что касается Ярославля, то картина здесь следующая. По данным вузовских сайтов, в тот период в аспирантуре Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова было представлено 43 специальности, в аспирантуре Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского – 38, в аспирантуре Ярославской государственной медицинской академии – 26, в аспирантуре Ярославского государственного технического университета – 15, в аспирантуре Ярославской государственной сельскохозяйственной академии – 6, в аспирантуре Международной академии бизнеса и новых технологий – 6. Итого 134 специальности. Специальности в аспирантурах ярославских гражданских вузов преимущественно взаимодополняли друг друга, но было и определенное дублирование. Это касается следующих специальностей: отечественная история; всеобщая история; математический анализ; математическая логика, алгебра и теория чисел; теоретическая физика; органическая химия; физиология; экономическая теория; экономика и управление народным хозяйством; финансы, денежное обращение, кредит; бухгалтерский учет, статистика; онтология и теория познания; теория и методика профессионального образования; общая психология, психология личности, история психологии; психология труда, инженерная психология, эргономика; педагогическая психология; политические институты – всего 17. Некоторые специальности дублировались и 3, и 4 раза, например, экономическая теория, поэтому общее число дублируемых специальностей возрастает до 24. Вычитая из 134 специальностей аспирантур всех ярославских вузов дублируемые 24, мы получаем 110.

Это практически четвертая часть от утвержденной ВАКом Номенклатуры специальностей научных работников.

По докторантуре и диссертационным советам ситуация в 2000 г. была еще более скромная. ЯГПУ им. К.Д. Ушинского имел докторантуру по 9 специальностям, ЯрГУ им. П.Г. Демидова – по 8, ЯГТУ – по 2 специальностям. Итого 19, если исключить 2 дублирующие – 17 специальностей в докторантурах всех вузов города Ярославля. В 2000 г. в ЯГПУ им. К.Д. Ушинского функционировали 10 диссертационных советов по 22 специальностям, в ЯрГУ им. П.Г. Демидова – 9 диссертационных советов по 19 специальностям, в ЯГМА – 2 диссертационных совета по 4 специальностям. Всего 23 совета по 45 специальностям, если исключить дублирование, то число специальностей в советах равно 40.

Начало третьего столетия Ярославской высшей школы характеризуется противоречивыми тенденциями, отражающими состояние системы подготовки и аттестации научно-педагогических кадров в стране в целом. В 2000–2009 гг. продолжился рост количественных показателей, характерный для 90-х гг., однако начиная уже с 2010 г. вследствие проводимой Министерством образования и науки политики секвестирования наметилась тенденция сокращения контрольных цифр приема в аспирантуру и докторантуру, количества аспирантов и докторантов [13].

Численность и выпуск аспирантов (человек)

	Численность аспирантов на конец года			Выпуск аспирантов	
	всего	В том числе:		всего	из них с защитой диссертации
		с отрывом от производства	без отрыва от производства		
2000	858	604	254	173	61
2005	1180	764	416	202	100
2007	1282	813	469	292	120
2008	1229	789	440	276	76
2009	1248	814	434	304	111
2010	1155	759	396	311	77

Численность, прием и выпуск докторантов (человек)

	Принято в докторантуру	Фактический выпуск докторантов в отчетном году		Численность докторантов на конец года, всего
		всего	из них с защитой диссертации	
2005	17	17	9	49
2007	18	14	8	53
2008	19	18	6	50
2009	20	14	4	54
2010	20	16	3	56

Серьезной проблемой, по мнению Высшей аттестационной комиссии, в начале XXI столетия в России стало снижение научного уровня кандидатских и докторских диссертаций на фоне их количественного роста. ВАКом были приняты меры, например: введение ВАКовского перечня журналов, отвечающих соответствующим требованиям, в которых должны публиковаться основные результаты диссертационных исследований. Ужесточение требований к диссертационным исследованиям и процедуре их аттестации привели к уменьшению количества защищаемых диссертаций и, соответственно, к падению эффективности работы аспирантуры и докторантуры.

Так, если в 2005 г. в Ярославле из 202 выпускников-аспирантов защитились 100 (49 %), то в 2010 г. из 311 только 77 (24 %), что ниже критического минимума (25 %), установленного Министерством образования и науки. Еще сложнее ситуация с докторантурой и защитой докторских диссертаций. В 2005 г. в Ярославле из 17 выпускников-докторантов защитились 9 (52 %), в 2010 г. из 16 только 3 (18 %) [14]. Следующий 2011 г. стал еще одним подтверждением данной тенденции – общее количество аспирантов сократилось до 1040 [15]. Приводя средние по Ярославлю показатели, мы должны иметь в виду, что в каких-то вузах они были ниже, в каких-то выше, но все равно отражали общие, отмеченные нами тенденции. Так, в ЯГПУ им. К.Д. Ушинского выпуск аспирантов в 2005 г. составил 47 человек, в том числе 35 с защитой (74%) [16], в 2011 г. было выпущено 55 аспирантов, в том числе с защитой 19 (34%) [17].

Приведенная выше информация позволяет сделать следующие выводы. За 200 лет ярославская высшая школа проделала серьезный путь от Ярославского высших наук училища, в котором преимущественно работали приглашенные зарубежные и столичные профессора, до сети высших учебных заведений, способных вести не только подготовку специалистов с высшим образованием, но и подготовку научно-педагогических кадров высшей квалификации по 110 специальностям. За первые 115 лет своего существования ярославская высшая школа, будучи однопрофильной, получила право приготовления к профессорскому званию в области юриспруденции, однако так и не получила право присуждения ученого звания магистра. Следующее столетие характеризуется многопрофильным высшим образованием на базе нескольких вузов, зарождением и развитием собственных научных школ, созданием в ярославских вузах необходимой инфраструктуры в виде аспирантуры, докторантуры и диссертационных советов для подготовки и аттестации научно-педагогических кадров. Этот процесс носил нелинейный характер, его противоречивость была в значительной степени отражением непростой истории страны.

Примечания

1. Новиков, М.В., Перфилова, Т.Б. Создание системы университетского образования в России и Устав 1804 г. [Текст] // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. Т.1. – 2011. – № 1. – С. 15.

2. Очерки истории высшей школы Ярославского края [Текст]. – Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2003. – С. 11.

3. Покровский, С.П. Демидовский лицей в г. Ярославле в его прошлом и настоящем. – Ярославль, 1914. – С. 26.

4. Там же. – С. 210.

5. Там же. – С. 210–211.

6. Там же.

7. Там же. – С. 247.

8. Там же.

9. История ЯГПУ за 100 лет [Текст] / под ред. д-ра ист. наук, проф. М.В. Новикова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2008. – С. 61–68.

10. Государственный архив Ярославской области. Фонд 2257. Дело 243. 05. Л.2.

11. История ЯГПУ за 100 лет [Текст] / под ред. д-ра ист. наук, проф. М.В. Новикова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2008. – С. 135.

12. Новиков, М.В. Динамика образовательной среды города Ярославля [Текст] / Образы города в горизонте российской динамики / отв. ред. М.В. Новиков, Т.С. Злотникова. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. – С. 8–24.

13. Наука в Ярославской области (статистический сборник) [Текст]. – Ярославльстат, 2011. – С. 15.

14. Там же.

15. О работе аспирантуры и докторантуры в 2001 г. Экспресс-информация № 337 [Текст]. – Ярославльстат, 2011.

16. Отчет о работе в сфере послевузовского профессионального образования (аспирантура, докторантура, соискатели ученых степеней кандидата и доктора наук) за 2005 год. Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского.

17. Отчет о работе в сфере послевузовского профессионального образования (аспирантура, докторантура, соискатели ученых степеней кандидата и доктора наук) за 2011 год. Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского.

Часть 3. Молодой человек – субъект и объект построения модели культуры русской провинции

Глава 10. Эволюция социокультурной деятельности РПЦ в контексте глобализации

А. В. Ерёмин

После распада СССР Русская Православная Церковь (РПЦ) получила возможность восстановления своего статуса и позиций в обществе. Однако, помимо институционального развития, восстановления храмов и расширения своей деятельности, возникала необходимость оценки процессов, происходящих в России и в мире. Актуальной проблемой, с которой столкнулась Церковь, стала необходимость выработки своей позиции к процессу глобализации – главной парадигме современного мира.

На протяжении 90-х гг. XX в. патриарх Алексий II выступал с критикой всех безнравственных реалий современного мира, которые несет с собой глобализация. Еще в 2003 г. митрополит Кирилл (впоследствии патриарх Кирилл) обращал внимание на пагубные последствия глобализации для общества.

Критический анализ социальной действительности иерархами Церкви осуществлялся на протяжении всего последнего десятилетия XX столетия. Критически оценивали действительность как рядовые церковнослужители, так и высшие церковные иерархи. Эта особенность нашла свое выражение и в факте формирования социальной концепции РПЦ, и в ее содержании. Если проанализировать заявления церковных Соборов, Святейших Синодов, послания и речи патриарха, влиятельных церковных иерархов и других представителей Церкви, то можно составить отчетливое представление о бедах и проблемах, которые заботили РПЦ [1].

В начале второго десятилетия XXI в. российское общество переживает нелегкий период: не только материальная, но и нравственная сфера находятся в удручающем состоянии, что не может не волновать Церковь. Позиция РПЦ на протяжении постперестроечного времени изменялась в более радикальную сторону, то есть

критический взгляд Церкви на существующую жизнь постоянно усиливался.

В XXI в. критические оценки приняли форму предостережения от негативного влияния глобализации. Однако следует предположить, что антиглобализационный дискурс был не инициирован, а скорее «подхвачен» Московским Патриархатом и конкретно патриархом Кириллом. Истоки развития этого дискурса следует искать в среде рядовых священников и прихожан. С началом умеренной антиглобалистской риторики патриарха Кирилла дискурс антиглобализма получил официальную церковную поддержку.

Как известно, митрополит Кирилл был главным идеологом и разработчиком принятой Юбилейным Архиерейским Собором 2000 г. «Социальной концепции Русской Православной Церкви». В концепции не дается четкого определения глобализации, а также процессы глобализации не связываются с ситуацией в России, но все же там звучат некоторые предостережения: «признавая неизбежность и естественность процессов глобализации, во многом способствующих общению людей, распространению информации, эффективной производственно-предпринимательской деятельности, Церковь в то же время обращает внимание на внутреннюю противоречивость этих процессов и связанные с ними опасности <…> Церковь ставит вопрос о всестороннем контроле за транснациональными корпорациями и за процессами, происходящими в финансовом секторе экономики <…> Духовной и культурной экспансии, чреватой тотальной унификацией, необходимо противопоставить совместные усилия Церкви, государственных структур, гражданского общества и международных организаций ради утверждения в мире подлинно равноправного взаимообразного культурного и информационного обмена, соединенного с защитой самобытности наций и других человеческих сообществ <…> В целом вызов глобализации требует от современного общества достойного ответа, основанного на заботе о сохранении мирной и достойной жизни для всех людей в сочетании со стремлением к их духовному совершенству. Помимо сего, необходимо достичь такого мироустройства, которое строилось бы на началах справедливости и равенства людей перед Богом, исключало бы подавление

их воли национальными или глобальными центрами политического, экономического и информационного влияния» [2].

В 2003 г. в телепередаче «Слово пастыря», будучи еще в то время председателем ОВЦС, митрополит Кирилл отметил, что остановить глобализацию невозможно, а интеграция мира – дело естественное. Глобализация может иметь и положительные эффекты, но у нее есть очень негативные последствия. Будущий патриарх подчеркнул, что эти опасности могут возникать в политической, экономической и, самое главное, в культурной, информационной и правовой сферах. Политические последствия – это потеря суверенитета, прежде всего, слабыми и неразвитыми странами; экономические – сосредоточение власти в руках транснациональных корпораций, бюджет которых больше, чем бюджет многих государств. Эти финансовые центры определяют мировую экономическую политику, выгодную им. Определенные силы, владеющие финансовыми капиталами, могут контролировать и СМИ, что часто нарушает свободу слова, так как свобода становится мнимой, в условиях, когда СМИ работают «по заказу». Главная опасность в том, что уже сейчас есть проблема расхождения христианских и светских ценностей. По сути дела, под влиянием глобализации меняется аксиологическая составляющая социокультурного контекста религиозной жизни (вспомним, что в начале XX в. Н. А. Бердяев писал об «опрокидывании ценностей» как характерной особенности жизни вне России, но к началу XXI в. эта проблема приобрела актуальность и для России). В новой системе ценностей отсутствует понятие греха, только понятие человеческих прав и свобод. В центре новых светских ценностей греховный, падший человек, «растрачивающий свой потенциал во имя реализации похоти плоти <…> Если такие идеи станут господствующими в мире, то глобализация обернется духовным рабством и духовной гибелью людей. Церковь настаивает на том, чтобы не было господства одной идеологической системы. Мир может объединяться только на основе духовной свободы. Не может быть духовного диктата. И в этом смысле Церковь настаивает на необходимости многополярного мира. Не только в смысле полюсов политической власти, но и в смысле присутствия на нашей планете разных взглядов и убеждений, среди которых должны присутствовать хри-

стианские взгляды и убеждения. Потому что только тогда у человека остается надежда на спасение <…> Дай Бог, чтобы глобализация никогда не бросила вызов христианским ценностям, без которых не может жить человек!» [3]

Следовательно, можно признать, что проблема глобализации к настоящему времени осознана РПЦ как первостепенно значимая.

Патриарх Кирилл в ходе социокультурных акций, в заявлениях, выступлениях, интервью действует как мыслитель и культуртрегер эпохи глобализации, стремясь оказывать воздействие не только на паству в ходе богослужебной практики, но и на максимально широко понимаемый социум.

Выступая в Российском государственном университете имени Канта в Калининграде в 2009 г., патриарх Кирилл отметил, что в эпоху глобализации Россия должна научиться отвергать чуждые ей ценности и защищать свои: «только защищая ценности своей национальной культуры, российский народ “не потеряется на развилках и перипетиях глобализации, но станет носителем яркого и сильного национального самосознания и сможет критически относиться ко всему, что этому не соответствует”» [4].

Антиглобалистская направленность выступлений патриарха Кирилла все четче прослеживалась в его выступлениях с начала XXI в. Однако стоит отметить, что эта риторика была скорее взвешенной и сдержанной, чем радикальной и резко критической. В сложных условиях влияния глобализационных процессов на все сферы жизни общества, в условиях, когда глобализация стала реальностью жизни и главной парадигмой бытия, Церковь не могла вступить в открытый конфликт с действительностью. Такой конфликт был бы чреват конфликтом со всеми институтами государства, включая власть. Сама РПЦ тоже являлась частью социума, и ставить себя в асоциальные рамки было делом безнадежным. «Церковь не отделана от общества», – об этом заявляли все иерархи, включая самого патриарха. А если это так, то Церковь вынуждена не вступать в конфликт с существующей реальностью, а выработать новую программу своей социокультурной деятельности. Или, точнее сказать, предложить новый дискурс православного мировосприятия современ-

ного человека, в основе которого находится нравственность, духовность и традиции.

18 марта 2010 г. патриарх Кирилл посетил Ереванский государственный университет. Выступая перед студентами, он оценил современные секулярные ценности, по которым живет современный мир. Патриарх также проанализировал ключевые позиции современной системы ценностей и обратил внимание на те мировоззренческие конфликты и проблемы, которые несет глобализация.

Проблема глобализации, казалось бы, органично выводит рассуждения служителей Церкви на одну из важнейших аксиологических компонент социокультурной практики – свободу. Однако следует учитывать традиции понимания свободы в религиозном сознании.

Ключевая ценность современного мира – свобода, по мнению патриарха, понимается искаженно: «сегодняшнее понимание свободы имеет в своей основе идею человеческой автономии – утверждается, что человек автономен от других, от социума и от Бога, а потому он является критерием истины. Современная либеральная философия и рассматривает индивидуум как критерий истины: сам человек определяет, что хорошо, а что плохо. Ни общественные институты, ни Церковь не имеют никакого привилегированного права определять критерий нравственной истины – только сам человек. Возможно, это было бы правильно, если бы в нашу природу не вошел грех» [5].

Убеждение в том, что человеку не нужно мешать быть свободным привело современное общество к тому, что христианство стало восприниматься им как тирания над личностью. Возникла ситуация стирания границ между добром и злом: «Само проставление человека в центр бытия и передача ему права быть критерием нравственной истины имеет страшные для человечества последствия: происходит смешение святости и греха, добра и зла, правды и лжи. Появились даже такие термины – постмодернистское общество, философия постмодерна, которая вообще исключает понятие объективной истины, а вместо объективной истины предлагает идею плюрализма мнений: каждый имеет право на свою истину, и никто не имеет права никого судить. Нельзя сказать: “ты прав”, “ты виноват”, потому что каж-

дый может сказать: “я так считаю”. Исходя из либеральной философии и философии постмодерна, каждый человек признается носителем права быть критерием, в том числе для определения нравственной правды. Но если мы теряем различие между добром и злом, правдой и ложью, если мы воспитываем в идее человеческой автономии подрастающее поколение, то как же мы будем отличать добро от зла?» [6]

Свобода, по мнению патриарха Кирилла, – это, прежде всего, свобода от греха, а неполная автономия человека: «свобода, как говорит слово Божие, есть, в первую очередь, свобода от греха, свобода от зла. Если мы делаем выбор в пользу добра, тогда свобода реализуется в соответствии с Божиим замыслом. Тогда и созидается личность, тогда и созидаются добрые общественные отношения, тогда Бог присутствует в истории. К сожалению, эта евангельская концепция свободы сегодня оспаривается либеральным философским подходом. Я думаю, что абсолютное большинство людей, живущих сегодня на нашей планете, сохраняют способность отличать добро от зла. Но особенно важно, чтобы Церковь никогда и ни при каких обстоятельствах – ни под прямым давлением сильных мира сего, ни под изощренным философским влиянием, ни через стандартизацию мышления, которая происходит в системе образования, ни через влияние стандартов массмедиа и моды – не изменяла Божественному критерию и всегда сохраняла мужество и способность говорить людям, где добро, а где зло, и воспитывать людей в свободе, которая ведет человека к личному развитию и помогает ему обретать силу к тому, чтобы совершенствовать мир» [7].

Суждения патриарха Кирилла позволяют установить, что иерарх РПЦ непосредственно видит опасность глобализации в господстве культа потребления, стираются все традиции, которые являются главным носителем критериев добра и зла: «Сегодня вся массовая культура направлена на потребление <…> Ну а если, как я сказал, будет демонтировано духовное измерение, сняты все табу и человек будет взвинчивать планку потребления, что и происходит в некоторых странах? Это животная жизнь – она подавляет творческое и духовное начала. В результате из жизни уходят такие важные ценности, как подвиг, жертва, любовь к Отечеству, к ближним своим, способность пожерт-

вовать собой ради другого <…> Но самое важное, о чем нужно помнить – что с разрушением духовного начала, самой способности ориентировать свободу в сторону добра мы открываем простор для развития инстинктивного начала человеческой жизни и губим человека <…> Традиция – это механизм передачи ценности от одного поколения к другому. В традицию включаются не только ценностные измерения, но и культурные – мы говорим о культурной, национальной традициях, традициях в литературе, изобразительном искусстве, музыке. Но сердцевиной традиции является система ценностей. Каким образом формируется нравственный облик поколения? Предыдущее поколение передает следующему систему ценностей – через учебники, книги или непосредственно <…> Ценности, которые сформировали, в том числе и наши нации, передаются через традицию. Вот почему сегодня, в условиях глобализации, самая большая опасность – это разрушение традиции как механизма передачи ценностей от одного поколения к другому» [8].

Итак, с точки зрения РПЦ, последствия глобализации представляют угрозу современному обществу. В частности, патриарх обращает внимание на те аспекты, о которых говорили философы, социологи, историки в XX в. Задача церкви – оставаться хранителем традиций и нести в общество религиозные основы понимания свободы.

Официальная позиция РПЦ, которую высказывал патриарх и высшее духовенство, разделялась не всем духовенством. Анализ интерпретации глобализации в среде священников, не имеющих должности в Московской Патриархии, а также в среде православных публицистов, позволяет отметить наиболее радикальный уровень оценки глобализации.

С точки зрения православных авторов, понятие «глобализация» является нечетким и неясным. Она воспринимается скорее как глобальная ложь, за ней скрываются слуги Антихриста, целью которых является установление власти над миром. Такой позиции придерживается, например, публицист В. Филимонов [9], митрополит Агафангел («глобализация – выстроенная антихристианская система мирового зла») [10]. О том, что в России существует организованный террор в СМИ с целью разру-

шения русского самосознания и духовности, заявлял епископ Владивостокский и Приморский Вениамин. [11]

На VII пленуме Синодальной Богословской комиссии Русской Православной Церкви, состоявшемся в Московской Духовной Академии 19–20 февраля 2001 г., архимандрит Алипий (Кастальский-Бороздин) отмечал, что «глобализация – это антихристианская идеология создания "нового мирового порядка" с единым управляющим сверхнациональным центром. По замыслу его строителей, это планетарное государство, созданное на развалинах существующих государств, должно иметь единую религию, единую культуру, единое экономическое и политическое пространство <…> Глобализационные процессы осуществляются под руководством политико-финансовой элиты развитых стран. Существование уже сегодня такого надгосударственного центра подтверждается идеологами глобализации в нашей стране» [12].

По словам архимандрита Алипия, религия будущего – это синтез всех мировых религий (христианства, ислама, иудаизма, буддизма и индуизма). По его мнению, в массы уже несколько десятилетий назад выброшен тезис о постхристианском мире и о необходимости создания новой религиозной парадигмы «Нью Эйдж». Православные окажутся подозреваемым и преследуемым меньшинством. Он приводит, как пророческие, слова апостола Павла о том, что люди в последние времена будут вести безнравственную жизнь, отступив от христианства. Как проявления глобализации называются: массовая культура, пропаганда насилия, цинизма, разврата, культа удовольствий и денег. Формируются люди, которые без имени, без Родины, без культурной идентификации. Ссылаясь на слова директора Всемирной организации здравоохранения при ООН: «Чтобы прийти к созданию единого мирового правительства, необходимо освободить людей от их индивидуальности, от привязанности к семье, национального патриотизма и религии, которую они исповедуют». Делается вывод о том, что главная задача для глобалистов – разрушение основ человеческой цивилизации: религии, государственности, семьи, патриотизма. В качестве аргументов приводятся и высказывания сторонников глобализации, например, Жака Аттали (советника Франсуа Миттерана) о том, что насту-

пает третья эра в жизни человечества – «эра денег», эпоха, когда человека будут воспринимать как товар, а высшей формой жизни будет «кочевничество», при котором люди будут лишены чувства Родины, веры предков, жить интересами потребления и зрелищ: «Кочевники будут регулироваться через компьютерные сети в глобальном масштабе. Каждый кочевник будет иметь специальную магнитную карточку со всеми данными о нем и, прежде всего, о наличии у него денег. И горе тому, кто окажется лишенным денег и кто угрожает мировому порядку!» [13]

В качестве аргументации архимандрит Алипий приводит слова теоретика мондиализма С. Хантингтона о том, что Россия является «страной, предназначенной для разрыва», слова бывшего премьер-министра Великобритании Мейджора: «Задача России … – обеспечить ресурсами благополучные страны. Но для этого им нужно всего пятьдесят-шестьдесят миллионов человек» [14], слова Д. Бжезинского о главном враге – православии и др. Архимандрит Алипий делает вывод о том, что глобализация ведет к единому компьютерному концлагерю, где человек обезличен и беззащитен перед системой. В соответствии с этим выводом подбираются и факты: заявления высших государственных лиц о поддержке глобализации, присвоение ИНН, проект тотальной электронной регистрации граждан, получивший название «Государственный регистр населения Российской Федерации» (АС ГРН) с целью создания «многофункциональной интеллектуальной карты», способной контролировать жизнедеятельность человека по многим параметрам, в том числе касающимся его личной жизни. Как переход к компьютерному управлению – это единые карты учета персональной информации гражданина (например, карта москвича) за счет финансирования не только государством, но транснациональными корпорациями, например, ORACLE – одной из основных разработчиков систем базы данных для Пентагона и Шенгенской зоны. Помимо этих фактов, в выступлениях православных иерархов и авторов указываются следующие: инициативы государства по переходу на безналичные расчеты, идеи о сокращении денег и постепенный переход к практике введения чипов в тело человека в будущем по примеру некоторых зарубежных государств. В качестве вывода архимандрит Алипий отмечает: «Православный русский

народ осознает пагубность глобализации, первым шагом к которой является присвоение личных номеров, а затем и электронных документов с единым личным номером. Сегодня было бы необходимо Русской Православной Церкви возвысить свой голос в защиту верующих. Просить правительство РФ отказаться от глобализационных программ, как опасных для России, и от тоталитарных форм учета, ущемляющих свободу граждан и смущающих религиозные чувства верующих. Просить органы Государственной власти РФ по примеру Украины и Белоруссии предоставить населению России возможность не принимать по религиозным убеждениям личные номера и электронные документы, содержащие закодированные идентификаторы личности» [15]. Необходимо отметить, что эта позиция высказывалась в процессе работы официальной комиссии РПЦ и поддерживалась ей, что ставит подобные мнения и оценки в разряд официальных, пусть и не поддержанных открыто патриархом.

Для определения особенностей интерпретации глобализации в церковной среде также представляет интерес издание антиглобалисткого публициста В. Филимонова «Архипастыри, пастыри и монашествующие Русской Православной Церкви о глобализации и цифровом кодировании людей» [16]. Эта книга заслуживает внимания тем, что в ней собрана масса примеров мнений православных иерархов о глобализации. Книгу благословил патриарх Алексий II. Так, например, в издании опубликовано «Послание» Священного Синода Украинской Православной Церкви Московского Патриархата от 29 декабря 2003 г., в котором нумерация электронной идентификации с числом 666 оценивается как шаг на пути к антихристу. В этом видится подавление свободы, глобализации, признаки будущего сверхтоталитаризма. Схожие характеристики делаются и другими синодами РПЦ, монахами, иереями, архиереями, богословами, православными преподавателями [17].

Интерес представляет и издание культуртрегера современного православия Андрея Кураева «Сегодня ли дают печать Антихриста?» Он отмечает, что в самой Церкви были споры по поводу электронного кода, но все же победила точка зрения о том, что нужно выступать против «печати Антихриста». Он пишет: «Случилось, что для государства перестало быть сущест-

венным, какое имя вам дала мать. Для государства перестало иметь какое-либо значение и то, какое имя вы получили при крещении. По логике, государству нужно, чтобы имя тебе дала компьютерная машина <…> Техническое решение, согласно которому человек в электронной базе данных фигурирует как число, содержащее 12 цифр, которые при помощи трех линий разбиваются на три группы, причем каждая новая группа начинается с шестерки. Таким образом, цифры из области математики перешли в область проблемного поля религии» [18].

Анализ официальных заявлений духовенства РПЦ позволяет сказать, что крайне резкая негативная оценка последствий глобализации высказывалась и священниками высшего уровня – архиепископами и митрополитами.

Так, 4 февраля 2004 г. митрополит Одесский и Измаильский Агафангел на VII Всероссийском народном соборе отметил, что в России появилась проблема разрушения христианских и традиционных ценностей, что России и всему православному миру брошен вызов глобализма, который ведет к регрессу человечества и к Антихристу. Разоблачение лжи глобализации есть главная задача православия. О хаосе и почерке Антихриста говорит и архиепископ Брюссельский и Бельгийский Симин [19].

Таким образом, можно отметить, что в среде духовенства «на местах» преобладает наиболее резкий, негативный подход. Такое отношение к последствиям глобализации не могло не оказывать влияние на синодальные решения и на процесс принятия официальных церковных документов.

В официальном Послании Синода РПЦ от 7 апреля 2000 г. звучит протест против кодификации. «В последнее время российские власти при помощи некоторых организаций пытаются собрать сведения о гражданах. Данная информация предназначена для хранения в государственном компьютерном архиве. Подобный акт вызывает обеспокоенность верующих, которые опасаются абсолютного контроля над личной и общественной жизнью человека, также пугает полная свобода тех, кто отвечает за информацию, которая может содержаться на упомянутых карточках <…> В то же время, Священный Синод обращает внимание государства на то, что данные действия противоречат праву на личную жизнь, признаваемому как во всем мире,

так и Конституцией Российской Федерации, гарантирующей сохранность информации о частной жизни человека и запрет доступа к ней без личного согласия субъекта (статья 24)» [20].

Анализ материалов работы Архиерейских Соборов и синодальных решений позволяет сказать о том, что проблема глобализации воспринималась священнослужителями как одна из самых значимых. Проблему глобализации обсуждали и на Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 г. Общая мысль заявлений такова: Церковь должна противопоставить себя тем инициативам и той власти, которая способствует нарастанию новых гонений на церковь, более страшных, чем в эпоху атеизма. Компьютерный контроль за личностью, при которой компьютеры будут контролировать результат «полоскания мозгов» людям телевизорами не мыслим [21].

7 марта 2000 г. Синод принял решение о проведении диалога с властями по вопросу борьбы с глобализацией. Также было отмечено: убеждение в том, что отрицание всех последствий глобализации – личная обязанность христиан, является неправильным. Такая позиция может привести к расколу в церкви [22].

В Основах социальной концепции РПЦ, принятых Юбилейным Архиерейским собором 2000 г., была сформулирована официальная позиция РПЦ в отношении глобализации. Эта позиция отличается сдержанной, дипломатичной и компромиссной риторикой. Тезисы, сформулированные в концепции, позволяют Церкви оставаться в «нейтральной» позиции и оставляют возможность вести диалог с субъектами глобализации.

Таким образом, в начале XXI в. оценка РПЦ глобализации сформировалась. Позиция высшего церковного руководства менее радикальна: глобализация признается как данность современной эпохи, РПЦ может бороться только с негативными ее проявлениями. Однако радикальный дискурс оценки глобализации в церкви и православной среде все же преобладает: целью борьбы являются не последствия глобализации, а сама глобализация как парадигма, угрожающая христианству.

Находясь под влиянием радикального дискурса, патриархия в лице патриарха, насколько это возможно, предпринимает конкретные акции, свидетельствующие о ее несогласии с не-

которыми нововведениями в стране, происходящими в контексте мировой глобализации.

В 2009 г. патриарх Кирилл направил обращение к уполномоченному по правам человека В. П. Лукину «За альтернативу электронной системе учета граждан», в котором говорилось о том, что существует много обращений людей к священноначалию с жалобами на то, что нарушаются их конституционные права. «Некоторые люди в силу тех или иных причин отказываются от использования цифровых технологий, предполагающих присвоение человеку *идентификационного номера*, создание баз данных, одновременно содержащих информацию о самых разных сторонах жизни человека (или потенциальную возможность сбора и хранения такой информации), а также закрытость хранимой личной информации от самого человека. Упомянутые граждане подчас оказываются лишены возможности получать медицинскую помощь, пенсию по возрасту и другие выплаты, устроиться на работу, сдавать единый государственный экзамен, совершать нотариальные действия с имуществом, оплачивать коммунальные услуги, приобретать проездные документы и так далее. По сути, определенная часть нашего общества, которая включает пенсионеров, людей трудоспособного возраста и молодежь, оказывается выброшенной на обочину жизни. Большую часть этих людей составляют православные христиане, которые опасаются, что использование новых технологий может привести к тотальному *идеологическому и иному контролю над личностью.* Такое развитие событий может быть вероятным, так как технические возможности позволяют уже сегодня отслеживать личные контакты, перемещение, покупки, совершаемые с помощью карточек для расчетов. Собранные в результате тотального отслеживания данные о человеке могут накапливаться в одной базе. Учитывая несовершенство правовой базы и используемых технологий, их уязвимость для преступного воздействия, повсеместные утечки информации, что создает реальную угрозу не только жизни и безопасности отдельных граждан, но и государства в целом, – все преимущества данных технологий, включая удобство использования и экономичность, могут быть моментально перечеркнуты по простой неосторожности обслуживающего персонала. В связи с этим некоторые граждане хотели бы

пользоваться альтернативной системой сбора данных (без личных идентификационных номеров, а также устройств, которые позволили бы идентифицировать человека без его ведома в общественных местах, при совершении покупок и так далее). Негативную реакцию вызывают также документы, носящие определенные символы, целесообразность и предназначение которых вызывает сомнения. Русская Православная Церковь неоднократно официально высказывалась по данным вопросам. К сему прилагаю выдержки из ряда документов Архиерейских Соборов, Святейшего Патриарха Алексия II и Священного Синода, посвященных, в частности, затронутой тематике. Надеюсь, что позиция Русской Православной Церкви, выраженная в этих документах, найдет понимание и поддержку у представителей государственной власти Российской Федерации» [23].

Таким образом, очевидно, что руководство Церкви не ограничивается рассуждениями о пагубном влиянии глобализации, оно осуществляет конкретные шаги по смягчению, преодолению этого влияния.

Анализируя особенности эволюции социокультурной деятельности с целью более объективного понимания ее особенностей, наряду с анализом конкретных акций и мероприятий РПЦ, необходимо определить основные методологические принципы видения Церковью своей социокультурной миссии.

Осознание неизбежности глобализации и определение ее негативных последствий происходило на протяжении всего постсоветского периода истории Церкви. В 90-х гг. XX в. РПЦ гораздо громче заявляла о своей позиции, когда дело касалось конкретных политических решений. Сложная политическая и социальная ситуация в стране, нестабильное положение власти, государственные кризисы и экономические трудности способствовали тому, что Церковь стала главным социальным институтом, обеспечивающим стабильность в обществе. Поэтому Церковь фактически возглавила процесс разработки нового законодательства, которое появилось в 1997 г. (Закон о свободе совести и религиозных объединениях), добилась ряда правовых преимуществ, вернула себе статус приоритетной религии и способствовала формированию кооперационной модели взаимодействия с государством.

В XXI в. голос Церкви слышен не так громко. После заявлений патриарха Алексия II о том, что «состояние государственно-церковных отношений близко к идеальным», сложилась такая ситуация, что причин выступать так же громко, как и в конце XX в., не стало. Церковь заняла то место в государстве, которое соответствует ее представлениям в контексте модели «Византийской симфонии», заявленной в «Основах социальной концепции Церкви». Поэтому оснований выступать более радикально за отмену тех реалий, в которых живет и сама Церковь, не представляется возможным по принципу «не руби сук, на котором сидишь». Главный враг для Церкви в современных условиях не глобализация, а ее проявления – секуляризм. Задача Церкви бороться с проявлением секулярного мира, с его влиянием на конкретного человека. Как отметил митрополит Илларион, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата: «Церковь – это армия, которая борется за то, чтобы в мире царствовали абсолютные нравственные ценности и идеалы, а секулярное общество очень активно противостоит ей в этой борьбе. И силы, конечно, неравны. Представители секулярного мировоззрения в количественном отношении часто превосходят представителей религиозного. Причем борьба идет не за богословские истины. Наша миссия заключается не только в том, чтобы доказывать людям существование Бога, и уж тем более не в каких-то институциональных интересах. Эта борьба, прежде всего, за человеческую душу» [24].

В связи с анализом указанной проблемы важными представляются слова патриарха Кирилла, который отмечал: «Целью Русской Православной Церкви является не “инкультурация” христианства, а христианизация культуры <…> Культуру нельзя использовать тактически: культура сама должна стать носительницей Христова благовестия» [25]. То есть сама культура должна стать христианской. Возможно ли это в условиях глобализации, секулярного мира и всеобщего релятивизма? Возникают аналогии с католической Церковью, которая выбрала путь обновленчества и христианской инкультурации, понимаемой как процесс усвоения христианских ценностей и традиций. Осознавая невозможность противостояния секуляризму, вместо того, чтобы инициировать борьбу с новой глобализационной пара-

дигмой путем создания парадигмы неохристианской, было объявлено о необходимости христианской инкультурации в светской, секулярной культуре. Да и возможно ли было инициировать развитие «неохрестианской культуры» в условиях всеобщего обмирщения жизни? Каким образом поддерживать и распространять этот дискурс? Поэтому задача инкультурации для католической Церкви выглядела самым приемлемым вариантом.

С распадом СССР Россия активно включилась в процессы глобализации. Последняя по своей сути, прежде всего, обозначилась через курс на вестернизацию культуры и повседневности, который не мог удовлетворить ментальные потребности людей к осознанию цивилизационной идентичности. Осознание причастности к русской культуре и к «русскому миру» порождало стремление к поиску национальной идеи. Вновь стали актуальны и популярны философские споры о путях развития России, начался массовый «исход» в Церковь, в том числе и интеллигенции. Духовный вакуум создавал ощущение неопределенности, «потерянности». Несмотря на активную глобализацию сознания и жизни людей, существовало веками привитое чувство «других». В этих условиях возросла роль РПЦ, которая многими воспринималась как та идентифицирующая сила, которая может объединить людей. И РПЦ «почувствовала» этот запрос общества. Патриарх Кирилл справедливо сравнивает современную ситуацию в России и в мире с эпохой распада и гибели Римской империи. По его мнению, как и тогда христианство должно стать основой системы ценностей общества.

Действительно, мы можем сказать о том, что христианство стало основой западной цивилизации и, более того, системой ценностей, которая была в основе инициируемой различными империями христианской глобализации. Возможно ли повторение истории? Историко-культурный процесс России позволяет сказать, что православные христианские ценности, дополненные политическими идеями сакральной миссии государства, стали цивилизационной основой России, а РПЦ долгие годы была государственно образующей религией. В этой связи РПЦ видит свою историческую миссию в сохранении православной культуры как основы российской цивилизации. По словам Святейшего Патриарха, перед христианами стоят две задачи. «Они

должны хорошо знать современную культуру и современного человека... и должны стремиться преобразовать эту культуру на христианских началах, сделать ее культурой "охристовленной"» [26].

Итак, подведем итог. Главная особенность официальной позиции Церкви – признание неизбежности глобализации и попытка противостояния (борьба) с негативными ее проявлениями. Анализ высказываний церковных иерархов, официальных заявлений, принятых решений и конкретных действий представителей Церкви позволяет сказать, что средством борьбы с этими проявлениями РПЦ видит христианизацию культуры. В условиях духовного вакуума эпохи постмодерна необходимо, чтобы православная христианская парадигма стала основой мировосприятия людей, что позволит обеспечить России цивилизационную идентичность в глобализирующемся мире. Необходимо транслировать, распространять эту парадигму как на институциональном уровне, так и на личном.

Характеризуя становление позиции РПЦ в отношении процессов глобализации, а также эволюцию видения церковью направлений своей социокультурной деятельности, важно акцентировать внимание еще на одной тенденции, имеющей прямое отношение к последствиям глобализации.

В современном мире наблюдается кризис коллективной идентичности, основанной на идеологических факторах. О кризисе идентичности писали в разное время С. Хантингтон, Ф. Фукуяма, Э. Тоффлер, А. Панарин и др. [27], указывая на то, что происходит процесс стирания идентичности, источником которой были такие императивы, как страна, нация, государство.

Главным императивом цивилизационной идентичности С. Хантингтон считал религию, которая, по его мнению, является «ядром цивилизации» [28]. Действительно, в условиях поиска основ цивилизации внимание людей обращается к традиционной религии, которая воспринимается как возможно единственное и главное объединяющее начало. С этим связано повышенное внимание к Церкви, к ее жизни, и не важно, какое это внимание: негативное или позитивное. Срабатывают механизмы коллективного бессознательного, действующего на протяжении длительных периодов истории.

Религиозное мировосприятие, определявшее жизнь многих поколений людей, проявляет себя на первых порах в бессознательной форме, и эта тенденция определяет социокультурную деятельность Церкви, которая осознает свою важнейшую задачу – обеспечение коллективной идентичности.

Нужно отметить, что речь идет не только об осознании причастности к единому «православному миру», которое имеет тенденцию к переходу от бессознательного к сознательному, но и о религиозных архетипах, константах, которые реанимируются в конкретные жизненные практики.

Другими словами, Церковь, борясь за сохранение нравственных устоев, за традиции и русскую культуру, за сохранение архетипа сострадательного, коллективистского, мессианско-ориентированного человека, как раз и провоцирует тип поведения, который был присущ людям на протяжении всей истории независимо от сменяющихся идеологий. Тип поведения, который и позволил нашим предкам сформировать единое цивилизационное пространство.

А. Панарин, анализируя взаимосвязь православия и коллективной идентичности, пришел к выводу о том, что российская цивилизация является уникальной православной цивилизацией, имеющей свои специфические особенности, сохраняющиеся на протяжении всей русской истории. Российская цивилизация, такая разная и многоликая, по его мнению, существовала только потому, что ее ментальной основой был христианский архетип, который не сохранился в других цивилизациях. В своей работе «Православная цивилизация» он отмечает, что «драма нашей идентичности связана с тем, что она с самого начала носила не натуралистический характер, не довольствовалась наличностями этнического, географического и административно-державного толка, а являлась по преимуществу ценностно-нормативной, духовной» [29].

С развитием глобализации происходит процесс актуализации коллективной идентичности общества, что приводит к процессу поиска основ цивилизации и, более того, реанимации устойчивых моделей поведения. Происходит своего рода бессознательное «возрождение прошлого», так как цивилизация обращается к своим основам. Опять становятся актуальными

такие понятия, как «православный мир», «католический мир», «мусульманский мир» и др.

В какой-то степени ситуация напоминает исторический период до формирования наций и государств, когда коллективную идентичность определяла религия. В истории России мы легко можем найти свидетельства данного обстоятельства: до начала XVI в. – до момента завершения формирования единого российского государства и оформления идеи «Москва – третий Рим» – «русский мир» имел, прежде всего, религиозную идентичность. Это происходило по причине отсутствия идеологических императивов. Религия представляла собой не только осознаваемую систему ценностей, но и модели, архетипы, ментальные основы восприятия жизни людей, в большей степени бессознательные.

Кризис идентичности приводит, с одной стороны, к поиску новых или хорошо забытых (и тем самым не осознаваемых) цивилизационных основ, которые бы обеспечивали осознание общности. С другой стороны, многовекторный процесс актуализации новых идентификационных императивов приводит к повышению роли провинции, которая становится центром духовной и культурной жизни. То есть процесс поиска коллективной идентичности приводит к развитию глокализации, что само по себе может являться показателем ответа на глобализационные процессы. Таким образом, провинция становится негласным центром духовного возрождения цивилизации.

Переориентация внимания общества от центра к провинции затрагивает все сферы жизни. Это происходит часто на уровне бессознательного. То есть внимание людей с идеологических факторов переориентируется на реальную жизнь, повседневность. Начинается поиск символов, смыслов, значений. Происходит поиск императивов коллективной идентичности.

Роль провинции в развитии актуальных историко-культурных процессов анализировалась современными учеными достаточно подробно. Одно из самых значимых в постсоветской России фундаментальных исследований провинции как культурного универсума было проведено научным коллективом под руководством Т. С. Злотниковой. Результаты многолетней работы, проводившейся в рамках федеральных проектов, опубликованы

в многочисленных статях и монографиях. В них убедительно и всесторонне исследована роль провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах [30]. Сам факт внимания ученых к провинции в историко-культурном процессе свидетельствует о ее возрастающей роли в процессе поиска императивов идентичности, который затрагивает также религию и Церковь. Он выражается не только во внимании людей к региональной истории, культуре, к героям и особенностям местной жизни, но и определяет активность самой Церкви, внимание которой перемещается в регионы, так как социокультурные запросы общества актуализируются именно в провинции.

В рамках данной работы необходимо обратить внимание на процессы регионализации (глокализации) социокультурной деятельности Церкви, которые являются следствием процессов глобализации.

С середины 90-ых гг. XX в., наряду с федеральными Соглашениями, по всей России подписывались региональные Соглашения. В качестве примера региональных соглашений между Церковью и государственными органами могут служить: Договор о взаимодействии администрации Белгородской области Российской Федерации и Белгородской епархии Русской Православной Церкви в сфере образования от 15 сентября 2001 г., Договор о сотрудничестве Московской епархии Русской Православной Церкви и Министерства образования Московской области от 22 октября 2002 г., Соглашение о сотрудничестве между Московской епархией Русской Православной Церкви и Комитетом по делам молодежи Московской области от 15 апреля 2002 г., Соглашение о совместной научно-педагогической и культурно-просветительской деятельности между Министерством общего и профессионального образования Свердловской области и Управлением Екатеринбургской епархии Русской Православной Церкви от 10 января 2001 г., Соглашение о сотрудничестве между Московской епархией Русской Православной Церкви и Управлением исполнения наказаний Московской области от 28 ноября 2002 г., Соглашение о сотрудничестве между Екатеринбургской епархией Русской Православной Церкви и Управлением Государственной противопожарной службы ГУВД Свердловской области от 3 апреля 1998 г., Соглашение о

сотрудничестве между Екатеринбургской епархией Русской Православной Церкви и Среднеуральским УВД на транспорте МВД России от 11 февраля 2002 г., Соглашение о сотрудничестве между Ставропольской епархией и Министерством образования Ставропольского края от 16 мая 2002 г., Соглашение о сотрудничестве Администрации Кемеровской области и Кемеровской епархии от 20 февраля 1998 г. и т. д.

В Ярославской области также сложилась целая система действующих договоров и соглашений с ведущей конфессией области – Русской Православной Церковью. Соглашения о сотрудничестве РПЦ и власти в различных сферах жизни подписывались напрямую с Администрацией и руководством департаментов области, при посредничестве советника губернатора по религиозным вопросам.

В прошедшие десятилетия после распада СССР проводилась целенаправленная работа по взаимодействию областной Администрации и Ярославской Епархии по широкому кругу вопросов, связанных с православным образованием и просвещением. Приведем некоторые примеры.

Последствием соглашения от 22 мая 1995 г. стал рост количества воскресных школ (до 46), увеличилось количество православных гимназий, организована работа детских летних православных лагерей, созданы отделы православной литературы в ряде городских библиотек области; администрация оказывала финансовую поддержку в выпуске газеты «Ярославские епархиальные ведомости»; на базе института повышения квалификации работников просвещения проведена учеба учителей области по программе, разработанной Епархией и согласованной с департаментом образования; подписано Соглашение о сотрудничестве между Ярославской Епархией и УВД Ярославской области; организована духовно-просветительская деятельность священнослужителей Ярославской Епархии в учреждениях, исполняющих наказания. В ЯГПУ им. К.Д. Ушинского открыта кафедра теологии, выпускающая специалистов-теологов, работающих в сфере государственно-церковных отношений.

Существенный импульс активизации социокультурной деятельности РПЦ придало постановление губернатора области от 24 декабря 1998 г. «О подготовке и проведении 2000-летия

христианства». Согласно постановлению были разработаны мероприятия, включающие проведение православных и церковно-государственных праздников, концертов, музыкальных фестивалей, научных конференций; организация циклов передач на областном радио и телевидении, публикаций в периодической печати, издание книг и брошюр. В области регулярно устраивались научно-практические конференции, «круглые столы» и семинары. Так, 14–16 мая 1996 г. состоялась всероссийская конференция «Культура. Православие. Образование». С 1998 г. при содействии администрации устраивались всероссийские «Иеринарховские чтения», традиционными стали «Игнатьевские чтения». На них разбирались как богословские, так и насущные проблемы российского общества. Событием всероссийского масштаба стала научно-практическая конференция «Церковь и общество: пути взаимодействия в сфере образования, науки и культуры», состоявшаяся с 18 по 20 февраля 2003 г. в Ярославле. Конференция была организована Администрацией Ярославской области, Ярославским Епархиальным Управлением и Российской Академией образования. В центре внимания участников конференции находился вопрос о введении преподавания основ православной культуры в образовательных учреждениях Ярославской области. Конференция проходила под патронажем Управления Администрации Президента РФ, полномочного представителя Президента РФ в Центральном федеральном округе Г. С. Полтавченко.

Необходимо обратить внимание на еще один важный показатель процесса регионализации социокультурной деятельности РПЦ – противостояние сектам. Процесс глобализации спровоцировал тенденцию распространения различных религиозных групп и обществ во всем мире, в том числе и в России. Распространение новых религиозных движений, подчас деструктивных, большинство специалистов называют сектами. Данный термин принял законодательную окраску после рассмотрения ряда дел в судах Российской Федерации, в том числе в Верховном суде России. Активизация деятельности Церкви в борьбе с этими организациями началась именно в регионах.

Это произошло не только вследствие отсутствия федерального законодательства. Здесь можно увидеть и тенденцию к

осознанию Церковью своей роли в процессе трансформации российской цивилизации, так как деятельность новых религиозных организаций рассматривалась, прежде всего, как угроза цивилизации и коллективной идентичности. Поэтому мы находим массу проявлений процессов глокализации, связанных с данной тенденцией.

Законодательные инициативы, инициированные Церковью и поддержанные общественными организациями, возникли не менее чем в 15 областях и регионах.

Так, принятый Тульской областной думой 24 ноября 1994 г. Закон «О миссионерской (религиозной) деятельности на территории Тульской области» стал первым областным Законом. Вопреки федеральному законодательству, предусматривалось получение дополнительного разрешения местных властей на религиозную деятельность, предоставление дополнительных документов. Иностранные миссионеры должны были согласовывать программу своих мероприятий с органами аккредитации. Лица моложе 18 лет должны были иметь письменное согласие родителей на участие в проповеди [32].

В региональном законотворчестве, неправовом по своей природе, появляются жесткие термины для деструктивных организаций. В Рязанской области вслед за Законом «О регулировании миссионерской деятельности организаций на территории Рязанской области» принимается проект – «О регламентации религиозных организаций на территории Рязанской области», в котором содержалось понятие «тоталитарная организация», трактуемое как «религиозная организация … наносящая ущерб физическому, психическому и социальному здоровью» граждан [33].

В Ярославской области проблема распространения деструктивных религиозных объединений была затронута в соглашении между Администрацией Ярославской области и Ярославской Епархией РПЦ, заключенном в 1996 г. В нем не определялось жестких ограничений для «тоталитарных организаций», так как это было, прежде всего, соглашение о сотрудничестве в культурной области. Однако 10-й пункт соглашения ясно определил: «сотрудничать в изучении и разъяснении сущности различных тоталитарных сект, действующих на территории Яро-

славской области, разрушающих семейный уклад жизни, угрожающих целостности национального самосознания, наносящих вред духовно-нравственному и физическому здоровью людей» [34].

Приведенные примеры – лишь малая часть большого комплекса актов и событий социокультурной деятельности Церкви в регионах. Но и названные факты уже свидетельствуют об активизации социокультурной деятельности РПЦ в провинции. Эта тенденция является показателем перемещения духовной жизни в регионы, что свидетельствует в свою очередь о том, что Церковь реагирует на процесс поиска людьми коллективной идентичности в связи с постепенным размыванием объединяющих цивилизацию императивов.

Итак, подведем итог. Процесс глобализации, затронувший российское общество, определил векторы социокультурной деятельности РПЦ. Церковь была вынуждена сформулировать свою позицию к новой парадигме современного мира, были поставлены конкретные задачи – христианизация культуры и борьба с секуляризмом. Стратегической целью стало формирование коллективной идентичности на базе религиозных ценностей. Изменился и механизм деятельности РПЦ: смещение ее акцентов в регионы, трансформация от вертикальных принципов ее организации к горизонтальным, детерминируемым различными провинциальными особенностями.

Примечания

1. Обращение Патриарха Алексия II к законодателям [Текст] // Журнал Московской Патриархии. – 1995. – № 5. – С. 23; Заявления священников Синода РПЦ от 1 марта 1996 [Текст] // Журнал Московской Патриархии. – 1996. – № 4–6. – С. 6–13; Доклад Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Юбилейном Архиерейском соборе [Текст] // Журнал Московской Патриархии. – 2000. – № 9. – С. 16–54.

2. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Текст]. – М., 2000. – С. 60.

3. Митрополит Кирилл. Об отношении церкви к идеям глобализации. Телепередача «Слова пастыря». 2003 г. [Элек-

тронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.tv-soyuz.ru/aboutchannel/at1186?start=30.

4. Патриарх Кирилл. В эпоху глобализации Россия должна научиться отвергать чуждые ей ценности и защищать свои. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://jesuschrist.ru/news/2009/3/24/15669.

5. Патриарх Кирилл. «В условиях глобализации самая большая опасность – это разрушение традиции» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.pravmir.ru/svyatejshij-patriarx-kirill-v-usloviyax-globalizacii-samaya-bolshaya-opasnost-eto-razrushenie-tradicii/.

6. Там же.

7. Там же.

8. Там же.

9. Филимонов, В. Но избави нас от лукавого [Текст]. – СПб., 2004. – С. 20. Филимонов, В. Архипастыри, пастыри и монашествующие Русской Православной Церкви о глобализации и цифровом кодировании людей [Текст]. – СПб., 2004. – С. 25.

10. Душенов, К. Выбор судьбы. Проблемы современной России глазами русских архиереев [Текст]. – СПб., 1996. – С. 204.

11. Архимандрит Алипий (Кастальский-Бороздин). Глобализация как инструмент апостасии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.pravoslavie.ru/sobytia/sbk-inn/alipij.htm.

12. Там же.

13. Там же.

14. Там же.

15. Филимонов, В. Архипастыри, пастыри и монашествующие Русской Православной Церкви о глобализации и цифровом кодировании людей [Текст]. – СПб., 2004. – 176 с.

16. Там же.

17. Кураев, А. Сегодня ли дают печать антихриста? [Текст] // Русская Православная Церковь об ИНН. – Ростов н/Д., 2001. – С. 7–8.

18. Филимонов, В. Архипастыри, пастыри и монашествующие Русской Православной Церкви о глобализации и цифровом кодировании людей [Текст]. – СПб., 2004. – С. 23–24.

19. Там же. – С. 65–66.

20. Шпатаков, В. Годовникова, К. Церковь о нашем времени [Текст]. – М., 2000. – С.25–26.

21.Там же. – С. 27.

22.Там же. – С. 30–31.

23. Патриарх Кирилл. За альтернативу электронной системе учета граждан [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.sobor2008-narod.ru/153-pismo-patriarha-kirilla-k-upolnomochennomu-po-pravam-cheloveka.html

24. Интервью председателя Отдела внешних церковных связей митрополита Волоколамского Илариона «Российской газете» (федеральный выпуск № 5449 (73) от 7 апреля 2011 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.patriarchia.ru/db/text/1447541.html

25. Святейший Патриарх Кирилл отказался инкультурировать христианство [Электронный ресурс]. – Режим доступа : Lenta / http://www.bogoslov.ru/text/573415/index.html)

26. Там же.

27. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций [Текст]. – М., 2003.; Фукуяма, Ф. Великий разрыв [Текст]. – М., 2003; Тоффлер, Э. «Шок будущего» [Текст]. – М., 2002; Панарин, А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством) [Текст]. – М., 1994.

28. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций [Текст]. – М. : ООО “Издательство АСТ”, 2003.

29. Панарин, А.С. Православная цивилизация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://royallib.ru/book/panarin_a/ pravoslavnaya_tsivilizatsiya.html

30. Исторический город русской провинции как культурный универсум [Текст] : учебное пособие / научн.ред. Т.С. Злотникова, М.В. Новиков, Н.А. Дидковская, Т.И. Ерохина. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2010. – 536 с.; Киященко, Н.И., Злотникова, Т.С. Культурологическое и эстетическое образование в контексте взаимодействия глобального и локального [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – Т.1. – № 3. – С. 303–306.; Дидковская, Н.А. Идентичность: провинциальное и региональное измерение в поисках России [Текст] // Серия публикаций к дискуссии об идентичности. Т. 3. Восточная Россия –

Дальний Восток. (Auf der suche nach russland. eine reihe zur identitätsdebatte. Band 3. Russlands Osten — der Ferne Osten) – СПб., 2011. – С. 82–91; Ерохина, Т.И., Добрецова, С.А. Столичное и провинциальное художественное образование в русской культуре начала XX века [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 3. – С. 207–210; Дидковская, Н.А. Театр как субъект и среда воплощения культурных стратегий современной российской провинции [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 3. – С. 246–250; Скибинская, О.Н. Формирование доминант патриархального рода в культурном поле провинции [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 3. – С. 277–282; Злотникова, Т.С. Провинциальная культура как объект прикладной культурологи [Текст] // Культурология: Фундаментальные основания прикладных исследований. – М. : СМЫСЛ, 2010. – С.427–438.

32. Религия и право [Текст]. – 1997. – №1. – С. 4.

33. История религий в России [Текст] / под общ. ред. Н. А. Трофимчука. – М., 2001. – С. 527.

34. Соглашение между Администрацией Ярославской области и Ярославской Епархией Русской православной церкви [Текст] // Ярославские епархиальные ведомости. – 1996. – Май–июнь. – № 5–6. – С. 2.

Глава 11. Бинарность провинциальной среды в глобальном культурном горизонте

Е. А. Шахова

Ярославль – город с тысячелетней историей, город, который нацелен на блистательное будущее, но при этом ценит свое уникальное прошлое. Город Ярославль постоянно поддерживает и развивает дружественные связи с семью зарубежными городами-побратимами: Ювяскюля (Финляндия), Пуатье (Франция), Коимбра (Португалия), Кассель (ФРГ), Берлингтон (США), Эксетер (Великобритания), Ханау (ФРГ). Эти города «распределялись» для осуществления дружеских связей по никому не из-

вестной системе в советские времена, но в результате с городами-побратимами ярославцам повезло.

2007 г. стал значимой страницей в истории международных дружественных связей города Ярославля. Решением Парламентской Ассамблеи Совета Европы нашему городу присужден Почетный знак Совета Европы за заслуги в развитии российско-европейского сотрудничества. В наибольшей степени этой наградой Ярославль обязан активной деятельности в сфере побратимских связей. Предшествующие события имели следующий хронологический абрис.

В 2010 г. исполнилось 22 года со дня установления дружественных связей Ярославля с первым из городов-побратимов, немецким Касселем. Соответственно, Дом дружбы «Ярославль-Кассель» был первым в ряду подобных, открытых в нашем городе. По давнему замыслу первого заказчика здесь должно было располагаться владение обрусевшего немца, который хотел развивать в Ярославле свое строительное дело. В 1915 г. дом начал строиться, а в 1917–1918 был закончен. Но время было такое, что предполагавшийся хозяин не успел пожить в доме. Дом сразу стал городской собственностью и был заселен под самую крышу – этакая большая коммуналка. Все годы советской власти – до конца 1980 гг. – он просуществовал именно в таком варианте. Потом дом расселили из-за его аварийного состояния, и он продолжал разваливаться, только уже без жителей. И лишь в 1992 г. ему дали вторую жизнь, расположив там культурно-информационный центр.

Архитекторы, работавшие над его воссозданием, решили, что дом, символизирующий дружбу двух в общем-то обычных городов, не должен быть помпезным или роскошным. Неслучайно этот дом остался, как и был при своем рождении, деревянным [1]. Известно, что в Германии с особой нежностью относятся к деревянному зодчеству. Вот почему было столько проблем с его реконструкцией, ведь он был абсолютно руинирован. По поводу цвета дома во время предварительной дискуссии специалисты высказывали иногда странные в своей идеологической подоплеке предложения: к примеру, не покрасить ли дом в традиционные цвета немецкого флага (странно было бы видеть, к примеру, черный фрагмент декора)? Но бревна дома после рес-

таврации были выкрашены в цвет болотной зелени с переходами от коричневого к зеленому. Многим странным поначалу казался этот сочный цвет болотной зелени. Теперь в Ярославле привыкли к общему тону, а голубые ставни с белой резьбой придают дому своеобразную легкость и воздушность [2].

В 1988 г. был подписан также Договор об установлении партнерских связей с городом Берлингтоном. Комната (это и по сей день выглядит именно так) дружбы этих городов разместилась в Ярославском Джазовом центре. Этот дом, 1848 г. постройки, когда-то находился в частной собственности, в советские времена его превратили в обычный жилой дом. С 80-х гг. XX в. он стал тихо разрушаться. В Джазовом же центре, что называется, явочным порядком сформировалась не только комната дружбы, где теснятся фотографии музыкантов из разных городов и стран и фотографии самих этих стран и городов. После визитов в США, которые совершали ярославские джазмены, и обмена музыкальными «любезностями» здесь обосновалось своеобразное представительство американского Берлингтона – побратима Ярославля. Дружеские отношения ярославцев не ограничиваются связями только с одним американским городом, орбита взаимоотношений, прежде всего, в музыкальной сфере стала уже гораздо шире: это и Нью-Йорк, и Сиэтл, и Бостон, и Лос-Анджелес. Именно в Америку едут на стажировку молодые перспективные музыканты, и именно, к большому сожалению, туда уезжают навсегда талантливые, но не востребованные у себя на родине люди.

Дом дружбы «Ярославль – Эксетер» находится на одной из самых тихих улиц в центре города, улице Некрасова. Само здание – особняк XIX в., который принадлежал известнейшему ярославскому купцу Вахрамееву. «Мучной король», меценат, он сделал очень много для спасения памятников старины города и изучения истории и искусства Ярославля. В течение достаточно долгого времени Вахромеев возглавлял Ярославскую Государственную Думу.

Судьба этого дома в течение нескольких десятилетий не была сколько-нибудь приметной, разве что, как и многие особняки, он ветшал, утрачивал лицо и не радовал глаз прохожих.

Дом дружбы в своем нынешнем качестве открылся в мае 1997 г., в День города. Цвет, который дом приобрел после реконструкции – традиционный и благородный, исторически мотивированный; именно такой бирюзовый цвет имеет Зимний дворец в Петербурге. Интерьер здания и внутренний дворик с изящной беседкой были созданы британскими и Ярославскими архитекторами Колином Деем и Верой Аллилуевой.

Дом создавался в английских традициях, чтобы добиться особой атмосферы и идеального сочетания традиций старины и современного комфорта [3].

Французская страница в книге дружеских связей Ярославля – одна из самых давних и плотно исписанных. В 1970 г. был подписан Договор о побратимских отношениях с Пуатье. В период с 1999 по 2001 г. под чутким надзором мэрии города Пуатье, мэрии Ярославля и МУП «Старый Город» в исторической части города, в двух шагах от Которосльной набережной, Спасо-Преображенского монастыря, был полностью реконструирован и сегодня успешно работает Дом дружбы «Ярославль – Пуатье».

Первые упоминания о двухэтажном домике как о недвижимости были сделаны еще в восемнадцатом веке. Владельцем этого дома был купец Стрижников. Как и во всяком купеческом доме, здесь были службы, пристройки, но часть из них не уцелела. Потом, в советские времена, в нем, как водится, были коммуналки [4]. И в итоге этот дом пришел в такое же плачевное состояние, как и другие исторические здания, в которых по справедливому, хотя лишь интуитивно осознанному предпочтению в Ярославле стали располагать Дома дружбы. В будущем «французском доме» были огромные трещины на фасадах, выбитые окна, казалось бы, невосполнимые разрушения внутри … Приведение дома в порядок было связано со сложнейшими исследованиями влияния подземных вод на фундамент и укреплением фундамента, на котором теперь так благополучно и уверенно стоит домик. И кто бы сегодня подумал, что это ухоженное ныне строение восстанавливали из руин.

Дом дружбы «Ярославль – Пуатье» был открыт в 2001 г., разумеется, 14 июля (символичная для французов дата!). На открытии присутствовали мэр города В. Волончунас, ректор ЯГПУ

им. К. Д. Ушинского В. Афанасьев – Председатель ярославского отделения Общества «Друзья Франции». Само общество «СССР – Франция», существовавшее с 1968 г., вело в Ярославле активную работу, костяк его обычно составляла кафедра французского языка педагогического университета. С российской стороны предшественниками нынешнего председателя были Н. Голякова и Н. Воронин. С французской стороны раньше обществом руководил М. Тушар, затем его возглавил А. Корнуэй.

В этом доме ежегодно проводятся олимпиады, конкурсы на знание французского языка. Победители ряда конкурсов уже съездили в Пуатье. Постоянно проводятся занятия на курсах – годичных и более длительных. Курсы существуют не только, и даже не столько для школьников, сколько для студентов и уже работающих людей, в основном в возрасте до 40 лет.

Медиатека в доме дружбы предлагает посетителям широкий выбор литературы на французском языке от исторических книг и классики до современных авторов. Здесь можно также по абонементу взять домой аудиокассеты с музыкой, видеокассеты с фильмами от старого черно-белого кино до самых современных и модных фильмов, также в медиатеке есть компакт-диски с французскими хитами.

В доме проводятся мероприятия, посвященные традиционным французским и общим для европейцев праздникам: Рождество, День королей (6 января), день Святого Валентина или День музыки. Здесь также организуются тематические вечера, выставки и проводятся семинары.

Разумеется, все, что связано с Францией и происходит в Ярославле, так или иначе «выходит» на дом «Ярославль–Пуатье». Так, осенью 2003 г. в этом доме прошли финальные дни большого международного симпозиума ученых, изучающих ар-брют, творчество маргиналов и душевнобольных (организация эта называется СИПЭ, и ее возглавляют с французской стороны доктор Ги Ру, с российской, а точнее, ярославской – преподаватель ЯГМА В. Гаврилов, принимали же участие в этой акции ведущие ученые МГУ, ярославских вузов – крупнейшие специалисты по психологии творчества). Казалось бы, невелика территория Дома, но места было достаточно и для проведения научной дискуссии с использованием различных технических

приспособлений, и для неформального общения на диванчике в миниатюрном холле, пока разворачивались приготовления к очередным докладам.

Особенность Дома дружбы – (простите за каламбур) наличие у него истинных друзей. Это волонтеры, студенты, которые помогают в проведении научных и культурных акций. Это целые коллективы – и не только кафедра французского языка ЯГПУ им. К.Д. Ушинского или школа № 42 г. Ярославля с углубленным изучением французского языка. Это еще и школа искусств имени Л. В. Собинова, которая через контакты в Доме дружбы подружилась с консерваторией в Пуатье.

Второй этаж дома – это, прежде всего, конференц-зал, в котором по периметру стоят витрины, рассказывающие о культуре и быте Франции и Пуатье, а также несколько небольших аудиторий, где обычно ведутся занятия на курсах.

Город Пуатье очень помог на стадии становления нашему дому, снабжая его книгами, кассетами и, что немаловажно, техникой, которая была необходима на презентациях или семинарах. Сюда постоянно приезжают стажеры французского посольства в Москве, занимаются с ярославцами языком, налаживают деловые контакты.

У «домовладельцев» постоянно рождаются новые планы и идеи. Здесь готовятся к календарным праздникам и ждут тех, кто просто так часов в 7 вечера (а дом работает с 10 утра до 8 вечера, кроме воскресенья и понедельника) забежит за книгой, кассетой, за советом или информацией...

Они даже смотрят в одну сторону – медведь на ярославском гербе и лев на гербе Пуатье. Два древних города... под знаком сильных животных... под взаимным покровительством уважающих друг друга наций...

Примечания

1. Лотман, Ю. Архитектура в контексте культуры [Текст] // Семиосфера. – СПб. : «Республика», 2001.

2. Жельвис, В.И. Прогулки по Ярославлю [Текст]. – Ярославль : Верхне-Волжское издательство, 2001.

3. Стовичек, М.В. Изменение архитектурной среды Ярославля на рубеже XIX–XX веков [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 1998. – № 3. – С. 139–142.

4. Маров, В.Ф. Ярославль: Архитектура и градостроительство [Текст]. – Ярославль : Верхне-Волжское издательство, 2000.

Глава 12. Палимпсест города: глобальное и локальное

Т. А. Сиротина

Термин «палимпсест», изначально применяемый к рукописи на пергаменте поверх смытого или соскобленного текста, сегодня используется в аналогичном контексте в различных дисциплинах: живописи, музыке и даже медицине. В архитектурном языке он может применяться как к городской среде, так и к отдельным ее элементам – историческим зданиям, и даже к самому восприятию среды – представлению о городе, «мифологии места».

Здание как палимпсест

В течение своей долгой жизни многие здания меняются: перекраиваются, расширяются, меняют декор фасадов. Это и перестройки римских базилик в период Возрождения, и готические храмы на основе романских. И даже перестройка памятников эпохи модерна в советский период – полное избавление от декора фасадов, упрощение, превращение в «коробки».

Архитектор Филипп Робер в своей статье «Архитектура как палимпсест» рассматривает его как творческий метод работы, объединяющий все средства реконструкции, и характеризует его как раскрытие архитектурно-художественного потенциала здания, послойный срез его истории с вычленением самого ценного и интересного. Реконструкцию здания он представляет как результат диалога новой и старой архитектуры. Стремление показать самое лучшее, самое яркое из истории сооружения, всю его красоту, сформированную разными столетиями, людьми, разными социальными, культурными и эстетическими факторами.

«Места, которые мы помним, и места, которые мы ожидаем увидеть, сопрягаются в реальном времени. Память и ожидание фактически составляют подлинную перспективу пространства, сообщая ему глубину». Эти слова голландского архитектора Альдо Ван Эйка точно описывают отношения между временем и пространством в переработанной архитектуре.

«Архитектор, который модифицирует чертеж фасада на нескольких наложенных друг на друга листах кальки, создает палимпсест. В этом смысле фасад здания, на котором присутствуют декоративные или конструктивные элементы, приобретенные им на протяжении нескольких столетий, также является своего рода палимпсестом» [1]. Палимпсест в реконструкции существующих архитектурных объектов может проявиться как в художественном оформлении фасадов, использовании старинных элементов конструкций и декора интерьеров, так и в смене функции самих памятников культуры, общественных и промышленных зданий. Наиболее интересные современные музейные, выставочные и даже жилые пространства создаются этим методом.

Постмодернистская архитектура с ее цитатами фрагментов архитектурной классики предлагает совершенно иное здание-палимпсест, созданное единовременно, но при этом обладающее чертами различных стилей.

Гиперпалимпсест города

Город имеет множество авторов, и, даже обладая первичной композиционной схемой, он развивает ее в своем последующем формировании. Образ города постоянно меняется, подвергаясь на каждом этапе своего развития влиянию социального и культурного видения и технического уровня развития эпохи.

Одним из признаков среды города является неоднородность, которая «балансирует на грани хаоса, не переходя, однако, эту грань» [2].

Многослойная структура города есть своеобразный сплав следов, фрагментов и элементов цивилизационно-материальных культурных пластов, перемешанных и наложенных друг на друга и обладающих вариативной иерархией. Палимпсест является целостной совокупностью пластов, он объединяет и показывает,

как сосуществуют множественные элементы. Город приобретает свойства естественно сложившейся системы в сплаве этих сложных исторических наслоений. В системе пространственно-временных срезов города нет «главенствующих среди равных», все они равны по значению. Все они только вместе, а не по отдельности становятся городом.

К среде исторического города, по-нашему мнению, наиболее уместно применять термин «гиперпалимпсест», введенный лингвистом А. А. Зализняком при изучении Новгородского кодекса – особый случай палимпсеста, в котором десятки или сотни текстов наложились друг на друга. Древний город состоит из множества пластов: каждый архитектурный стиль, каждый век со времен основания города повлиял на его облик.

Города – это живые организмы, постоянно меняющиеся с течением времени и обретающие в своей структуре новые слои. Диалог старого и нового, разновременность и функциональная неоднородность среды – его главное эстетическое богатство. «Диалогические отношения никогда не являются пассивным соположением, а всегда представляют собой конкуренцию языков, игру и конфликт с не до конца предсказуемым результатом» [3].

Палимпсест в восприятии городской среды

Город – это не только результат творчества множества авторов, но и объект восприятия миллионов людей. Каждый наблюдатель, исходя из своего опыта, характера и нужд, выделяет, структурирует и наделяет значением то, что он видит, создавая, таким образом, свой образ города. Восприятие города складывается из ряда наслаивающихся друг на друга мысленных представлений о нем, каждое из которых строго индивидуально, но у всех организуется вокруг общих точек отсчета. Палимпсест восприятия городской среды предстает как система ее пространственных смыслов и значений.

Наиболее интересной городской средой является та, в которой гармонично сосуществует старое и новое. Но в эстетическом восприятии среды древнего города современным обществом наибольшую значимость имеют исторические пласты, а современные наслоения и их взаимодействие зачастую не принимаются.

И. И. Митин отмечает систему представлений о месте как совокупность мифов, складывающихся в сложную не единую структуру – палимпсест. «Палимпсест суть совокупность автономных пластов, каждый из которых под определенным углом зрения может оказаться главенствующим. Каждый из пластов этой системы – это какое-то пространственное представление или миф; один из множественных контекстов места, одна из его реальностей» [4].

Как уже отмечалось, эстетическое восприятие города многообразно по характеру. Почти никогда за короткий срок невозможно раскрыть все его пространственные смыслы. «Бывают города, которые словно “не даются” в руки, скрывают глубинные смысловые связи локальной идентичности и своих образов, “подменяют” их очевидными и лежащими на поверхности “внешними” образами, раскрывающими, например, только визуальные доминанты города или служащие только специально созданными туристскими брендами» [5].

Города никогда не смогут быть завершены, они находятся в непрерывном процессе развития. В уже существующие здания всегда будут вноситься изменения – как временем, так и рукой человека. Рядом со старыми постройками будут возникать новые, несущие образ уже иной эпохи. Восприятие человеком среды будет меняться с течением времени, ведь каждое место будет обрастать новыми мифами.

Примечания

1. Филипп, Робер. Архитектура как палимпсест [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.archnadzor.ru/?p=741.

2. Глазычев, В.Л. Поэтика городской среды [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.glazychev.ru/habitations &cities/1986_poetika.htm, свободный.

3. Лотман, Ю.М. Семиосфера [Текст]. – СПб. : Искусство–СПБ, 2000. – 704 с.

4. Митин, И.И. Мифогеография: семиозис пространственных мифов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://imitin.at.tut.by/MitinNovgorodNet.pdf, свободный.

5. Митин, И.И. Воображая город: ускользающий Касимов [Текст] // Вестник Евразии. – 2007. – № 1 (35). – С. 5–27.

Глава 13. Столичное и провинциальное художественное образование в русской культуре начала XX в.

С. А. Добрецова

Развитие искусства практически всегда, так или иначе, связано с развитием художественного образования, художественных школ, в которых формируются художники. Поэтому без изучения положения в области художественного образования невозможно говорить об искусстве, специфике творчества художника, которая может быть продолжением или развитием образования. Начало XX в. с его поиском новых художественных решений, противоречивостью, отсутствием стилевого единства – обостряет проблему художественного образования в России, привлекая наше внимание к вопросам традиций и инноваций в обучении художественному мастерству.

Художественные учебные заведения Москвы

Для характеристики ситуации обратимся к Москве начала XX в. Она имела достаточное количество художественных учебных заведений, однако каждое из них отличалось своими методами преподавания, своей системой и, самое главное, ставило различные цели к подготовке и выпуску специалистов. Основная часть провинциальных художников продолжала свое образование в Москве, дававшей более универсальное и демократичное образование, в отличие от Санкт-Петербурга, который был нацелен на академизм и верность традициям в искусстве.

Наиболее выдающимися были два учебных заведения: Московское училище живописи, ваяния и зодчества (МУЖВиЗ) и Императорское Строгановское Центральное художественно-промышленное училище (Строгановка). Обозначим характерные особенности этих учебных заведений.

Московское училище живописи, ваяния и зодчества «не имело таких безусловных преимуществ высшего учебного заве-

дения, как традиции, фундаментальная база, разработанная постановка обучения, но существовавшая в нем органическая связь мастеров и молодежи позволила воспитать целую плеяду замечательных мастеров искусства» [1].

В Училище живопись была откликом на действительность, выражением отношения художника, творческой личности, творца к жизни, в каждое произведение вкладывалась частичка души его создателя: «Требование верности жизни, верности передачи восприятия художником окружающей его действительности. Правдивость, непосредственность и убежденность, с которой художник это требование удовлетворял, определяли правду его искусства» [2].

Складывались довольно тесные контакты ученика и преподавателя: характерны были беседы с учениками, в которых преподаватель раскрывался как творец, как художник со своей индивидуальностью, своими творческими особенностями и стремлениями. «Учеников классы с начала пребывания в нем и до конца вел один и тот же преподаватель, который никогда не ограничивался узкими рамками своего раздела программы» [3].

Учащихся МУЖВиЗ отличает демократичность и определенная свобода общих порядков, аккуратное и бережное отношение к индивидуальности и своеобразию молодого художника, основанная на понимании творческой свободы творца и ее значения для искусства. Немаловажная роль принадлежала здесь тому обстоятельству, что «в Московском Училище подобрался коллектив из наиболее передовых по своим убеждениям и творческим исканиям художников: К. Коровин, И. Левитан, В. Серов» [4].

Строгановка отличалась от МУЖВиЗ, прежде всего, своей преимущественно прикладной и утилитарной направленностью. Она была создана в 1825 г. графом С. Г. Строгановым и служила принципиально иным задачам, нежели Московское Училище, собственно говоря, она и создана была с иными целями, а именно:

«1) развитие национальных творческих сил в сфере промышленности;

2) расширение образовательного уровня учеников для пользы промышленности;

3) формирование собрания моделей и образцов для усовершенствования ремесел и художеств» [5].

Исходя из этих целей, специфика образования в Строгановке существенно отличалась от МУЖВиЗ: там «была поставлена существенно глубже образовательная программа, были расширены специализации в области прикладного искусства» [6]. На него возлагались большие надежды, современники считали, что оно «послужит, вероятно, образцом подобных учреждений в отечестве нашем, где вообще ощущается сильнейший недостаток в специальном образовании» [7].

Важным преимуществом был по большей части практический характер обучения. Ученики явственно представляли, чем будут заниматься и что от них требуется на выходе из учебного заведения: «с 1897 года была введена практика на фабриках и крупных мастерских в каникулярное время. При этом старались привить каждому ученику технические знания в различных отраслях художественной промышленности» [8].

В стенах учебного заведения существовала денежная форма поощрения учащихся за хорошую учебу. Она была «хорошим стимулом в работе, к тому же награды являлись значительным подспорьем в жизни» [9].

Все эти незначительные приемы поощрения в глазах учащихся имели значительную ценность, так как демонстрировали внимание дирекции и педагогического коллектива к их интересам и переживаниям.

Художественное образование в дореволюционной России обязано своим появлением и развитием частным лицам, общей благотворительности русского общества и участию правительства. Этапы развития этого образования почти с полной точностью копируют этапы индустриализации русского общества: «становление связано с началом промышленного переворота в России, развитие – с великими реформами Александра II, а расцвет – с вступлением России в стадию индустриального общества и началом промышленной модернизации на рубеже XIX–XX вв.» [10].

Особняком от этих двух учебных заведений стояла Академия художеств в Петербурге. Это было самое академическое и верное чистому искусству учебное заведение начала века. Руко-

водство Академией было полностью подчинено государству, поэтому взаимоотношения преподавателей и учащихся полностью подчинялись бюрократическим нормам.

Более того, в Академии к началу века назрел вполне четкий кризис: старые методы преподавания уже не удовлетворяли современную молодежь, а новые в силу официальных установок и полного подчинения Академии императору не вводились. «Академия трактовала вопросы натуры и правдоподобия с реалистических позиций» [11]. Однако требования основывались на полном отрицании отражения жизненных реалий, действительности, в которой художник постоянно находился и не мог не откликаться.

Молодые художники ощущали отсутствие внутренней связи с учителями, разрыв между самой жизнью и тем, чему их учили в стенах Академии.

Иными словами, «молодой художник не мог здесь обрести метода, который бы позволил ему глубоко и полно реализовать свое отношение к окружающей действительности» [12].

Таким образом, «столичное» художественное образование начала XX в. явилось некой ареной идейной борьбы. Она к этому времени имела определенные традиции, носителем и хранителем которых являлась, прежде всего, Академия художеств в Петербурге, которая, однако, была уже не в состоянии отвечать задачам и потребностям искусства. Поэтому московские учебные заведения, такие как МУЖВиЗ и Строгановка, отвечающие запросам времени и искусства, были более востребованы среди художников.

Городские классы рисования в Ярославле

Ярославль как город провинциальный представлял собой совершенно иную модель художественного обучения. Так же, как и в Москве, учебные заведения создавались на основе частной инициативы, при поддержке меценатов и с очень незначительной помощью местных властей. Однако город переживает подъем в области духовной сферы: «растет число просветительских учреждений: библиотек, музеев, разного типа школ. Среди учебных заведений – лицей, выпускающий до 100 студентов в год, духовная семинария, учительский институт, аудитория Мо-

сковского археологического института при лицее» [13]. Культурная среда города стала более демократичной, просвещение захватило не только интеллигенцию и состоятельную часть общества, но и социальные низы.

Также художественную среду города во многом определяли выставки. Первая выставка Товарищества передвижных художественных выставок состоялась в Ярославле в 1876 г. Она прибыла в город по приглашению Ярославского музыкально-драматического общества.

С конца XIX в. выставки в Ярославле стали проводиться регулярно. Первоначально это были выставки ученических работ Ярославских городских классов рисования, которые выставлялись перед отправкой в Петербург для отчета в Центральное училище технического рисования барона А. Л. Штиглица, на средства которого и были организованы классы. В 1902 г. по инициативе Классов была устроена Первая выставка картин, в которой принимали участие не только ученики классов, но и выпускники, продолжавшие свое художественное образование в Москве, Петербурге и других городах: «Экспонентами этих выставок были В. Бычков, М. Владыкин, А. Красотин, С. Шитов, учившиеся в Московском училище живописи, ваяния и зодчества; А. Третьяков, В. Шульц – в Академии художеств, А. Воронцова – в Строгановском художественно-промышленном училище, А. Корнилов – в училище А. Л. Штиглица и др. Среди работ преобладали живописные этюды, акварели и рисунки» [14]. Через некоторое время Классы стали приглашать на выставки известных мастеров из Москвы и Петербурга.

Во многом художественная жизнь края зависела от состояния образования в этой сфере. Большую роль в поддержании интереса к искусству, а в частности к живописи, сыграли Городские классы рисования, которые были открыты в 1896 г. по инициативе И. Ф. Барщевского и П. А. Романовского, и частная школа, основанная последним. П. А. Романовский, будучи сам выпускником Московского Строгановского художественно-промышленного училища, понимал необходимость развития художественного образования в городе. Первоначально занятия он проводил на дому и трудился совершенно безвозмездно. Позднее, заручившись поддержкой Петербургского училища техни-

ческого рисования барона А. Л. Штиглица, для занятий были выделены помещения театра.

На протяжении последующих лет число учащихся, которых поначалу было несколько десятков, постоянно возрастало.

Ученики и преподаватели вели активную просветительскую и выставочную работу: читались лекции по искусству, проводились художественные вечера и выставки.

В Ярославле происходит становление новой профессиональной художественной среды. Все те, кто, будучи талантливыми художниками, были направлены для продолжения образования в учебные заведения Москвы и Петербурга, не теряли связей с родным городом, с его культурной жизнью и принимали активное участие в выставочной деятельности.

В 1906 г. молодые художники, которые уже окончили Классы и продолжали свое обучение в лучших художественных заведениях Москвы и Петербурга, организовали самостоятельную выставку, получившую название Первой весенней художественной выставки картин, которая традиционно проводилась на пасхальной неделе. Это событие нашло отражение в воспоминаниях Ольги Постниковой: «В Ярославле открылась весенняя выставка молодых художников. Впервые на ней экспонируют свои этюды и летние работы студенты Строгановского художественного училища – уроженцы города <…> На выставке экспонировались работы С. Матвеева, Ф. Панкова, М. Несытова, М. Соколова. Произведения предназначались для продажи, чтобы молодые художники могли получить материальную поддержку» [15].

Можно сказать, что Классы явились очередной памятной вехой в культурной жизни города. Созданные на основе частной инициативы и заручившиеся поддержкой весьма авторитетного учебного заведения России, они являлись благодатной почвой для развития таланта молодых художников Ярославской провинции.

Городские классы рисования решали ряд задач, весьма важных для художественной и образовательной среды города:

- развитие навыков технического рисования у ремесленников, повышение их профессионального уровня и квалификации;

- подготовка талантливых учеников для поступления в высшие художественные учебные заведения страны для дальнейшего продолжения образования;

- просветительская деятельность классов, организация выставок, художественных вечеров.

Более того, классы стали основой для дальнейшего продолжения художественного образования в городе, позднее на их основе была создана районная изостудия под руководством С. Ф. Шитова, а еще позднее – Ярославский художественно-педагогический техникум под руководством С. А. Матвеева.

Объяснимо и понятно, что Ярославль в развитии художественной педагогики значительно отставал от Москвы, однако и в нем появились зачатки грамотной постановки обучения молодых художников. Городские классы рисования являлись некой платформой, основой, дававшей первоначальные знания о профессиональном искусстве. Для продолжения же своего профессионального становления художникам необходимо было отправляться в Москву.

Художественное образование в России начала XX в. в столице и провинции находилось на разных этапах развития. Провинциальные художественные учебные заведения давали базу для дальнейшего изучения художественного мастерства в профессиональных художественных учебных заведениях столицы.

Особенности художественного образования М. А. Владыкина

Михаил Алексеевич Владыкин принадлежит первой плеяде профессиональных художников, сложившейся в Ярославле в первой трети XX в. Свое художественное образование Владыкин начал под руководством П. А. Романовского, организатора и автора идеи создания в городе Классов рисования, открытых в 1896 г. Будучи сам выпускником Московского Строгановского художественно-промышленного училища, художник понимал необходимость развития художественного образования в городе. Он заручился поддержкой Петербургского училища технического рисования барона А. Л. Штиглица и реализовал свою идею.

К 1900 г. в классах обучалось 76 человек. На протяжении последующих лет число учащихся постоянно возрастало, их социальный состав был широким: дворяне, мещане, крестьяне. «Большую часть составляли учащиеся других учебных заведений, но посещали занятия также служащие и ремесленники. Незначительную часть их составляли женщины. Занятия проводились вечерами с 17 до 20 часов» [16].

Программа обучения была достаточно разнообразной и включала в себя «черчение, рисование, живопись акварельными и масляными красками, декоративную живопись, творческое рисование, историю искусств, перспективу, фотографию» [17]. Ученики и преподаватели вели активную просветительскую и выставочную работу: читались лекции по искусству, проводились художественные вечера и выставки.

В Ярославле, как уже было сказано, происходит становление новой профессиональной художественной среды.

Михаил Алексеевич был одним из той группы художников, которая, получив образование в Ярославле у П. А. Романовского, продолжала свое образование в Москве. Для продолжения своей творческой практики Михаилом Алексеевичем было выбрано МУЖВиЗ, которое являлось, несомненно, более демократичным по сравнению, например, с Академией Художеств в Санкт-Петербурге. Более того, оно учило живописца очень чутко реагировать на окружающую его действительность, видеть прекрасное в мире и не копировать, а выражать свое отношение к жизни посредством живописи.

Наибольшее влияние на дальнейшее творчество Владыкина оказал великий русский живописец Валентин Александрович Серов, чью мастерскую Михаил Алексеевич посещал в годы обучения в Училище. Валентин Серов, будучи от природы человеком замкнутым и малообщительным, тем не менее, был достаточно авторитарным педагогом, поскольку считал, что руководитель в мастерской был «единственным педагогом, чей метод не подлежал обсуждению и поправкам со стороны других преподавателей, которые не имели права вмешиваться в его дела» [18].

Однако «все, что делал Серов в своей мастерской, было направлено к одной цели – к “постановке зрения” и развитию

чувства художества» [19]. Под так называемой «постановкой зрения» понимается требование обязательного осмысления увиденного, «понимания того, что искусство – это передача живописцем своего отношения к действительности» [20].

После окончания Училища Владыкин возвращается в Ярославль и принимает активное участие в культурной жизни города. Он становится экспонентом выставок, проводимых в городе с 1896 г. Однако самый весомый вклад Михаила Алексеевича заключается в его активном стремлении, а самое главное, умении объединять вокруг себя единомышленников, организовывать творческие объединения, которые сплачивали художников, ставили творческие задачи, отвечающие потребностям времени, и занимались активной организацией художественных выставок в городе. В течение всей своей творческой деятельности Владыкин активно принимал участие в жизни различных художественных обществ, появляющихся в нашем городе, а в «период 1900–1920-х годов их было четыре: Ярославское художественное общество, Ярославский филиал Ассоциации художников революционной России (АХРР), Ярославское общество работников изобразительных искусств, Корпорация живописцев города Ярославля» [21]. Их активная творческая деятельность была направлена, прежде всего, на развитие традиций русской художественной культуры и отражала новые веяния и перемены, которые привносило время.

Первым художественным объединением, одним из инициаторов создания которого был Михаил Алексеевич Владыкин, стало Ярославское художественное общество. Оно объединяло «не только художников, но и любителей изобразительных искусств, литераторов, музыкантов», способствуя «оживлению, подъему художественной жизни города более чем на полтора десятилетия» [22]. В основном Общество ориентировалось на просветительские задачи: «активная деятельность в области художественного образования, изучения и издания материалов о памятниках древнерусской архитектуры и народном прикладном искусстве, о пропаганде русского реалистического искусства, в частности, об организации и чтении лекций о творчестве русских художников В. Сурикова, И. Левитана, И. Репина, устраивались выставки с участием художников Ярославля» [23]. Среди

основных экспонентов, начиная с 1910 г., были В. Бычков, П. Мосягин, В. Дьяконов, М. Владыкин, А. Владыкина-Воронцова, С. Шитов, Н. Шитова, А. Красотин.

В начале 20-х гг. деятельность Общества начинает затухать, а в 1923 г. оно вовсе прекратило свое существование, устроив последнюю выставку. «Вместе с тем еще на протяжении многих лет деятельность Общества, заложенные им традиции будут оказывать влияние на художественную жизнь города и творчество ряда художников» [24].

После 1923 г. в Ярославле не было объединения, которое бы сплачивало художников. Новая художественная организация создается в Ярославле лишь в 1925 г. первыми выпускниками Ярославского художественно-педагогического техникума.

«24 августа 1925 года в здании картинной галереи они проводят организационное собрание, на котором ставят вопрос о создании в Ярославле «коллектива художников» [25].

В ходе обсуждения вопроса Михаил Владыкин вносит предложение о возрождении традиций Ярославского художественного общества, распавшегося в 1923 г., однако молодые коллеги не поддержали его предложение, и, таким образом, в Ярославле создается иное объединение профессиональных художников, «основанное на принципах Ассоциации художников революционной России и создании филиала этой Ассоциации в Ярославле» [26].

Если филиал АХРР в основном объединял представителей молодого поколения художников, то рожденное последователями ЯХО в 1928 г. Общество работников изобразительных искусств соединяло художников старшего поколения, среди которых был и Михаил Владыкин. Общество устроило «две выставки в Художественной галерее в 1928 и 1929 гг. Каталог выставки дает краткую, но яркую характеристику выставочной деятельности объединения и творчества его членов. В частности, он предлагает классификацию художников по направлениям: «Первое – идущее от традиций Серов-Левитан, Мир искусства и Ассоциация Художников Революции (Владыкины, Державин, Енгалычева и др.). Второе – последователи течений французской живописи последних десятилетий, начиная от импрессионистов (Александров, Черепанов, Перцев и др.). Третье – художники,

находящиеся под влиянием традиций старинных мастеров и, главным образом, работающие над решением проблемы картины (Мальгин, Канер, Горбатов)» [27]. Эта характеристика позволяет отчасти проследить заметное влияние Валентина Серова на творчество Михаила Владыкина.

В итоге, в пространстве города существовало две группировки, распыляющие силы обеих организаций. В правлении обоих творческих объединений был поставлен вопрос о слиянии, и в 1929 г. создается Корпорация живописцев города Ярославля. «Слияние художественных сил было в тех условиях полезным шагом. Корпорация живописцев города Ярославля, объединив своих членов организационно, не требовала их идейного сплочения, поэтому, в сущности, не изменила характер творческой деятельности художников» [28].

Однако после 1929 г. выставочная деятельность затормаживается и следующие ее страницы, и творчество профессиональных живописцев связаны с организацией Союза художников.

Таким образом, Михаил Владыкин являет собой пример творческой личности из первой плеяды профессиональных художников города Ярославля. Он получил столичное художественное образование в Московском училище живописи, ваяния и зодчества и вернулся в Ярославль, где продолжил активную творческую и организаторскую работу по созданию в Ярославле объединения профессиональных художников.

Влияние В. А. Серова на портретное творчество М. А. Владыкина

Следует понимать, что М. А. Владыкин и В. А. Серов – личности разных величин, вокруг Валентина Серова был весь свет российских столиц: Сергей Дягилев, Исаак Левитан, Константин Коровин, Мария Ермолова, особы императорских фамилий. Личность же Михаила Владыкина по отношению к Валентину Серову, безусловно, менее масштабна. Однако и вокруг себя Михаил Алексеевич стремился организовать свой интеллектуальный круг общения: Петр Мосягин, коллега-художник, Николай Критский, сын знаменитого журналиста-краеведа Петра Критского, портреты которых и писал ярославский мастер.

Уже в этом стремлении Владыкин похож на своего учителя. Проведя тщательный анализ, можно найти множество примеров если не подражания, то ярких следов влияния Серова на творчество Михаила Владыкина.

В качестве наиболее репрезентативных работ М. А. Владыкина нами были выбраны два портрета: Николая Петровича Критского и художника Петра Васильевича Мосягина, оба 1914 г.

Обратимся к первому портрету. Человек, изображенный на нем, является сыном знаменитого ярославского краеведа Петра Андреевича Критского, который был не только блестящим исследователем Ярославского края, но и талантливым педагогом, а также «человеком в высшей степени общительным, деятельным, предприимчивым …» [29].

Владыкин рисует нам образ скромного, интеллигентного, задумчивого человека-интеллектуала. В каком-то философском порыве он поддерживает подбородок и внимательно изучает открывающуюся перед ним картину бытия, о которой зритель может только догадываться. Критский невозмутим, все в его облике отдает спокойствием, гармонией уверенного в себе человека. Здесь хочется сослаться на влияние Валентина Александровича Серова. «“Портреты Серова срывают маски, которые люди надевают на себя; и обличают сокровенный смысл лица, созданного всей жизнью, всеми тайными помыслами и всеми утаенными от других переживаниями”, – Брюсов В.Я.» [30]. В портрете Владыкин если не пытается сорвать маску аналогично Серову, то пытается разгадать этого, безусловно, интересного и не похожего на других человека. Он пытается дойти до сути человеческой личности, как в своих работах это делал Серов.

Портрет написан в интерьере, однако все в этом интерьере дышит светом и цветом, создается явное впечатление пленэрной живописи, характерной на одном из этапов творчества для Серова. Его знаменитая «Девочка с персиками» тоже изображает интерьер: «Она оказалась удивительным открытием – открытием возможности радоваться безотносительно прекрасному – свету, весне, юности – тому, что восхитительно “само по себе”» [31]. И хотя здесь Владыкин ярко демонстрирует образ интеллектуала, но мы чувствуем дыхание гармонии, спокойствия, может оттого, что светлую голову Критского занимают все же легкие мысли.

Художник использует свежие, сочные, яркие тона. Критский изображен в пронзительно белой рубашке, ярким пятном выделяется галстук синего цвета, символизирующий состояние глубокой задумчивости. Портретируемый запечатлен на легком желтом, практически золотистом солнечном фоне.

Таким образом, перед нами предстает не обремененный тяжким трудом, свободный мыслящий человек-интеллектуал. Портрет создает ощущение легкости, отсутствия тяжести и напряжения, и это качество, по всей видимости, Владыкин заимствует у Серова: «Я хочу таким быть – беззаботным; в нынешнем веке пишут все тяжелое, ничего отрадного. Я хочу, хочу отрадного и буду писать только отрадное» [32].

Глядя на изображение Николая Критского, создается ощущение легкости выполняемой художником работы. Портрет гармоничен, написан словно одним касанием кисти, что опять же является влиянием Серова. Однако кажущаяся легкость – предмет больших творческих усилий и кропотливой работы, поскольку автор является ярким представителем серовской системы: для Серова живопись была результатом тяжелого труда, широких всесторонних взглядов и глубокого убеждения, а это, в свою очередь, требует от создателя предельного старания и работоспособности. Именно такому отношению к живописи он и научил своих подопечных. Таким образом, представленный портрет являет собой образец камерного портрета, личного, непринужденного, стремящегося уловить непосредственность.

Совсем иной предстает перед нами другая работа Михаила Владыкина – «Портрет Петра Мосягина» – тоже 1914 г. Данный портрет разительно отличается от представленного выше портрета Критского. Это практически парадный портрет художника.

Петр Мосягин был ярославским живописцем первой трети XX столетия, другом и соратником Михаила Владыкина по Ярославскому художественному обществу. Он был не только художником, но и кинооператором, пробовал себя и в режиссерской работе. «Эти грани его творчества, увлечение фотографией отразились на его произведениях. Очень часто композиционно они напоминают стоп-кадр. В цветовом решении они также ассоциируются с “кинематографическим” видением» [33]. Именно

творцом, создателем видит художник своего друга. Петр Мосягин изображен в полный рост, вполоборота к зрителю, в правой руке у него сигарета, левая спрятана в кармане брюк. Его прямой открытый взор направлен на зрителя, во всем облике его ощущается величественность, гордость, уверенность. И здесь Михаил Владыкин остался верен заветам Серова: он пытается раскрыть суть, выявить подтекст, истинное лицо своей модели, как это делал в своих работах Валентин Серов. «Именно то, как существенное, внутреннее проявляется, просвечивает во внешнем, составляет проблему портретного творчества вообще» [34], и эту проблему Михаил Владыкин решает вслед за своим предшественником.

Можно отметить также разнообразие моделей, выбираемых художниками для своего портретного творчества: и В. А. Серов и М. А. Владыкин имеют весьма широкий круг портретируемых. На примере этих двух портретов: Критского и Мосягина – видно, что Владыкин выступает наследником Серова. Критский представляет собой образ творческой интеллигенции города, Мосягин же ярок, уверен в себе, это образец совершенно иной ярославской элиты – элиты художественной, он являет собой отражение артистической среды города.

Михаил Владыкин, как и Валентин Серов, «нашел увлекательную задачу в передаче разнообразных проявлений творческой индивидуальности – это был вызов артистизму самого художника, испытание его возможностей к изменениям собственной живописной манеры» [35].

Проследить динамику изменения манеры художника мы можем на примере представленных портретов: Критский написан легко, непринужденно, практически в лучших традициях пленэрной живописи, при изображении Мосягина техника меняется, становится тяжелее и напряженнее.

Воссоздавая образ реального художника, творческого человека, Владыкин устраивает некую игру в парадный портрет: на первом плане мы не видим ни художественной мастерской, ни художника за работой. Однако на заднем плане Михаил Владыкин помещает свидетельства принадлежности Мосягина к художественной среде. Автор размещает на стенах помещения

картины, может быть, даже этюды, тем самым наталкивая нас на мысль, что изображенный – художник.

Петр Мосягин изображен в интерьере дома Владыкиных, располагавшегося рядом с музеем Собинова. Все в нем пропитано ощущением уюта, тепла, творческой атмосферой, усиливаемой наличием картин. И снова явственно прочитывается серовское влияние: большое количество света буквально пронизывает картину, а, как известно, «ученик подходил к освещенности как к важнейшему условию объективного изображения натуры» [36].

Более того, явственно ощущается то отрадное, о котором всегда говорил Серов в своем творчестве. Но здесь иное «отрадное», здесь – ощущение радости творения, делания искусства своими руками, ощущение собственной причастности к истории. Петр Мосягин предстает состоявшимся художником, мастером, уверенным в своих силах и в непобедимой силе искусства, которое он творит.

Таким образом, в творчестве ярославского художника Михаила Владыкина явственно прочитывается влияние Валентина Серова, начиная с круга выбираемых им моделей, людей творческих и незаурядных, включая серовский подтекст при выполнении портретов, и заканчивая манерой письма: большим количеством света, цвета, легкости, достигаемой упорным трудом.

Специфика художественного образования Ф. И. Панкова

Ф. И. Панков родился 7 августа 1889 г. в деревне Суховерхово Ярославского уезда в семье купца И. Л. Панкова, человека энергичного, властного, смекалистого и достаточно образованного. К началу XX в. купечество представляло собой торговое сословие, наиболее приспособленное к началу капиталистических преобразований, а в дальнейшем составившее основу для формирования русской буржуазии. Освобожденное от подушной подати и телесных наказаний купечество имело ряд торговых привилегий и было достаточно привилегированным сословием в России.

По мнению исследователей, Ф. И. Панков «получил типичное для того времени образование – окончил Ярославское

городское училище (1899–1904). Вместе с тем, интерес к изобразительному искусству привел его в Городские классы рисования, которые он посещал параллельно с занятиями в училище, и это увлечение определило выбор профессии художника» [37].

Видимо, Классы стали для Панкова своеобразным стимулом, толчком для дальнейшего развития и самоопределения, именно они побудили желание продолжить свое образование и не останавливаться на достигнутом ранее: «Его первым педагогом был основоположник, преподаватель и директор Классов – П. А. Романовский, который поддерживал талантливых учеников и делал все, чтобы они могли продолжить свой путь в искусстве, получить достойное художественное образование» [38].

После успешного окончания Ярославских городских классов рисования в 1904 г. Панков отправляется в Москву для продолжения своего художественного образования. Перед художником стоял весьма серьезный и ответственный выбор, поскольку учебное заведение является основополагающим фактором в становлении любого человека, а тем более таких проницательных и чутких людей, как художники. Как мы видим, все три рассмотренных учебных заведения имели ряд недостатков на рубеже веков и служили разным целям, но Федор Иванович все-таки останавливает свой выбор на Императорском Строгановском Центральном художественно-промышленном училище. Как уже отмечалось выше, ученики этого учебного заведения были ориентированы исключительно на потребности художественной промышленности и художественного производства.

В ходе учебного процесса Федор Иванович изучал следующие курсы: «рисование “на память”», черчение, чистописание, общеобразовательные предметы, рисование контуров, акварель, лепка» [39]. Начиная же со старших классов, существовала специализация: ученики избирали какую-либо специальность, поэтому предметы делились на обязательные для всех и необязательные.

В подобной постановке процесса обучения раскрывается стремление дирекции больше времени в учебном процессе выделить для специализации будущих художников: «Заметно и значительное внимание к зарисовкам с натуры, развивающим способность к композиции, фантазию, умение схватить харак-

терные черты видимого, когда особенно четко встала задача воспитания не копировщиков чужих рисунков, а собственно национальных кадров художников-прикладников. Этой задаче служило и введенное в программу “рисование на память”» [40].

Таким образом, «искусство строгановцев оказалось в самой гуще художественной жизни России. Их уникальное, индивидуальное творчество становилось всеобщим достоянием, приобреталось массовым потребителем. Они пытались создавать “красоту для бедных”, в которой сохранились бы признаки “большой красоты стиля”» [41]. Ориентация на массы вела к поискам универсального языка искусства, понятного простым людям. Все это формировало определенный универсализм, гибкость выпускников Строгановки. Области применения их знаний, умений и навыков оказались самыми широкими и наиболее разнообразными: «Строгановцы, для которых вполне естественным оказался закон постоянного художественного изобретения, ставший вскоре одним из основных стимулов искусства авангарда, – охотно брались за сатирическую графику, плакат, разные виды оформительского искусства» [42].

Ф. Панков вобрал в себя все принципы, все особенности преподавания и жизни в Строгановке. Именно она заложила основы панковского универсализма, желания экспериментировать, пробовать себя во многих сферах и жанрах. Однако было что-то, чего художнику не хватало в стенах училища, возможно, это живописные задачи, которые он перед собой ставил: тяга к чистому искусству, соприкосновение с высокой живописью, с элитарной культурой, поиск новых художественных решений. Именно поэтому параллельно с учебой в Строгановке Ф. Панков посещает мастерскую К. Коровина в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, которое славилось современными художественными исканиями, актуальностью взглядов и блестящим составом преподавателей.

Мастерскую К. Коровина отличало следующее. Как таковой «коровинской школы», как, например, брюлловской, не существовало. Влияние Константина Алексеевича на своих учеников выражалось не во внешнем: признаки манеры, цветовая гамма, построение композиции, – а во внутреннем. Он учил сво-

их воспитанников видеть действительность, видеть жизнь, выражать свое к ней отношение.

Для метода К. Коровина характерно глубокое эмоциональное чувство: «увидеть – значит пережить». «Нужны картины, – пишет художник, – которые близки сердцу, на которые отзывается душа» [43]. Художник должен передавать не восприятие натуры, не ее вид, а то чувство, которое она в нем пробуждает, тогда он будет понятен и интересен людям. «Ощущение, переживание мотива живописцем и составляет суть его произведений» [44]. Этого он требовал и от своих учеников.

Однако одновременно с тонкой чувственностью и повышенной эмоциональностью К. Коровин требует от своих учеников «твердых знаний основ изобразительного искусства – рисунка, анатомии, живописи» [45]. Но знания эти должны быть восприняты, присвоены художником, переосмыслены и поняты. Иными словами, «его требования в школе отличались четкостью и строгостью. Коровин считал, что задача художника – суметь выразить в живописи свои чувства и переживания, но для того чтобы это сделать, надо безукоризненно и легко владеть изобразительным языком и методом» [46]. Это могло прийти только после кропотливого изучения натуры и законов искусства, после долгой и осознанной работы на натуре, основательной практике своего метода.

Еще одной важной особенностью мастерской К. Коровина была некоторая непринужденность преподавания, что позволяло ученикам развивать и воспитывать в себе творческую самостоятельность и свободу, а также очень важное умение – умение учиться, познавать новое и постоянно развиваться: «Он хотел, чтобы ученик оказывался предоставленным в определенные моменты самому себе, чувствовал бы большую ответственность за то, что делает, чего на занятиях обычно не было» [47].

В итоге Константин Коровин представлял собой совершенно новый, необычный и исключительный тип педагога: «В его лице в класс входил художник, приносивший с собой все сложное сплетение присущих зрелому мастеру интересов, которые старался раскрыть и объяснить ученикам» [48].

Ф. И. Панков как художник получил практически уникальное образование, он синтезировал в своем творчестве влия-

ние каждого из учебных заведений и школ, которые прошел: первоначальную базу ему дала провинциальная школа П. А. Романовского, прикладное и по большей части практическое образование он получил в Строгановке, элементам классического художественного образования Панков учился у Коровина.

Традиции российского художественного образования в творчестве Ф. И. Панкова

В 1910 г. после окончания Строгановского училища со званием «ученого рисовальщика» Ф. Панков возвращается в Ярославль. Последующие два десятилетия его имя связывают с развитием профессионального художественного образования в городе. Первоначально он преподавал в высшем училище имени Н. М. Градусова. По всей видимости, преподавание для Ф. Панкова было логичным продолжением его творческой деятельности. По воспоминаниям дочери Панкова Татьяны Федоровны, ее отец очень любил своих учеников, был увлечен преподавательской деятельностью, у него в доме часто бывали студенты.

В формировании творческой личности Федора Панкова сыграли большую роль не только художественная школа, но и самообразование. В 1911 и 1914 гг. он совершил две поездки в Европу. Побывал в Италии, Германии, Австрии, увидел Венецию, Рим, Флоренцию, Вену и другие города-музеи с уникальными памятниками художественной культуры. Поездки оказали существенное влияние на его художественное мировоззрение. Традиция и преемственность составляли органичную часть его творчества.

В 1914 г. Панков был призван в армию, где служил писарем. Краткую биографическую канву послереволюционного периода жизни дает в воспоминаниях дочь художника: «Революция застала Панкова двадцатисемилетним молодым художником во время становления его творчества... После революции надо было начинать жизнь сначала» [49].

В 1919 г. ярославские художники-выпускники столичных высших учебных заведений – организуют в городе государственные свободные художественные мастерские, «созданные по единому типу новой пролетарской школы высшего художественного образования» [50].

Об этом вспоминает жена Федора Ивановича – Ольга Андреевна Постникова: «Весной 1921 г. в Ярославле мы вместе работали в Высших Художественных мастерских. Учебное заведение, созданное усилиями трех художников-ярославцев – Ф. И. Панкова, С. А. Матвеева и М. К. Соколова, выбралось из случайных магазинных помещений в прекрасное здание бывшей частной гимназии, специально для школы построенное.

Прекрасные светлые мастерские, особняк, окруженный садом, цветет и жимолость, солнце заливает прекрасные классы, весна бьет в окна и светом, и воздухом, и зеленью, и голубыми просторами далей.

Все чисто убрано, везде букеты цветов, тщательно помыты и вычищены мольберты. Перебираясь, всю мебель перетащили на рубках сами учителя и учащиеся, так как транспорт трудно было достать. В наследие от прошлого получили бэккеровское пианино, и студенты неумело, но радостно извлекают из него несложные мелодии.

Какой-то особенный, приподнято-бодрый, жизнерадостный мир царит в мастерских. Поставили новые натюрморты, позируют натурщики. Художники летают с этажа на этаж попраздничному, по-весеннему одетые, то скрываясь в своих мастерских, то оживленно совещаясь еще о новых возможностях улучшения в обстановке работы, то группируются в залах, где обдумывают экспозицию будущей выставки, то ныряют в склад учебных пособий в надежде найти пополнение незатейливых атрибутов, необходимых для работы студентов. Тот тащит табуреточку пониже для первых рядов, работающих перед натурой, тот схватил в столярной только что починенный овальный столик, тот набрал пачку палитр. И все живет и движется в каком-то пьяном восторге деятельности. Студенты как-то особенно тихо, торжественно занимают свои места для работы. И сдержанная радость из улыбки, не сходящей с лиц, вдруг прорывается острой шуткой и заразительным молодым смехом, который особенно звучен и ярок в просторах нового здания.

Облик Федора Ивановича в эти дни являл собою какую-то натянутую струну, малейшее прикосновение к которой заставляло ее вибрировать. Сосредоточенный и трепещущий, он

весь был полон той энергией деятельности, которая не знает для себя границ.

Я вижу его, то широкими шагами несущегося по лестнице, то громко, с усиленным акцентом убедительности дающего в мастерской объяснения, то со сдвинутыми бровями и стиснутыми челюстями устанавливающего натуру, то вдруг светло и радостно улыбающегося с глазами, смеющимися какой-то верой, около учащихся, то с кистями и палитрой в руках, которые он принес студенту и самому жаль выпустить из рук и "Ох, черт! Хорош натюрморт, так бы и писнул, да некогда!" И снова стремительно входит в зал, разговаривает сам с собой, что-то примеряет и планирует на стенах, жестикулируя своими исключительно тонкими и длинными пальцами. И вдруг замечтался, подошел к окну и смотрит открытыми голубыми глазами вдаль, ничего не слышит, весь ушел в свои мечтания. "Федя! Ты что? Ничего, брат, не грусти. Писать хочется? Вот все наладим и сами здесь общую мастерскую соорудим", – говорит С. А. Матвеев, так хорошо чувствовавший своего друга детства» [51].

По замыслу организаторов – Ф. И. Панкова, С. А. Матвеева, М. Кс. Соколова и М. А. Владыкина, Ярославские художественно-технические мастерские «должны были готовить, кроме художников-мастеров для различных отраслей художественно-промышленного производства, еще и педагогов для школ первой и второй ступени и профессионально-технических училищ» [52].

С 1 октября 1921 г. Ярославские мастерские были преобразованы в Государственный ударный художественный техникум с отделениями, первый выпуск Ярославского художественно-педагогического техникума состоялся в 1925 г. К этому времени директором техникума стал Ф. Панков.

Ф. И. Панков стремился приглашать в техникум сильных педагогов как по творческим дисциплинам, так и по общеобразовательным. В техникуме преподавали те же профессора, что и в университете. Удивительно широким был перечень предметов. Наряду с историей культуры, литературой, анатомией, преподавались психология, гигиена и другие предметы.

Кроме участия на выставках в Ярославле и Москве, в 1900 гг. известно лишь об экспонировании его произведений в

ЯХПТ на выставке художников-педагогов этого учебного заведения, упоминающейся в периодической печати в 1922 г. Все свои работы в 1930 г. художник увез в Москву. Его творческое наследие сохранено семьей художника, оно включает более 270 живописных и графических произведений, немногочисленные работы, связанные с театрально-декорационной деятельностью и творчеством в целом, которое можно проследить на протяжении более чем трех десятилетий. Более двадцати работ относятся к раннему дореволюционному периоду – это акварели, рисунки сангиной, углем, карандашом. Среди них автопортреты, портреты знакомых и близких людей, в частности, очень выразительный шарж на Макса Несытова (1909), жанровые композиции, пейзажи.

Художник стремился рисовать всегда и везде. «Графические свои работы отец делал легко и быстро, портреты друзей рисовал сидя за столом, за стаканом чая или сидя в кресле во время беседы. Мне кажется, что он и значения большого рисункам не придавал, во всяком случае, над ними он подолгу не работал, многие из них являются просто набросками к задуманным и неосуществленным работам. Собирала и сохраняла их мама», – так пишет об этой части творческого наследия дочь художника.

В 1920 гг. летние месяцы Панков с семьей проводил в селе Алексеевском недалеко от ст. Лютово по Костромской железной дороге. Там были созданы десятки рисунков, набросков, которые складывались в циклы. Воспоминания Т. Ф. Панковой: «Когда мы жили в Ярославле, то летом меня с мамой отправляли на дачу в село Алексеевское, где был большой деревенский дом, построенный еще до революции папиным отцом. Там же снимали дачи наши друзья – Соловьевы и Кандажинские с детьми примерно моего возраста. Место было очень красивое. Село располагалось на высоком берегу небольшой речки, а кругом расстилались цветущие поля и зеленые леса». На природе он рисовал деревья, деревенские сараи, домашних животных. У себя дома делал наброски с дочери, жены – О. А. Панковой, которая была искусствоведом и преподавала историю искусства в ЯХПТ, а после переезда в Москву работала в музее-усадьбе «Кусково». В Москве в 1930 гг. и один, и со студентами художник часто посещал зоопарк, где рисовал зверей. Эти рисунки

сейчас составляют большой цикл, насчитывающий несколько десятков работ, отличающихся выразительностью и лаконизмом средств, и удивительно точной передачей пластики животных и птиц [53].

Федор Иванович Панков был очень разносторонним человеком, он творил во многих видах и жанрах изобразительного искусства. И в каждом из них проявил свое блестящее мастерство. Его авторский стиль можно узнать по пластичности, плавности линий, живому цвету, выразительности, некоторой декоративности композиций, поразительному лаконизму, упругой, напряженной линии. Трудно отнести его к определенному стилю, да и вряд ли это можно было сделать, поскольку по свидетельству дочери Ф. Панкова, «традицию и преемственность в искусстве отец считал непременной частью не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня». Не следует забывать также, что Ф. Панков в своем творчестве соединял наследие многих талантливых педагогов и художников, таких как К. А. Коровин, С. И. Ягужинский, С. В. Ноаковский, а соответственно, синтезировал традиции прошлого: влияние Сезанна и новые веяния в искусстве, такие как кубизм.

Его наследие велико и составляет «около 300 живописных и графических работ, которые сохранила семья художника» [54]. Более пятидесяти лет они хранились в маленькой московской квартире Панковых. Интерес современников к страницам художественной жизни Ярославля начала XX в. помог восполнить то, что казалось безвозвратно утраченным.

Для анализа творческих особенностей художника хотелось бы выбрать два произведения: натюрморт «Шляпа и перчатки» и «Пейзаж с деревьями и кустом», поскольку они наиболее ярко демонстрируют особенности художественного образования автора.

Первое полотно – натюрморт «Шляпа и перчатки» – написано автором в 1922 г. В это время художник живет в Ярославле и преподает живопись и графику в Ярославском художественно-педагогическом техникуме. На картине изображены шляпа и перчатки, брошенные немного небрежно и словно невзначай. При первом взгляде на картину бросается в глаза некая упрощенность форм, определенная геометризация, что наводит

на мысль о влиянии кубизма на творчество Ф. Панкова. На этой картине мы явственно видим такие признаки кубизма, как тщательная проработка фигур и плоскостей, ограниченная цветовая палитра: черный, коричневый, серый нескольких оттенков, охра [55].

Также наследие кубизма мы видим в сопоставлении геометрических форм и поверхностей: форма шляпы, книга, фон. Однако «кубизм в искусстве отличался еще и тем, что полотна кубистов представляли собой сопоставления различных геометризированных поверхностей и плоскостей при достаточно отдаленном сходстве с оригиналом. Последователи кубизма не считали, что художественная форма должна полностью соотноситься с реальной, и поэтому предметы на картинах кубизма выглядят более абстрактными и утрачивают связь со своими реальными прототипами» [56]. И здесь Ф. Панков несколько отходит от кубизма в сторону реалистичности и натуры изображаемого. Поскольку им была пройдена школа Константина Коровина, который утверждал реалистичный метод в искусстве, то можно предположить, что картина писалась с натуры. Поскольку абстрактность форм, свойственных кубизму, здесь ярко не проявляется: максимально приближенные к настоящим перчатки, шляпа, книга, но некая упрощенность и геометризированность форм все-таки проглядывает, мы не можем определить манеру Ф. Панкова как реалистическую.

В изображаемых автором перчатках, шляпе, книгах, фоне можно разглядеть несколько самостоятельных «чистых» объемов: в шляпе явно прочитывается треугольник, книги изображены как прямоугольники, в перчатках можно разглядеть небольшие фигуры, напоминающие треугольники, фон составлен из параллелограммов и трапеций. Заметно некоторое влияние кубизма, некая дань моде, как, например, у М. Кс. Соколова, но гораздо в меньшем объеме. Скорее всего, дань кубизму и Ф. Панков, и М. Соколов отдают как типичные воспитанники Строгановского училища, поскольку «безусловное влияние на формирование творческой направленности и педагогической деятельности училища оказывали многочисленные новые направления в искусстве: символизм, модерн, а также традиции народного творчества» [57]. Таким образом, бывшие ученики

Строгановки постоянно находились под влиянием новых тенденций в искусстве, и, что самое главное, – были чрезвычайно восприимчивы к ним.

Предметы словно грубо вытесаны из материала. Они несколько обобщены, складки драпировок создают ощущение распада и дисгармонии. Также необходимо отметить отсутствие эмоций и чувств как основы творчества. Картина не эмоциональна, она словно фиксирует оригинальный взгляд автора на изображаемые предметы. Связь с натурой сохраняется, однако изображенные в натюрморте предметы «приобретают бо́льшую весомость, материальность, чем сама натура» [58].

«Пейзаж с деревьями и кустом» был создан Ф. Панковым в 1936 г. В это время он уже живет вместе с семьей в Москве и продолжает активную живописную и педагогическую деятельность первоначально в Московском институте им. Н.К. Крупской по курсу «Графика», а позднее в Полиграфическом художественном техникуме и одновременно в Художественном училище с. Палех в Шуе Ивановской области.

На картине изображен уголок лиственного леса, за которым автор наблюдает, как бы прячась за деревьями, из лиственного окна. Пейзаж лиричен и спокоен. Ничто не тревожит сознание и мыслей автора. Все творческие силы и возможности направлены на передачу образа природы, ее великолепия, неповторимости, красоты, однако изображение не декоративно, жизнь не статична, она продолжает свой бег, и это только момент из вечного бытия природы, из безостановочного ее течения и преображения.

Поскольку автором была пройдена школа К. Коровина, то, безусловно, пейзаж рисовался с натуры, и традиции реалистической живописи здесь ярки и заметны. Уголок леса где-то в средней полосе России летом, может быть, и в конце мая. Его можно было изобразить и зимой, и летом, и осенью, но каждый момент года и время года будет своеобразно, будет индивидуально и будет отличаться своими особенностями. Здесь жизнь, начало жизни, гармония, выражение максимальной приближенности к природе автора. Ф. Панков понимал и любил ее, именно природу он выделял и обожествлял из всего многообразия окружающего мира.

В пейзаже видны традиции школы Сезанна. Это была дань времени, поскольку многие живописцы начала XX в. обращались к его творчеству: «1906 год – год смерти Сезанна – знаменует начало особенно глубокого его влияния на целое поколение художников. Позднее этот период был назван историками искусства “сезановским”, или “негритянским” » [59].

«Меня привлекают безграничные фантазии природы... природа раскрывается во мне постепенно, я продвигаюсь очень медленно – совершенствоваться следует бесконечно» [60]. Так говорил о природе великий французский живописец, и Ф. Панков обращался к нему, находя в его отношении к природе что-то свое, близкое и схожее своему художественному мировосприятию: приближенную к реальной жизни интерпретацию образов, тонкую передачу световоздушной среды, гармоничное сочетание массивных форм и строгой композиции.

Как известно, гениальность Сезанна заключается в потрясающем умении сочетать строгость композиции и яркий колорит. Композиция картины Ф. Панкова относительно проста, но достаточно оригинальна: композиционным центром является дерево, расположенное на заднем плане, которое зритель видит, словно в окне, в расстоянии между двумя другими, более старыми и крепкими стволами деревьев. Одно из деревьев словно отступило, заманчиво приглашая человека постичь глубинные тайны мира природы, его таинства и загадки. В то же время на картине мы видим множество оттенков зеленого, изумрудного, бирюзового, оливкового, серо-зеленого, желто-зеленого, как и в природе ни один не повторяется. Здесь Ф. Панков является носителем, а можно сказать, и наследником другого талантливейшего живописца – Константина Коровина: «Усиление не локального цвета, а того оттенка, который присущ данному месту на предмете, становится обязательным условием правдоподобного изображения локальной окраски предмета, на чем особенно настаивал Коровин. Таким образом, цветовой оттенок в определении характера предмета является основным» [61].

Отметим также особенности техники Ф. Панкова. По словам дочери, «писал отец плотно и фактурно, почти не нанося рисунка. Подчеркнув кистью какие-то линии или точки в двухтрех местах, он начинал так называемый подмалевок, расклады-

вая основные цветовые пятна по холсту. Далее вещь начинала прописываться в наиболее ключевых местах, проступала, и отец начинал подтягивать все остальное» [62]. Гибкие и пластичные мазки мастера одновременно создают форму и намечают пространство, формируя единую, неразрывную структуру полотна, создавая цельный, гармоничный образ природы.

Как мы видим, Ф. Панков следовал традициям реалистической живописи, вбирая в свое творчество наследие таких великих художников, как Коровин и Сезанн. Безусловно, его творчество носит синтетический характер и вписывает имя мастера в контекст русской художественной культуры первой половины XX в.

Традиции художественного образования в полной мере проявились в творчестве ярославского художника Ф. И. Панкова, именно поэтому оно носит синтетический характер. Будучи воспитанником Строгановки, Ф. И. Панков ощутил на себе влияние многих течений и направлений в искусстве XX в., таких как кубизм, традиции Сезанна, поскольку ученики этого учебного заведения наиболее склонны были к экспериментам и новаторству. От К. Коровина художник вобрал, прежде всего, натурность и верность «чистому» реалистичному искусству. В его творчестве происходит ярко выраженный синтез авторской индивидуальности и традиций художественного образования начала XX в., сложившийся под влиянием различных систем, способов и методов обучения.

Логичным продолжением художественного творчества Ф. И. Панкова была педагогическая деятельность в Ярославле и в Москве. Как и живописью, художник был ей увлечен, отдавая ученикам часть опыта, таланта и души.

В ходе проведенного исследования можно сделать ***следующие выводы:***

- система художественного образования к началу XX в. имела определенные традиции, носителем и хранителем которых была, прежде всего, Академия художеств в Петербурге, однако она уже не отвечала задачам и потребностям искусства. Поэтому московские учебные заведения, такие как МУЖВиЗ и Строгановское училище, отвечающие запросам времени и искусства, были более востребованы среди художников;

- Городские классы рисования, функционирующие в Ярославле как часть системы художественного образования России начала XX в., являлись основой, дававшей первоначальные знания о профессиональном искусстве. Для продолжения своего профессионального становления провинциальным художникам необходимо было отправляться в Москву;

- Михаил Владыкин являет собой пример художника из первой плеяды профессиональных художников города Ярославля, в творчестве которого явственно прочитывается влияние Валентина Серова;

- Ф.И. Панков, будучи воспитанником Ярославских городских классов рисования, Строгановского училища и Константина Коровина, ощутил на себе влияние многих течений и направлений в искусстве XX в., что позволяет говорить о синтетическом характере его творчества, сложившемся под влиянием различных систем, способов и методов обучения.

Примечания

1. Молева, Н.М. Выдающиеся русские художники-педагоги [Текст]. – М., 1991. – С. 240.
2. Там же. – С. 244.
3. Там же.
4. Там же. – С. 245.
5. Ермолин, Е.А. Культура XIX – начала XX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.yaroslavskiy-kray.com/180/kultura-xix-nachala-xx-veka.html
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Молева, Н.М. Выдающиеся русские художники-педагоги [Текст]. – М., 1991. – С. 10.
12. Там же. – С. 25.
13. Голенкевич, Н.П. Художественная жизнь Ярославля конца XIX – первой трети XX столетия. Творческие объединения. Выставки. Художники [Текст]. – М., 2002. – С. 12.

14. Голенкевич, Н.П. Ф.И. Панков [Текст] // Ярославский календарь на 2009 год. – Ярославль, 2009. – С. 12.
15. Голенкевич, Н.П. Ф.И. Панков [Текст] // Ярославский календарь на 2009 год. – Ярославль, 2009. – С. 13.
16. Шульгина, Е.Н. История Строгановского училища, 1825–1918 [Текст]. – М., 2002. – С. 15; Молева, Н.М., Белютин, Э.М. Русская художественная школа второй половины XIX – начала XX века [Текст]. – М., Искусство, 1967. – С. 15.
17. Там же.
18. Там же. – С. 258.
19. Там же. – С. 259.
20. Там же. – С. 294.
21. Шеметова, З. Федор Панков [Текст] // Северный край. – 19 ноября 1996. – № 220. – С. 6.
22. Там же. – С. 15.
23. Там же.
24. Там же. – С. 23.
25. Там же. – С. 6.
26. Там же. – С. 25.
27. Там же. – С. 27.
28. Там же. – С. 30.
29. Соловьева, М. Федор Панков – художник и преподаватель [Текст] // Городские новости. – 28 ноября–4 декабря 1996. – № 48.
30. Салова, Ю.Г. История культуры Ярославского края XIX–XX вв. [Текст] : учебное пособие. – Ярославль, 2004.
31. Там же.
32. Там же.
33. «Творческие дни». – 5 октября 1921.
34. Там же.
35. Там же.
36. Голенкевич, Н.П. Ф.И. Панков [Текст] // Ярославский календарь на 2009 год. – Ярославль, 2009. – С. 319.
37. Беке, М.В. Ярославский календарь на 2009 год [Текст]. – Ярославль, 2009. – С. 25.
38. Там же.
39. Шеметова, З. Федор Панков [Текст] // Северный край. – 19 ноября 1996. – № 220.

40. Там же.
41. Там же.
42. Там же.
43. Мириманов, В. У истоков кубизма [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://art.1september.ru/2001/07/no07_01.htm
44. Там же.
45. Там же.
46. Там же.
47. Там же.
48. Там же.
49. Беке, М.В. Ярославский календарь на 2009 год [Текст]. – Ярославль, 2009. – С. 35–37.
50. Алехина, А.А. У истоков художественного образования в Ярославле [Текст] // Северный рабочий. – 6 марта 1981.
51. Из воспоминаний О.А. Постниковой [Текст]. Архив ЯХМ (микропленка).
52. Алехина, А.А. Строгановцы в Ярославском крае [Текст] // Художник. – 1978. – № 8. – С. 15.
53. НА ЯХМ: Ф.36. Личный фонд Ф.И. Панкова. – Ф.2. – Оп. 1. – Д. 2676–2686, ФР–178. – Оп.1.
54. Салова, Ю.Г. История культуры Ярославского края XIX–XX вв. [Текст] : учебное пособие. – Ярославль, 2004. – С. 14.
55. Зубец, В.М. Роль Строгановского училища в развитии художественно-промышленного образования в дореволюционной России [Текст] // Искусство и образование. – 2009. – №4 (60).
56. Там же.
57. Шеметова, З. Федор Панков [Текст] // Северный край. – 19 ноября 1996. – № 220.
58. Мерфи, Р. «МирСезанна» 1998 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.centre.smr.ru/win/artists/sezann/biogr_sezann.htm
59. Там же.
60. Кубизм [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.vlasta-tula.ru/articles/show-28.htm

61. Мириманов, В. У истоков кубизма [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://art.1september.ru/2001/07/no07_01.htm

62. Голенкевич, Н.П. Ф. И. Панков [Текст] // Ярославский календарь на 2009 год. – Ярославль, 2009. – С. 84.

Часть 4. Индивидуальные и массовые интенции моделирования культуры русской провинции в глобализационном дискурсе

Глава 14. Социокультурный опрос жителей русской провинции в ментальном и глобализационном дискурсах

Е. А. Шахова

Социокультурный опрос жителей русской провинции – процесс кропотливый (если иметь в виду работу с респондентами, формирование выборки, необходимость «склонить» людей разных характеров и жизненных позиций к сотрудничеству с исследователями, не преследующими никаких прагматических целей) и в то же время значимый в социально-нравственном отношении (если иметь в виду то, что и взрослые, и достаточно молодые респонденты задумываются не только над тем, что ответить, но и над тем, как оценить свое жизненное пространство, чужие мысли о жизни, определив, таким образом, свое местоположение в мире).

Ментальные характеристики человека, живущего в начале XXI в. в так называемом информационном обществе, испытывающем воздействие глобализационных процессов и в социально-профессиональном, и в индивидуальном планах, но при этом имеющего средой непосредственного пребывания провинциальный локус, становятся предметом последовательного выявления через ответы на вопросы, поставленные в анкетах. Отсюда вытекала необходимость обратить внимание не только на мировосприятие в целом, на отношение к жизни в ее «крупных» проявлениях, но и на настроения, разнообразные психоэмоциональные нюансы, характеризующие ожидания либо позиции отдельных, хотя и анонимно отвечавших на вопросы людей.

Таким образом, как представляется, при изучении материалов социокультурного опроса удалось увидеть конкретного современного человека, а не только общие тенденции.

В результате двух проведенных анкетирований было обработано 235 анкет. Респонденты делились по возрастной категории, а также по наличию высшего образования и места работы.

В первом анкетировании обязательным условием участия было наличие у респондента высшего образования и профессиональных навыков в производственной и административно-управленческой сферах – 50 человек.

Во второй категории респонденты были разделены следующим образом: студенты – 110, школьники – 25.

Сначала следует рассмотреть вопросы и ответы на них, которые совпадают в обеих анкетах. Таких вопросов 4.

Большинство работников производственной и административно-управленческой сферы местом своего рождения указали провинцию (91,8 %). Значительная часть из них назвала населенные пункты центральной России. Несмотря на это, среди опрошенных оказалось небольшое количество людей, родившихся за пределами нынешней России (страны бывшего СССР, Германия).

Местом рождения старших членов своей семьи 90,4 % участников молодежного опроса также указали провинцию. При этом показана достаточно широкая география населенных пунктов из многих республик бывшего СССР: Белоруссии, Украины, республик Средней Азии, Закавказья и Прибалтики.

Интересно отметить, что как старшая возрастная группа, так и молодежь при очевидном различии понятий «провинция» и «столица» (ошибочно или сознательно) указали в качестве столицы населенные пункты, не соответствующие данному статусу. Среди них такие города, как Ярославль, Ленинград, Запорожье и Владикавказ. Данный факт говорит о недостаточно отчетливо сформированной рефлексии (пространственной, административной) у некоторой части респондентов.

Показательно то, как разделились мнения двух возрастных групп по вопросу предложенных на выбор типов состояний, характерных в моменты пребывания в столице. У большинства респондентов старшей возрастной категории наиболее часто встречающимся оказалось раздражение (варианты «усталость», «давящая атмосфера», «желание скорей вернуться домой» и т. п. могут являться синонимами «раздражения».) У

большинства респондентов второго, «молодежного» опроса у 53,6 % наиболее часто встречающимся оказалось удовольствие (радость). На втором месте в списке – возбуждение 35,2 %. Стоит отметить, что в большинстве случаев варианты ответа, данные молодежи, как выбранные из предложенных, так и данные самостоятельно, имеют скорее позитивный оттенок. Желание проявить активность, внести собственные нюансы свидетельствует о том, что вопросы вызвали у респондентов отклик.

Приметы провинции, приведенные респондентами обоих категорий, можно разделить на материальные предметы и элементы атмосферы, а также на ожидаемые (в том числе клише) и оригинальные. Среди материальных предметов чаще всего упомянуты архитектура (церкви, храмы, монастыри, театр им. Ф. Волкова), плохие дороги, обилие зеленых насаждений.

Среди элементов атмосферы наиболее популярны темп жизни, тишина, добрые люди. Оригинальными элементами атмосферы можно назвать упадок, медлительность, уют, старину, древность, неразвитую инфраструктуру.

В этих ассоциациях отчетливо присутствует и личное отношение (в значительной части негативное), исходящее от неустроенности и туманной перспективы развития, и личные привязанности (к людям, местам, явлениям), наоборот позитивные и теплые.

Явления провинциальной культуры, достойные общенационального внимания, упомянутые респондентами, можно разделить на явления (предметы) материальной сферы, элементы среды и персоны (категории людей).

Обе группы респондентов к явлениям материальной сферы единодушно относят церкви (храмы, монастыри, соборы), театр им. Ф. Волкова, памятники (в том числе истории и культуры), музеи и архитектурные или природные ансамбли (стрелка, набережная Волги, центр г. Ярославля и т. п.).

Кроме ожидаемых ответов, молодежь предложила несколько оригинальных примеров, среди которых можно отметить Бийский краеведческий музей, Золотые ворота во Владимире, Калининградский Кафедральный собор, памятник Вуди Аллену в Калининграде, усадьбы, как символ провинции, то есть

уникальные самобытные явления, которые поддерживают интерес к «провинции».

К элементам среды чаще относят традиции (в том числе праздники). Старшее поколение в качестве традиции привело пример бани (это можно считать трогательным и, возможно, ироничным высказыванием).

Молодежь к элементам среды причислила особенности языка и одежды, традицию проведения ярмарок, шествие, посвященное ХК «Локомотив».

Наиболее часто упоминаемые персоны, достойные общенационального внимания – Н. Некрасов, Ф. Волков, Ярослав Мудрый. Из числа современников – В. Терешкова, А. Кузин, А. Петров.

Следует отметить большое сходство явлений и персон, приведенных в качестве примеров ответа на вопрос об ассоциациях с г. Ярославлем или другим провинциальным городом, а также общую схожесть приведенных примеров, клишированность восприятия и одинаковый подход к выбору явлений, достойных внимания.

По мнению респондентов, из приведенных суждений, точнее отражает негативные либо позитивные особенности провинции суждение Д. С. Лихачева «Россия возродится провинцией» (55,5 % – работников производственной и административно-управленческой сферы и 29,6 % среди молодежи).

По обоснованию старших респондентов это высказывание было отмечено наибольшим количеством комментариев, суть которых сводится к следующим идеям: население столицы в значительной степени состоит из провинциалов; многие «великие умы» – выходцы из провинции, в провинции люди более духовны, трудолюбивы и сильны.

Комментарии молодежи, в основном, содержат следующие обоснования: люди, живущие в провинции, добрее, талантливее, способны многое доказать, чему способствует более спокойная, душевная, размеренная жизнь; Москва живет за счет провинции, сама по себе ничего не значит.

Особое внимание обращаем на анализ ответов на вопросы, которые отличались в анкетах для двух групп респондентов.

Развивающейся молодежи предложили вопрос о характеристиках влияния того факта, что люди проживают в провинциальном городе, на их самоидентификацию. Наибольшее число респондентов предпочли варианты «в любом более крупном городе больше возможностей» (60 %) и «раскрытие творческого потенциала не зависит от места проживания» (41,6 %). Данная пропорция говорит о том, что, по мнению участников опроса, с одной стороны, изначально столица более предпочтительна для самореализации, с другой стороны, не отрицается возможность проявления индивидуальной воли (все зависит от человека, а не от места), что подтверждают ответы, в которых указан свой собственный вариант.

Наиболее предпочтительными и перспективными сферами жизни Ярославля как типичного российского города респонденты из числа студентов сочли общественную деятельность, туризм, малый бизнес и искусство (примерно по 12–15 % выборки). Наименее перспективными – науку, промышленное производство и сферу социального обслуживания.

В вопросе о пользовании социальными сетями опрошенные проявили единодушие. Только два молодых человека указали, что социальными сетями не пользуются, назвав следующие причины: предпочитаю живое общение, не люблю выставлять свою жизнь на всеобщее обозрение, отнимает время, отвлекает ненужной информацией. Так, наиболее популярными ресурсами стали: «В контакте» (более 95 %), «facebook» (около 30 %), «twitter» (около 7 %). Следует отметить, что подавляющее большинство респондентов активно использует различные социальные сети для разнообразных целей.

Из предложенных вариантов трактовки термина «глобализация» опрошенные выбрали две. Популярными оказались варианты – «расширение культурного пространства жизни современного человека» и «создание единого мирового культурного контекста». Обе выбранные формулировки находятся, скорее, в позитивном поле, так как не содержат прямых указаний на усреднение и устранение индивидуальности, так или иначе свойственное процессу глобализации.

Таким образом, соотнесение результатов опроса по вопросу о глобализации (см. выше) и по вопросу о взаимодействии

с сетью Интернет позволяет сделать вывод о том, что принадлежащая к нашей выборке молодежь занимает достаточно пассивную позицию в отношении мира, социума: эти люди являются не субъектами культуросообразной деятельности, а лишь объектами внешнего воздействия.

Среди предложенных на выбор современных вариантов субкультуры, определяемой по степени влияния или популярности, респонденты поставили на первое место реперов. Второе место поделили металлисты и панки. Последнее место заняли готы, которые еще несколько лет назад были популярнейшей и даже агрессивно-активной субкультурой. Однако наибольшее число ответов пришлось на «свой вариант», где наиболее популярными субкультурами у обеих групп респондентов оказались хиппи, эмо, аниме и неформалы. Ряд участников опроса вступил в дискуссию с разными формулировками: они указали на то, что приведенные субкультуры не имеют серьезного влияния в отечественной культуре и не являются популярными.

Из вариантов возможных причин (признаков) приобщения к субкультурам приблизительно в равных пропорциях чаще других отмечали следующие варианты: «самовыражение» (30,4 %), «поиск новых ощущений» (19,2 %), «погоня за модой» (18,4 %). На последнем месте оказался вариант примера близких, старших людей. Данный выбор может быть охарактеризован такими психологическими состояниями, как чувство одиночества, безделье, беспокойство, несформированные взгляды и предпочтения. Молодежь и подростки предстают по итогам нашего исследования в своей массе как люди ведомые, что противоречит известному мнению о социальной активности и заинтересованности этого поколения в жизни социума.

Для старшего поколения респондентов был подготовлен более серьезный спектр вопросов. Полученные результаты позволили установить следующие особенности мировосприятия и самоощущения респондентов, которых в исследовании рассматривали как состоявшихся в личностном и социально-профессиональном отношениях людей.

Местом получения образования, как и местом рождения, провинцию указали большинство респондентов с разницей между категориями в доли процента. В аналогичной степени некор-

ректным (ошибочным) оказалось позиционирование в качестве столицы таких городов, как Уфа, Санкт-Петербург, столица Вологодской области. Приводя примеры качественного различия образования в зависимости от места обучения, респонденты отмечали такие особенности, как зависимость от преподавательского состава, стоимость обучения, требовательность, индивидуальность подхода, доступность информационных материалов и др. Также имеются сравнения не только по региональному принципу, но и по времени получения образования (исторической эпохе): «во времена СССР различия не было, в настоящее время – есть»; «советское образование лучше современного», «образование, полученное в 80-е гг. фундаментальнее». Кроме качества и характера образования, приведены примеры различий из области мироощущения: «везде одинаково плохо», «Ярославцы более любопытны», «чем меньше регион, тем ниже уровень образования». При этом конкретные примеры качественного различия образования приведены, а примеры различия по временному принципу или по мироощущению отсутствуют, являясь более эмоциональными, нежели оправданными опытом или фактами.

«Провинциализм есть другая метафизика жизни». Это высказывание философа Н. А. Бердяева большинство респондентов обеих категорий сочли наиболее точно отражающим сегодняшнее понимание провинциальности. Возможно, это связано с тем, что, с одной стороны, из предложенных на выбор реплик, эта самая короткая и эффектная, с другой стороны, все остальные несут в себе некий негатив по отношению к понятию «провинциальность».

В вопросе о «троечниках» и «отличниках» московских и региональных, приводя примеры (в основном, из числа своих коллег, либо знакомых), чаще всего не подтверждали и не опровергали предложенную версию. То есть понять, согласны респонденты с высказыванием или нет – невозможно. Большая же часть опрошенных таких примеров не знают, либо, не соглашаясь с предложенным мнением, говорит о том, что такой зависимости нет, обобщать людей по этому принципу неправильно, и о том, что оценки не всегда отражают реальный уровень знаний. Вероятнее всего, по причине постоянной географии прожива-

ния/обучения у респондентов нет достаточного опыта для сопоставления так же, как в вопросе о сравнении качества образования в целом в разных регионах страны.

На, казалось бы, безобидное и хорошо известное читателям и зрителям «Белой гвардии» и «Дней Турбиных» суждение М. А. Булгакова о «второсортности» провинциального человека большинство респондентов обеих категорий отреагировало отрицательно. Количественная пропорция опрошенных, негативно относящихся к данному суждению, ожидаема (около 80 %), однако живой отклик, подтверждаемый обилием комментариев, свидетельствует о том, что многих людей данная тема «задела за живое». Среди комментариев в защиту своей позиции наиболее популярны следующие: «каждый человек индивидуален», «нельзя считать человека второсортным лишь на основании места рождения», «в жизни все равны», «нельзя делить людей на сорта», «люди из провинции есть везде», «провинциалы чаще достигают в жизни большего» и т. д. Все эти суждения объединяет мысль о недопустимости считать кого-либо вторым сортом в силу изначального равенства. Также встречаются одиночные высказывания, отличающиеся эмоционально: «щегольство и нахальство не есть первый сорт», «а что, столица – белая кость?», «Булгаков – не социолог», «люди второго сорта есть и в столице», «свежесть бывает только одна – первая, она же последняя (М. Булгаков)». При более выраженной негативной реакции на предложенное суждение смысл комментариев тот же, что и у популярных, повторяющихся.

Несмотря на то, что большинство не согласилось с предложенным высказыванием, есть небольшое количество поддержавших его следующими примерами: «термин “Колхозник”, «образ жизни», «в столице выше зарплата», «власть централизована», «считается, что нет столичного лоска», «самовосприятие провинциалов», «такова политика государства».

Выявленное отношение респондентов к вопросу о «второсортности» провинциалов может быть обусловлено двумя факторами: во-первых, чувством справедливости, в соответствии с чем недопустимо деление на сорта, а во-вторых, – в силу собственного географического положения, о чем свидетельствует количество откликов и их эмоциональная окраска.

Признаки русской интеллигенции, воплощенные в современных жителях провинции, следует разделить на положительные и отрицательные по своей эмоциональной окраске. Среди положительных признаков наибольшее количество респондентов упомянули открытость – 80 % (открытость же больше всего поставили на первое место). Наивность и патриархальность (если условно счесть эти признаки положительными) упомянули 63 и 61 % соответственно, разместив их на втором и третьем местах. Больше половины опрошенных указали привычку сомневаться в своем праве на чье-либо внимание или материальную поддержку (56,4 %). Наименьшее число респондентов сочли, что по типологическим признакам личности провинциал чаще всего интроверт. Среди отрицательных признаков наиболее популярной оказалась несвершенность личности и нереализованность стремлений (более 50 %). Наименьшее число опрошенных сочли, что по психическим свойствам провинциал является невротиком. Следует отметить, что положительные признаки оказались более популярными и заняли более высокие места в «рейтинге» предложенных.

Глава 15. Русская провинция в восприятии студентов провинциального вуза: индивидуальный дискурс

О. В. Горохова

В рамках научно-исследовательского проекта «Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах» среди студентов 1, 2 и 4 курсов, обучающихся на направлениях «Культурология» и «Журналистика» ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, был проведен письменный опрос с целью выявления специфики восприятия русской провинции современной провинциальной молодежью. Студентам было предложено продолжить фразу «Чем русская провинция отличается от…?» и аргументировать свой ответ. Ответы участников опроса позволили актуализировать два вектора интерпретации обозначенного феномена: во-первых, определение места русской провинции в ряду географических и

смысловых локусов; во-вторых, формулирование ключевых признаков русской провинции.

Лишь малая часть студентов в своем ответе обратилась к традиционной оппозиции «провинция – столица». Примечательно, что в одной работе названная оппозиция приняла интересный и неожиданный ракурс: студентка стала сравнивать русскую провинцию не с Москвой, а с Киншасой – столицей Конго, «провинциального» по отношению к западному миру государства.

Большинство опрашиваемых поместили русскую провинцию в глобальный, мировой контекст, сопоставив ее с провинциями других стран (Украины, Германии, Финляндии, Дании, Италии, США), некоторые локализовали границы феномена до районного города (например, Гаврилов-Ям – провинция по отношению к областной «столице» – Ярославлю) либо района города (например, Брагино – провинция по отношению к Кировскому – центральному – району Ярославля). В одном эссе Ярославль, старинный провинциальный город, соотносится с Монти, старинным кварталом итальянской столицы.

Таким образом, русская провинция рассматривается студентами, прежде всего, в *пространственном* (территориальном) аспекте – как географический, повторим, пространственный феномен, имеющий аналоги в других странах, и в *смысловом* аспекте – как своего рода феномен, характеризующийся набором специфических признаков.

Географически русская провинция – это «небольшие города, которые расположены за пределами МКАД» (*здесь и далее в кавычках – цитаты из студенческих эссе*), а провинциал – это «человек из “глубинки”, можно сказать, человек из глуши», откуда «Москва выглядит заграницей». «Глубинка», «глушь», «сельская местность», «небольшой город» – вот топографические обозначения русской провинции, с акцентами на удаленность, маленький масштаб и некую отгороженность (за границей, за пределами столичного мира).

Географические характеристики коррелируют с социально-экономическими. Визуально русская провинция – это «одноэтажные домики родного поселка с простенькими двориками», «деревянные дома среди высоток» либо «безликие многоэтажки, которые нагоняют тоску и уныние». В провинциальных городах

создается ощущение «некой просторности», за счет того, что «белизну камня в достаточных количествах разбавляет зелень», и заброшенности («многие здания нуждаются в ремонте, а некоторые уже и для него не пригодны»).

Кое-где «старинные дома не сносят, их ремонтируют из года в год, на их месте не строят новые, потому что эти старинные здания представляют собой ценность». Но все чаще провинциальная архитектура «старается всеми силами догнать столицу» и «в погоне за столичным эпатажем возводит свои собственные безвкусные нагромождения торговых центров. Нередко провинциальной архитектуре достаются проекты, которые были отброшены их столичными коллегами, хорошим примером чему служит реализованный в Ярославле проект концертно-зрелищного центра, который проиграл на одном из московских конкурсов».

Несмотря на свободу высказываний, которая предоставлялась студентам самим жанром работы – эссе, – в текстах присутствуют оценочные суждения, причем характеризующиеся в основном негативными коннотациями.

Русская провинция – это «темный, грязный, пропахнувший дымом сигарет и мочой подъезд», на вокзале «в чистой одежде надо быть очень внимательным, чтобы не испачкаться, воздух пропитан запахом мазута и мусора, народ толкается с вещами, авоськами и прочим скарбом (в камеру хранения сдать – дорого)», «есть река, но она давно загрязнена, хотя на ней все еще сидят рыбаки». Это «ужасные дороги, пробки “на пустом месте”», «по-настоящему хорошей, качественной дороги как для автотранспорта, так и для пешеходов, просто нет. Машины зачастую и едут, и паркуются прямо на газонах, даже штраф не пугает». В провинции «прекрасные памятники архитектуры», «самая красивая природа», но и «мусорные свалки посреди леса, пивные банки посреди пляжа и плывущие по реке пустые бутылки».

Серый, неуютный и даже устрашающий контекст окружающей действительности, по-видимому, в представлениях студентов формирует определенные характеристики, едва ли не менталитет провинциального жителя: «в основном он заключается в ведении собственного хозяйства, продолжении рода, а не

самореализации». «В глухой провинции силен еще традиционный уклад и можно услышать тихий шелест народных мифов и слухов. Замкнутое пространство провинции накладывает на жизнь горожан отпечаток размеренности и цикличности: жизнь течет, застревая в частных семейных интересах и почти не впадая в русло главных процессов, протекающих в масштабе всей страны, а ограниченность досуга и ресурсов не позволяет окунуться в океан той желаемой реальности, в которой живут, например, москвичи».

Русской провинции свойственны «большие расстояния, скудный выбор, маленькие возможности, привязанность к месту и среде», «изоляция» («наши города как точки на карте, каждая точка сама за себя»), «нехватка информации», «отсутствие либо нехватка культурно значимых мест», «слабый пульс». «Магазины забиты, а выбрать не из чего», «в вузах нет многих специализаций, которые хотели бы иметь выпускники, или же сами заведения не являются для них престижными. Нет желаемых мест работы, или же оплата труда не является удовлетворительной. Многие предметы быта нельзя купить (особенно материалы для творчества). Наконец, многих манят огни большого города – Москвы, они считают жизнь в столице более интересной». Происходит отток молодежи, которая «часто уезжает за заработком в более перспективное место». Те же, кто остается, «не живут, а доживают, несколько стесняясь этого, прячась в телевизионные сериалы, чтобы хоть немного прикоснуться к чужой, другой, возможной, счастливой жизни. И на исходе третьего десятка лет прячутся по домам, реже показываются где-либо, уходят в самобичевание, а счастье – “это для молодых и красивых”».

Даже провинциальный праздник (например, традиционно ежегодно проводимый День города) не скрашивает, а лишь усугубляет убогость провинциальной повседневности: «Что отличает ярославский праздник? Поглощение несметного количества пива, жесткая нехватка туалетов, мусор, валяющийся везде, где можно, но не в урнах, и, конечно же, выступление звезд (если их можно так назвать) отечественной эстрады». «Если не брать в счет рестораны высшего класса, то у нас остаются бары и кафе. За всей напыщенностью и пафосом этих заведений, скрывается ужасное обслуживание, типичная провинциальная

охрана без манер, пьянство, которое после закрытия, выбирается на улицы города».

Таким образом, для большинства студентов, участвовавших в опросе, российская провинция «выглядит очень скучно и тускло». Это «ярмарка несбывшихся надежд», «неудачный и блеклый двойник своей столицы». Но не все были столь категоричны в оценке социокультурного уровня провинции. Встречались и нейтральные, лишенные субъективности суждения, характеризующие провинциальный город как «город, где жизнь людей течет неспешно, размеренно, где существует разделение дневного времени суток и ночного времени суток. Где, может быть, сохранилось гужевое движение, а общественный и личный автотранспорт в “пробках” не стоит».

Некоторые авторы суждений, апеллируя к фактам ускоряющегося роста и распространения информационных технологий, отмечали, что «провинция, начиная со второй половины 20-го века, перестает быть краем света в информационном плане, благодаря интенсивному развитию систем коммуникации, что помогает провинциалам быть столь же осведомленными о событиях, происходящих во всем мире, как и столичным жителям». Но даже этот факт, казалось бы, столь отрадный и обнадеживающий, приводит к негативным последствиям: «благодаря благам интернета, телевидения и прочих средств передачи информации провинциальные города шагнули далеко вперед, отдавшись в общее течение прогресса, однако лишились немалой части своей уникальности».

Но если провинция столь неприглядна и непривлекательна, в чем же ее ***уникальность***, которую так страшно потерять и наличие которой, как ни парадоксально, студенты признают? «Уникальность российской провинции заключается в том, что она воспринимается как своеобразный “мир”, обладающий помимо географических и исторических особенностей, набором собственных черт, характеристик. Например, это близость культурных процессов к человеку, а человека к природе». Уникальность русской провинции состоит в «самодостаточности», «сохранении и трансляции народных традиций», а главное, что отмечают многие студенты, – в людях, которые являются одновременно творениями и творцами провинциальной среды.

На основе студенческих эссе можно составить ***психологический портрет человека из провинции***, который интересен еще и тем, что, по мнению некоторых студентов-журналистов, «хранит в себе исконно русские ценности», то есть фактически становится отражением традиционной русской ментальности и «загадочным проявлением “русской души”».

Ограниченность ресурсов, свойственная провинции, порождает определенную непритязательность и сплоченность. Например, для жителей поселка главным источником информации является единственное местное издание, зато оно «объединяет всех жителей, для которых персонажи статей – это друзья, знакомые, знакомые знакомых или люди, с которыми они (или их дедушки с бабушками) когда-то работали».

В провинции «живут, как одна семья, на глазах друг у друга, зная обо всех бедах и радостях», что формирует особый психотип – «открытого», «простодушного», «доверчивого», «приветливого», «отзывчивого» человека: «у нас есть добрые соседи <…> и если что-то потребуется, то можно просто пройти в тапочках метр по площадке и попросить»; «забежать в гости без приглашения для многих провинциалов России – привычное дело, ну а про русское гостеприимство известно всему миру, голодным вы не останетесь»; «открыты для знакомств или просто общения даже с людьми, которых они никогда не встречали и больше никогда не встретят. Эти светящиеся глаза в каждом идущем навстречу»; «нам охотно открывали дверь. Приглашали войти. Отрывались от своих дел и начинали погружаться в нашу ситуацию. Ни один человек не выразил недовольства, раздражения»; «люди в провинции живут в другом ритме. Они не бегут. Не торопятся. Не суетятся. Они умеют останавливаться неспешно. Они не растеряли главного – веры в человека».

При этом отзывчивость и радушие могут сочетаться с «неуважением к старикам, да и просто к людям, которые взрослее тебя», с «хамством, которое встречаешь на каждом шагу», с «привычкой очень часто обманывать приезжих людей».

Жизнь в тесном кругу знакомых, неспешный ритм существования рождают и другую тенденцию: «в провинции все друг друга знают, и поэтому каждый стремится возвыситься перед соседом, другом, коллегой. Каждый живет в перманентном со-

ревновании, соревнуются во всем»; «у людей в этом городе, кажется, куча времени, они никуда не спешат, ну или, по крайней мере, так кажется, но у них всегда есть время изучить проходящего мимо, не нужно ли ему чем-то помочь, или какие-то другие вопросы у них в голове, но, тем не менее, они обязательно дадут оценку каждому проходящему».

Одним из главных поводов для соревнования становится уровень материального достатка, который считывается «оценивающим или высокомерным взглядом» с одежды: «По одежке встречают в провинции и своих гостей <…> Броскость и яркость – черты провинциальной моды. Ведь как еще сделать, чтобы тебя заметили?» Русским провинциалам свойственны «подражательность крупным столичным городам в плане внешнего вида и высокая привязанность к материальному миру. Русские думают, что это одна из возможностей привлечь к себе внимание и продемонстрировать свой статус в обществе». Провинциалы «трудолюбивы и нелениви, желание заработать деньги стоит на одном из первых мест».

Прагматизм жителей провинции, который, вероятно, продиктован необходимостью «выживать в более жестких условиях материального порядка», сочетается с идеализмом – «мечтами о красивой жизни», «легкой наивностью, упертостью и стремлением покорить столицу», «созерцательностью и излишним любопытством». «Провинциал находится в спокойном состоянии душевной организации, это и гармония с самим собой, и размеренность образа жизни. То есть он находится вне динамики». Жизнь «вне динамики» вовсе не означает отсутствия внешней активности: «люди более суетливые, вечно встретишь очередь в магазине, в аптеке, постоянно идет “борьба за место” в маршрутке, на работе каждый выполняет не только свои обязанности, а даже сверх того, студенты порой тоже бывают заняты тремя делами одновременно»; «наши люди после работы и в магазин за продуктами успеют, и к старикам-родителям заскочат, ужин сготовят, семью накормят, да еще и погулять успеют».

Жители провинции, по мнению молодых людей, которые в этой же провинции родились и выросли, лишены скорее не внешней, а внутренней динамики, что оценивается респондентами и как положительная черта («это человек в основном спо-

койный, который любит стабильность во всем»), и как негативный фактор («апатичные, серые, сонные, безразличные, беспокойные»; «у нас попробуй-ка кого-нибудь организовать, да и просто попросить что-то сделать! Никто не хочет ничем заниматься и за что-то браться! Спорт у нас вообще перестал быть актуальным, мало кого интересуют театры, концерты»).

Пассивность провинциала может перерастать в суровый консерватизм и интолерантность ко всему новому и иному («в нашей русской провинции все еще не свыклись с неформальными движениями. На таких людей часто оборачиваются, показывают пальцем и начинают шептаться»; «люди из провинции испытывают тягу к западным цивилизациям, стараясь повторить их быт, культуру, в особенности моду, в какой-то степени тип отношений. Но не каждому из нас понятны примеры Запада, зачастую они вызывают у нас бурю эмоций и непонимания. В какой-то степени провинциальных людей можно назвать “дикими”»), а может трансформироваться в «самоедство, уныние, ощущение собственной никчемности и закрытость миру». Люди, живущие в провинции, «склонны к самокритике и надрыву в самобичевании, любят осмысливать и обсуждать свою жизнь, причем обсуждать невзгоды собственной жизни», «со временем кокон самокритики сжимает людей так крепко, что они уже и сами верят в свое несчастье. И грустно ездят с угрюмыми лицами в общественном транспорте не дальше соседнего города по праздникам».

«В русском провинциальном сознании соединяются жесткая самокритика и одновременно жалость к себе, а из жалости вырастает самооправдание, а самооправданию свойственно перекладывание вины: на государство, географические, экономические, политические устройства страны, чиновников, столицу и “заграницу”, куда когда-то не уехал... А мог ведь…».

Одна из студенток предложила ***условно разделить провинциалов на три группы***: «провинциалы-подражатели», заимствующие модели поведения в столичной культуре и склонные «кичиться отсутствующими достоинствами», «провинциалы-интеллигенты» (представители научной сферы и люди преклонного возраста) и так называемые «безымянники». «Представители “безымянной” группы провинциалов наиболее многочислен-

ны и встречаются в любом районе Ярославля. Это те, к кому применимо понятие “провинциализм”, включающее в себя самоуничижение, забитость, убеждение в невозможности что-либо изменить. ”Безымянников” не то чтобы устраивает их жизнь, они любят на нее пожаловаться, но, тем не менее, продолжают жить все в том же ритме, режиме, условиях. И не собираются что-то менять. Просто не могут в силу врожденной провинциальной безынициативности».

В приведенном выше фрагменте представляются особенно интересными дефиниция «безымянники» (безымянность как безликость, неопределенность, аморфность) и определение «врожденная», которое подразумевает некую предзаданность и непреложность. В соотнесенности с существительным «безынициативность» в этом определении сквозит ощущение обреченности и безысходности, словно «провинциал» – это не социотип, формирующийся средой, а биотип, рождающийся с устойчивым набором психических качеств.

В некоторых студенческих эссе был затронут лингвистический аспект восприятия провинции: провинциальная культура обладает собственной языковой спецификой. В качестве примеров можно привести следующие наблюдения: «Большинство диалектизмов Ярославля было забыто, но сохранились такие отличия, как неправильная постановка ударения (приглАсят, позвОнишь и т. д.), исковерканные слова. В Ярославле трехлитровую банку называют баллоном, а сахарный песок подразделяется на сахар (кубиками) и песок (рассыпной). Только в Ярославле говорят «сарайка». Хотя более молодое поколение (и не только оно) меньше искажает язык, говорит более правильно, чем даже в столице (московское аканье)»; «Речь рыбинцев часто грубая и неразборчивая. Многие тянут слова или наоборот говорят слишком быстро, упрощают слова, например, говоря “че” вместо “что”. Часто используются такие слова, как “хоть” (например “Куда хоть?”), “то” (“Где ты находишься-то?”)»; «Основной фонетической чертой гаврилов-ямского наречия является оканье, то есть различение гласных [о] и [а] после твердых согласных в безударных слогах (болото), (огород). Другой важной диалектной особенностью является развитие [а] после мягкого согласно-

го перед твердым в безударном положении, так называемое «яканье»: набярут, земляника, кипятильник».

Таким образом, *географически* русская провинция – это территория, находящаяся за пределами столицы, *в социально-экономическом отношении* – это мир маленьких возможностей, скудного выбора, ограниченных ресурсов и слабой информационной насыщенности, *в лингвистическом аспекте* – это особая языковая среда с диалектами, говорами и искажениями. *Психологический портрет* жителя русской провинции противоречив и дихотомичен и объединяет такие черты, как отзывчивость и интолерантность, наивность и прагматизм, трудолюбие и апатичность, комплекс неполноценности и «комплекс духовного самодовольства».

Следует отметить, что образ русской провинции, составленный на основе студенческих эссе, не является объективным и абсолютно соответствующим действительности. Взгляд студентов субъективен, иногда излишне эмоционален и категоричен, в чем-то наивен, но интересен и важен тем, что позволяет увидеть отношение провинциальной молодежи к среде своего обитания, которая кому-то представляется «уютной» и «родной» («Я не согласна с тем, что провинция считается синонимом деревни. Это абсолютно полноценный город, в котором есть все то же, что и в столице, только с меньшей территорией, уютный, немного отстающий, но со своими достоинствами»), а кому-то – невыносимой и вызывающей желание уехать в столицу или за границу («Над провинцией в России нужно еще работать и работать. Вернуть ей тот «дух» спокойного местечка. С основными памятниками культуры. Но самый хороший вариант (на мой взгляд) – выезд за границу»).

Провинция – это, прежде всего, люди, и, характеризуя их, респонденты в какой-то степени характеризовали себя. Как резюмировала свое эссе одна студентка, «в современном мире люди, живя в провинции, не все, но многие, чувствуют себя несколько обделенными, второсортными людьми. На мой взгляд, в этом и заключается проблема современной провинции. Она не в городе, а в людях».

Глава 16. Личность провинциального интеллигента в индивидуальном, социально-профессиональном, национально-культурном и глобализационном дискурсах

Д. Ю. Густякова

В ходе реализации серии исследований по теме «Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах», осуществляемых Научно-образовательным центром ФГБОУ ВПО «ЯГПУ им. К.Д. Ушинского» в рамках выполнения федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», было проведено интервьюирование ведущих представителей региональной культуры, промышленности, менеджмента г. Ярославля.

Интервьюирование проходило в два этапа.

На первом этапе, осуществленном в 2012 г., были проведены интервью со следующими ведущими региональными деятелями:

Величко Валерий Васильевич, директор музея истории города Ярославля;

Груздев Михаил Вадимович, первый заместитель директора департамента образования Ярославской области, доктор педагогических наук (в настоящее время занимает должность директора департамента образования Ярославской области);

Кузин Александр Сергеевич, народный артист Российской Федерации, заслуженный деятель искусств РФ, лауреат Международной премии им. К. С. Станиславского, член-корреспондент РАЕН, профессор Ярославского государственного театрального института;

Лавров Валерий Александрович, президент Ярославской областной торгово-промышленной палаты, член Правления Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, член Правления Российского союза товаропроизводителей, член-корреспондент Международной академии науки и практики организации производства, главный редактор журнала «Деловые вести Ярославии»;

Сорокина Лариса Юрьевна, директор департамента культуры Ярославской области (занимала должность с 2008 г. до 2012 г.);

Федоров Александр Германович, руководитель службой управления имуществом Северной железной дороги – филиала ОАО «РЖД».

На втором этапе, осуществленном в 2013 г., были проведены интервью с представителями менеджмента региональной системы образования:

Афанасьев Владимир Васильевич, ректор Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, доктор педагогических наук, профессор, действительный член РАЕН и Международной академии информатизации, председатель общественной палаты Ярославской области;

Кудряшов Николай Николаевич, профессор, заведующий кафедрой архитектуры Ярославского государственного технического университета, советник губернатора Ярославской области;

Русаков Александр Ильич, ректор Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор химических наук, профессор;

Синотина Елена Владимировна, заместитель директора по учебно-воспитательной работе средней общеобразовательной школы № 36, учитель высшей квалификационной категории, кандидат искусствоведения;

Соколова Ольга Борисовна, директор МАОУ ДОД «Детская школа искусств № 1 г. Ярославля».

Ход, содержание и жанровые особенности проведенных бесед в значительной степени определялись профессиональной принадлежностью и спецификой деятельности интервьюируемых. Наряду с краткими, лаконичными, но вполне репрезентативными ответами, нами были получены также вдумчивые пространные размышления, демонстрирующие высокую степень вовлеченности и заинтересованности респондентов к проблеме дихотомии «провинциальность – столичность», предложенной к обсуждению, но в любом случае мы получили крайне ценную для нашего исследования информацию, так сказать, взгляд изнутри.

Векторы рассуждений были направлены, в первую очередь, в сторону профессиональной деятельности опрашиваемых. Нами были получены ответы, во-первых, с точки зрения организационно-управленческой и политической деятельности; во-вторых, в контексте проблематики менеджмента общего и дополнительного школьного, а также высшего профессионального образования; в-третьих, через призму художественного творчества – театрального, архитектурного.

В основном респонденты выделяли время для интервью в своем напряженном рабочем графике, и если, с точки зрения занятого человека, этого времени было много, то в свете широкого спектра вопросов, запланированных для обсуждения, времени оказывалось недостаточно. Поэтому иногда спектр вопросов приходилось несколько ограничивать и конкретизировать рамками профессиональной сферы собеседника. Именно поэтому некоторые интервью с большой долей условности можно отнести к этому жанру – по форме они, скорее, монолог-размышление с небольшими вкраплениями уточняющих вопросов.

Таковы, например, провоцирующие на споры и дальнейшую рефлексию, живые и интересные размышления режиссера-интеллектуала и руководителя актерской мастерской об испытании свободой и о миссии театральной школы в провинции, о постановках русской классики в провинциальном российском и в зарубежном столичном театре. Или монолог практикующего архитектора, увлеченного деятеля, идеалиста, в котором провинция предстает через архитектуру пространства (города и судьбы), архитектуру времени и мышления, архитектуру как константу искусства, психологии и социальной жизни.

Интервьюируемые во всех случаях предварительно знали общую тему разговора (однако несколько собеседников в силу «руководящей» привычки или потому, что анкеты распространялись в руководимых ими коллективах, имели полный текст опроса заранее). Особенно интересно было следить за самим ходом беседы, когда, отвечая на вопросы, герои словно размышляли вслух, вдумчиво, порой эмоционально, при этом в ответах могла ощущаться некоторая осторожность, но интервьюеры не отмечали формализма по смыслу речи или равнодушных интонаций. Однако в этом случае респонденты не имели возможно-

сти подготовить формулировки и импровизировали, поэтому в ответах могла отсутствовать строгая логика. Вместе с тем, тот факт, что респонденты возвращались к ранее обозначенным проблемам или не до конца сформулированным мыслям, свидетельствовал, скорее, о заинтересованности и погруженности в разговор, о стремлении быть убедительными. Более того, ход и результаты беседы позволяют предположить, что интервью актуализировало мысли и ощущения, ранее уже посещавшие собеседников, предоставив респондентам возможность структурировать разрозненные впечатления и выстраивать систему представлений о провинции. Иногда, напротив, респонденты сразу давали уверенный, четкий ответ, контролировали себя, были сдержанны в эмоциях, следили за хронометражем беседы, при этом создавалось впечатление, что предложенные темы уже глубоко осмыслены, неоднократно становились предметом обсуждения, носят личный характер и потому не воспринимаются как повод для эффектных риторических упражнений.

Некоторым респондентам сценарий разговора был известен из заранее предложенной анкеты, таким образом, они имели возможность самостоятельно следить за логикой беседы, сверяясь с последовательностью вопросов анкеты, некоторые при этом письменно фиксировали ключевые слова ответов. Зачастую комфортность ситуации поддерживалась и тем, что в качестве интервьюера выступал сотрудник интервьюируемого или человек, хорошо знакомый либо встречающийся с интервьюируемым не впервые, при этом беседа происходила в привычной для респондента обстановке личного рабочего кабинета. Поскольку собеседники достаточно хорошо знали друг друга и могли неоднократно общаться, в том числе и на неформальные темы, постольку создавалась предсказуемая и психологически комфортная атмосфера беседы, а предложенное интервью воспринималось как возможность отвлечься от текущих дел, снять психологическое напряжение сложного дня.

Характерно, что некоторые *герои* в начале беседы не отличались многословием, были сдержанны, вдумчивы, отвечали на вопросы решительно и определенно и лишь потом могли развернуть мысль в более свободном рассуждении. Таким образом, в эмоционально-психологическом плане такие интервью услов-

но можно разделить на две части: первая имеет конструктивно-аналитический характер и эмоционально нейтральна, тональность второй – лирико-драматическая, в ней появлялись задушевные обертоны, пробуждалась личная мотивация. На первый взгляд не склонный к сентиментальности герой обнаруживал искреннюю заинтересованность в тематике, отсылающей к воспоминаниям детства, истории рода, города, личностного и профессионального становления. В этой связи примечательно, что даже если интервьюер предпочитал в устной беседе избегать вопросов о месте рождения и образования респондента, полагаясь на то, что все они содержатся в открытых источниках, то интервьюируемый сам начинал разговор с этой информации. Подчеркнем, что почти все интервьюеры отмечали живую реакцию героев на вопросы, отсылающие к воспоминаниям, притом некоторые респонденты либо вообще оставались равнодушными к аналитическим суждениям, либо стремились перевести их в практический план.

Далее предлагается развернутый анализ материалов интервью, выстроенный в соответствии с порядком расположения вопросов в предлагавшихся нами опросных текстах.

1. Где Вы родились – в провинции или в столице?

Все респонденты, ответившие на первый вопрос анкеты, указали в качестве места рождения провинциальные города и регионы России: Ярославль, Рыбинск, Любим, Калининград, Костромскую область, – однако не все интервьюируемые определяют Ярославль, в котором живут и работают в данное время, как провинциальный город.

Размышляя в русле традиционной дихотомии: Москва – столица, остальная Россия – провинция, почти половина респондентов относится к Ярославлю как к городу, который не может быть однозначно назван провинциальным. В частности, было высказано мнение, что Ярославль нельзя считать провинцией или столицей, так как провинция начинается там, где люди считают себя провинциалами, поэтому провинция и провинциальная наука есть и в Москве, и это нормальное явление, в этой связи Ярославль «*еще имеет шанс не называться провинцией*». Интервьюируемые подчеркивали, что в определенном масштабе Ярославлю присуща столичность, характеризуя его как «*обла-*

стную столицу», «*губернский город*», город «*со своими традициями и нравами, с устроившимся образом жизни и определенными правилами, по которым живут горожане*». Также звучало суждение о том, что и Рыбинск, наряду с Ярославлем, нельзя назвать провинцией, так как житель любого города считает другие меньшие населенные пункты провинцией, что ошибочно, ведь «*"провинциалы" не уступают горожанам ни в образовании, ни в уровне интеллектуального и культурного развития*».

Респонденты, однозначно определившие Ярославль провинциальным городом, по рассуждениям, которыми они мотивировали свой выбор, могут быть разделены на две условные категории: «рациональные провинциалы» и «эмоциональные провинциалы».

С рациональной точки зрения, российская провинция трактуется героями интервью как специфический культурный феномен, не географическая, а скорее «метафизическая» категория, характеризуемая особым ритмом и психологическими признаками, главные из которых связаны с особенностями проживающих здесь людей и их образом жизни. Это менее напряженный, по сравнению со столицей, темп жизни, менее насыщенная информационная среда, что, по мнению участников опроса, является ключевым фактором, разграничивающим провинцию и столицу. Вторая составляющая – это признаки социально-экономического свойства: экономика и личностные характеристики – две стороны одной медали. Ведь, по мнению респондентов, провинция сегодня менее насыщена экономическими процессами, здесь менее активны бизнес-процессы, а потому стандарт жизнеобеспечения человека в столице и провинции разнится – в столице больше возможностей, больше социальных услуг, а в провинции меньше возможностей выбора. Провинция – это проблемное поле, огромное пространство, над которым нужно работать. Причем самые серьезные проблемы у сельских территорий, к которым в основном (возможно, неосознанно) некоторые респонденты отнесли термин «провинция». В качестве проблем русской провинции были обозначены неразвитость коммуникаций, недостатки государственного управления территориями, заниженный уровень самооценки и неготовность людей к переменам.

Другой взгляд на родной город как на провинцию проявился через эмоциональные ощущения героев: ностальгические воспоминания, сентиментальные и лирические настроения. Здесь мы получили несколько векторов рассуждений:

- описание событий, сохранившихся в памяти, с которыми связаны детские впечатления: «*Я родился в городе Любиме Ярославской губернии. Очень этим горжусь, очень чту нашу землю, родину, стариков. Тихое, настоящее, чистое место*»; «*Помню, как мальчишками бегали мы на местный базар, где цыгане торговали красивыми конями, как прыгали зимой с крыш в сугробы, как однажды, после этих полетов, забыв переодеть рыжие заплатанные валенки, пришел на урок и, вызванный к доске, потерял от стыда дар речи <…> Мне все это дорого до слез, до дрожи*»;

- воспоминания о родных и любимых людях: *родители*, *бабушка* и *дедушка*, *друзья, первая любовь*;

- указание материальных примет времени и пространства, оказавших влияние на дальнейшую жизнь: «*маленькие частные домики с огородиками – вот оно, первое трудовое воспитание*»; «*Первое воспоминание, самое яркое – это замок Фюрстенберга. Может быть, это судьба, может быть – рок, предначертание. По-разному можно судить. Я каждое лето проводил в Любиме у бабушки. Там и произошло первое свидание – как тогда казалось мне – с чужой архитектурой, чужим миром, миром рыцарей, ливонцев, немцев. На реке Обноре, в 7 верстах от города Любима, в заповедном местечке стоял сказочный замок фантастической красоты. Нас, мальчишек, он просто покорил своей необычностью. Мы катались на катере до замка Фюрстенберга и обратно, играли там. Вот так "немет-чина" меня и ранила с рождения*»;

- эмоционально окрашенные рассказы о памятных, дорогих местах, свидетельствующие об «укорененности», о связи с локусом, воспринимаемым и маркируемым как «Родина»: «*Родина – это много, это сложно. Это и ландшафты, и визуальный ряд, и город, и храмы, это и древний вал, и замок Фюстенберга, и постоянные путешествия из Сибири в Любим и обратно, на каникулы*». ***Чем Вас притягивал Ярославль? Что для Вас Ярославль?*** – «*Это, конечно, могилы: бабушка, дедушка. Это рощи,*

леса. Я очень люблю лес, я лесной человек. Люблю гулять по лесу. Таких лесов, как здесь, даже в Сибири я не находил. Просто общее чувство того, что мы, архитекторы, называем гением места, духом места, genius loci. Все свое. Ты чувствуешь себя на месте. Есть полная уверенность, что это твое место. Ты здесь нужен людям, своим коллегам, своим друзьям, ученикам. Для меня это очень важно. Почти четверть века я отдал созданию собственной высшей архитектурной школы в Ярославле. Это главное дело моей жизни. Это мое место: я очень спокоен, счастлив. И в полной мере осознаю смысл этого слова. Ярославль всегда манил, всегда притягивал, всегда я считал его первой, основной и единственной своей родиной».

2. Где Вы получили образование – в провинции или в столице? Какие Вы видите качественные различия собственного образования и образования Ваших коллег в разных регионах, в зависимости от места обучения?

Большинство респондентов получили профессиональное образование в провинциальных вузах: педагогический, строительный и технический в Ярославле, технологический институт в Костроме, Рыбинский авиационный технологический институт; некоторые из них продолжили свое обучение в московских вузах – Академия общественных наук, архитектурный институт, педагогический институт им. Мориса Тореза; также один респондент признался, что мечтал после школы поступать в московский вуз, и хотя близкие «*не рискнули отпустить меня в столицу, но им я бесконечно благодарен*». Только один респондент указал местом первого и единственного высшего образования «столичный» вуз, имея в виду Ленинградский государственный университет имени А.А. Жданова и позиционируя Ленинград как «*советскую столицу*».

Отвечая на вопрос о своем образовании, многие интервьюируемые трактовали его широко и начинали с повествования о школьных годах, а также довольно подробно рассказывали о своей общественной деятельности в период получения общего и высшего образования. Некоторые респонденты в контексте своего профессионального становления упоминали творческую деятельность в сфере дополнительного образования – драмкружок во Дворце пионеров, студенческую «Школу молодого лектора»,

подчеркивая, что эти занятия очень помогли потом в жизни: «*Перед любой аудиторией я чувствовал себя свободно*». Также, говоря об образовании, герои интервью рассказывали о людях – учителях, преподавателях, руководителях, – которые оказали наиболее значительное влияние на их личностное и профессиональное формирование. Подчеркнем, что на вышеназванные моменты обращали внимание те герои, которые в большей степени связывали себя с пространством провинциального города, поэтому, можно предположить, что глубокая «укорененность» в определенной социокультурной среде и тесные межличностные отношения между учителем и учеником в большей степени характерны для провинциального человека.

Мнения о специфике «столичного» образования по сравнению с «провинциальным» оказались самыми различными и, в первую очередь, были обусловлены кругом профессиональной деятельности респондентов. Многие респонденты, разумеется, без предварительной договоренности (что позволяет сделать *вывод о системной, как ментальной, так и социально профессиональной гомогенности «провинциальной» интеллигенции в возрасте от 40 до 65 лет*), сошлись во мнении, что принципиальной разницы между уровнями столичного и провинциального образования нет. В частности, неоднократно высказывалось мнение, что эти два понятия в принципе нельзя соотносить, так как качество образования и его результат во многом зависят исключительно от самого человека и от его личности: «*Какой бы ни был замечательный вуз в Москве, какие бы знания не давали там, и даже если человек получит красный диплом, но при этом в течение нескольких лет он не будет интересоваться профессией, повышать уровень своих знаний, узнавать новинки в профессиональной отрасли, то очень скоро он потеряет все знания и останется практически ни с чем. И при этом другой человек может учиться в самом обыкновенном институте, получать четверки и быть профессионалом в своей деятельности, поскольку работа и специальность ему действительно интересны, он постоянно чему-то учится и совершенствует свои знания*».

Большинство респондентов предпочитают оценивать людей не по месту получения образования, а по профессиональным качествам. При этом своим собственным образованием, по-

лученным в провинциальных вузах, интервьюируемые вполне удовлетворены и высказывались в таком духе: «*Собственным образованием я доволен, оно было совершенно адекватно последующей производственной деятельности*». Также была сформулирована идея о том, что провинциал более способен «сделать себя сам» в профессиональном плане, добиваясь успеха «*вопреки обстоятельствам*» и «*благодаря "провинциальному комплексу", стремлению соответствовать своему высокому статусу*».

Респондент, получивший образование в Ленинградском вузе, который он считает столичным, высказал мнение о том, что «*качественное образование в столице и качественное образование вне столиц в некоторых случаях отличается некоторой тщательностью, большим академизмом и большей строгостью и, безусловно, оно более ровное*». И мотивировал свою точку зрения следующим образом: «*в хороших университетах вне столицы может быть несколько научных школ, 50 % очень хороших преподавателей и два совершенно выдающихся, то в столице, по крайней мере, так было раньше, не было слабых преподавателей и непрофессиональных людей*». Наряду с этим доводом, он указал еще важный признак, характерный для столичного вуза, – неразрывную связь научной школы с учебным процессом. Тот предмет, который преподается, одновременно является предметом научных исследований преподавателя: «*Невозможно было представить, что кто-то преподает химию или математику, не занимаясь этим как ученый*». В то же время респондент подчеркнул, что в современной ситуации все изменилось, образование теперь – это услуга, следовательно, первой задачей образования становится соответствие рынкам, потребностям и желаниям: «*Потребительское отношение к любой ценности, включая образование, которое является ценностью национального масштаба, вызывает совершенно дикие вещи. Поэтому возникает провинциальное в самом худшем смысле этого слова образование в Москве, и еще более провинциальное образование на периферии*». Поэтому, исходя из дальнейших суждений героя, можно сделать вывод, что для него дихотомия «провинция – столица» расширяется до соотношения «Россия – Запад». Также он обратил внимание, что до появления информационных технологий, которые внесли свой вклад в развитие об-

щества, провинция была отделена не только географически, но и информационно. Сейчас эта граница ушла, но расстояния остались, поэтому теперь провинциализм зависит в основном от человека и от его умения и желания развиваться самостоятельно. В качестве важного критерия развития образования интервьюируемый указал на стремление молодых людей изучать иностранный язык и на уровень владения им и отметил, что в этом ракурсе столицы идут несколько впереди, причем там это начинается со школ, поэтому, по мнению респондента, уровень столичных школ заметно выше уровня провинциальных школ.

Не менее репрезентативны и интересны оказались рассуждения респондентов о специфике столичного и провинциального образования через призму их профессиональной творческой и преподавательской деятельности.

Например, один из героев интервью комментирует отношение «столица – провинция» в своей профессиональной сфере следующим образом: «*Все великие архитекторы мира вышли из очень маленьких городков, сел, деревень, хуторов. Это Ле Корбюзье и Аалто. Город Аахен – родина великого Миса ван дер Роэ – это тоже маленький город с очень теплой атмосферой. Очень важно, конечно, где ты родился, что составляло твой мир, образный мир, в первую очередь. Для нас, архитекторов, – даже не слова, не песни, не музыка, а прежде всего – картинки. Яркие картинки*». И хотя респондент считает своей настоящей родиной Ярославскую землю, при этом Москва для него тоже не чужой город: «*Половина того, что во мне есть как в архитекторе, – это, конечно, МАРХИ, мои учителя*». По его мнению, представители творческих профессий меньше “привязаны” к месту, имеют обширные культурные контакты в своей стране и за рубежом. Именно поэтому в 90-е г., в период становления ярославской высшей архитектурной школы, Германия фактически стала ее «*второй научной родиной, второй Alma mater и крестной матерью*», ведь руководитель ярославской архитектурной школы стал приглашенным профессором Кассельского университета, потом работал в городах Дармштадт, Дюссельдорф и имел возможность устанавливать плотные контакты с коллегами. В этой связи фактически западноевропейское государство сыграло роль «столицы» по отношению к «большой

провинции» – Советскому Союзу и «малой провинции» – Ярославлю, так как в нашей стране в тот период резко менялись и учебные планы, и программы, но ярославским архитекторам разрешили «*начать с нуля, взяв за образец немецкую архитектурную школу*».

Другой герой нашего опроса, рассматривая вопрос «*столица – провинция*» с точки зрения современной театральной школы, в первую очередь обозначил проблему смены приоритетов в театральной педагогике: «*Уходит высокая миссия, профессия театрального актера становится утилитарной. Все вокруг подчиняется коммерции*». И подчеркнул, что, хотя сейчас нет идеологического прессинга и информационных границ, но сегодняшним абитуриентам живется гораздо сложнее, чем прежним: «*Испытание свободой – очень страшное испытание. Жить вне идеологии, действительно, трудно. Систему запретов нужно выстроить для себя самостоятельно. Грустно смотреть, что молодые люди воспринимают эту самую свободу как распущенность. Выросло поколение неграмотных людей, необразованных и невоспитанных. Они хорошо знают компьютер и языки, но совсем не привыкли читать. А ведь только хорошие книги могут воспитать воображение, развить природу чувств*». Причем герой интервью не связывает эти проблемы с региональными характеристиками, очерчивая фактически общую и для провинции, и для столицы ситуацию и определяя общую для любой территории образовательную задачу русского театра «*приподнять современную молодежь до своего уровня, а не играть на их поле*». Респондент подчеркивает, что «*в одном отдельно взятом городе – будь то столица страны или «столица» отдельного региона, – вряд ли можно изменить глобальную ситуацию*», так как перевоспитать целое поколение возможно, если только каждый человек захочет этого сам. В общем-то, рассуждения героя иллюстрируют и подтверждают мысль, что представители творческих профессий в меньшей степени ощущают зависимость своей деятельности от конкретного места и профессиональную привязанность к любому – столичному или провинциальному, российскому или зарубежному – локусу.

3. Какие состояния характерны для Вас в моменты пребывания в столице: удовольствие, тревога, возбуждение, растерянность, раздражение (свой вариант…)?

Отвечая на этот вопрос, респонденты отмечали самый разнообразный спектр эмоциональных состояний. Следует отметить, что взрослые, обладающие значительным жизненным и профессиональным опытом жители провинции в принципе готовы к рефлексии по данному вопросу, кроме того, свободны в признании позитивных или негативных эмоциональных состояний, то есть не стремятся приукрасить себя (как «непровинциала», привычного к столичным реалиям) или последовать тенденциям массового сознания в его готовности к антиномичному восприятию двух культурных сфер.

Одни воспринимают столицу, в первую очередь, как место работы, деловых переговоров, обучения, повышения квалификации, поэтому не испытывают ни удовольствия, ни раздражения, но только желание собраться и сосредоточиться. У кого-то, напротив, пребывание в столице вызывает противоречивые чувства в диапазоне от удовольствия до раздражения, сопровождающиеся интересом к ситуации. Другого респондента столичная суета раздражает, но он ценит возможности столицы и те впечатления, которые она может предоставить. Один из героев разделил свои ощущения в зависимости от пребывания, во-первых, в «*советской столице Ленинграде*», вспомнив свои студенческие годы и парадоксальное сочетание чувств растерянности, одиночества, восхищения масштабами и радости от возможных перспектив и постижения чего-то нового. И, во-вторых, свое восприятие сегодняшней Москвы, которая вызывает ощущение раздражения во время пребывания там и ощущение удовольствия при отъезде оттуда. Респондент отчасти объясняет эти чувства своей профессиональной деятельностью, потому что ему «*очень редко удается приехать в Москву с целью получения удовольствия*». С другой стороны, интервьюируемый отмечает масштаб и интенсивность столичных событий по сравнению с Ярославлем: «*Безусловно, этот темп утомляет, угнетает. Но в Москву едут не отдыхать, а работать, а отдыхать можно и под Москвой. Провинция пока это место отдыха от столицы. Это смена темпа жизни*». И только один респондент заявил,

что столица не вызывает у него никаких особенных эмоций: «*Я к "перемене климата" равнодушен, наверное, у меня врожденный иммунитет – спокоен и бесстрастен и к "угрозам", и к "радостям" столицы*».

4. Какие материальные предметы (элементы среды, здания, вещи) Вы считаете приметами провинции?

Отвечая на этот вопрос, многие респонденты акцентировали внимание на проблемах провинциальной инфраструктуры: недостаток культурных объектов, однообразие и бедность магазинов, обилие старых зданий по сравнению с новыми сооружениями – «*дома пониже, асфальт пожиже*», отмечая, что провинция «*всегда работала на столицу, а сама ходила в обносках*». Однако не все опрашиваемые связывали состояние провинциальной материальной культуры с экономическими проблемами, но со специфическим менталитетом, который красноречиво отражается в формуле «*чем хуже дороги, тем выше каблуки*»: особый размеренный ход провинциальной жизни, с одной стороны, определяется суровым бытом, но, с другой стороны, определяет особый склад характера и взгляд на мир – «*разумный, серьезный, ответственный, мудрый и… вызывающе оптимистичный*». Вместе с тем, респонденты говорили и о необходимости развития провинции и, прежде всего, в сфере коммуникации: «*Понятно, что дороги – традиционно больная для нас тема, но я полагаю, что развитие информационных коммуникаций, обеспечение оперативного доступа к качественной, разносторонней информации, предоставление возможности оценивать эту информацию являются приоритетными для сельских территорий. Это не приведет к быстрым результатам, но постепенно будет меняться сам менталитет сельского жителя*». Экстраполируя понятие «провинция» на сельскую местность, интервьюируемый формулировал традиционную российскую проблему – серьезные недостатки развития сельских территорий страны, усугубляющиеся урбанизацией. Населенные пункты меняют свою конфигурацию – «*нам предстоит понять, как будет развиваться экономика сельских территорий, потому что от этого будет зависеть социальная система*», в частности, респондент высказал мнение, что негативные черты, отмечаемые у

сельского жителя, связаны с переходной экономической ситуацией, заложником которой он фактически оказывается.

Наряду с критическим взглядом на материальную культуру провинции, следует отметить и ностальгическое отношение к ней как к родному, близкому, знакомому, привычному, создающему состояние умиротворения и спокойствия пространству: «*Для меня провинция это не ухудшенная копия столицы. Это действительно особый мир, где материальное не играет столь принципиальной роли, где иначе течет время и переживается пространство. Быстро несущееся время – разве это преимущество? Жизнь пролетает быстрее, сделать по-настоящему стоящие вещи люди не успевают. В провинции все основательнее, мудрее организовано*». Провинция – это деревянные дома, рынки с бабушками, автомобили отечественного производства, одежда из синтетики, вымершие улицы в позднее время суток, бездорожье и в то же время привычная обстановка, знакомая архитектура, любимые улицы. Характерно, что двое респондентов связали с провинцией не материальные предметы в привычном их понимании, а белый чистый снег: «*Если говорить о неотъемлемых атрибутах, сопровождающих провинцию, то это 100 % – снег. В Москве тоже можно найти захолустье, но чистый снег там не найти. И еще тишина. Люди у нас ходят очень медленно. Москва – бежит. А здания, вещи можно найти где угодно*».

V. Великий русский философ Н. А. Бердяев много размышлял о сущности и судьбе русской провинции. Отметьте, пожалуйста, ту из его реплик, которая точнее всего отражает сегодняшнее (Ваше, наше общее) понимание провинциальности:

1. «Провинциализм есть другая метафизика жизни»;

2. «Русская душа подавлена необъятными русскими полями и необъятными русскими снегами… Русская душа ушиблена ширью»;

3. «Европа не есть идеал культуры вообще, Европа сама провинциальна».

Большинство респондентов согласились с высказыванием ***«Провинциализм есть другая метафизика жизни»***, объясняя свой выбор, в частности, размеренностью жизни: «*У людей*

есть возможность посмотреть на звезды, у людей есть возможность совершенно спокойно сходить на концерт классической музыки». Вместе с тем, в интервью отмечается, что Ярославль по сравнению с настоящей провинцией, например, с Рыбинском, нельзя считать провинциальным: «*Ярославль – достаточно жестко регламентированный город. А в настоящей провинции, такой как Рыбинск или, глубже, – Данилов, люди счастливы. Это, может быть, звучит странно, но в Ярославле много несчастных людей*». Немаловажно, что при анонимном анкетировании в разных вариантах выборки это суждение получило наименьшее количество откликов. Следует предположить, что для респондентов-собеседников, с известным нам социокультурным уровнем, понимание этого завуалированного по своей форме суждения великого философа не представляло сложности в плане восприятия. Это является важным, хотя и косвенным моментом, позволяющим отметить специфику массового и индивидуального уровней того, что можно назвать «провинциальной идентичностью».

Характерно, что, несмотря на выбор цитаты, приведенной выше, герои интервью комментировали, в первую очередь, третью цитату: *«Европа не есть идеал культуры вообще, Европа сама провинциальна»*. В своих комментариях респонденты, в частности, отмечали, что российская провинциальная жизнь приучает к «скромности в желаниях», но в ней нет того сугубого прагматизма, который характерен для Европы. Герой интервью обратил внимание, например, на чрезвычайно прагматичное отношение европейцев к одежде, прокомментировав это тем, что европейским провинциалам не нужно внешними эффектами «*добирать солидности*» до звания столичного жителя, так как там нет такой ощутимой разницы между городом и деревней, как в России. Другой респондент подчеркнул, что имел возможность посмотреть на европейскую жизнь и столичную, и провинциальную, при этом сравнения с российской действительностью не вызывали злости, раздражения или ироничного высокомерия: «*Просто в Европе все иначе устроено, заточено под иную конечную цель, поэтому сравнения здесь неуместны, нужно жить своей жизнью, совершенствовать ее и радоваться достижениям*».

Один из респондентов не остановил выбор ни на одном высказывании, заметив, что высказывания Бердяева были актуальны для его времени: «*Сегодня можно с уверенностью сказать, что не пространство полей подавило душу, а отсутствие информации, оторванность от мира. Оторванность от центров, где происходят события, где печатаются газеты, где идет жизнь*», подчеркнув, правда, что сейчас в связи с наступлением информационной эры эта ситуация меняется. Тем не менее, и этот респондент обратил внимание и прокомментировал третью цитату: «*Является ли Европа провинциальной? Американцы считают ее именно такой. Как европейцы считают нас провинцией. Они медленные, они оседлые. Ведь известно, что американцы – это те, кто уехал, а европейцы те, кто остались. Динамики в Европе однозначно меньше*».

Только один респондент остановил свой выбор на второй цитате Н. А. Бердяева: *«Русская душа подавлена необъятными русскими полями и необъятными русскими снегами… Русская душа ушиблена ширью»*. Он нашел, что именно это высказывание корреспондирует с его мнением: феномен российской провинции и определяющий фактор русской культуры – огромные размеры страны, и именно в этом нужно искать причины специфичности русской ментальности, которая как раз сохраняется в провинции. Однако и этот респондент отметил существенное изменение, связанное с вступлением России в эпоху информационного общества, что делает информацию более доступной для людей, живущих в сельской местности: «*Доступность информации – это, с одной стороны, ключевое ограничение, с другой стороны, ключевая возможность. И особенности информационного общества как раз экстерриториальны, они не связаны с удаленностью от столицы, что неизбежно будет затрагивать и образ жизни, и образ мыслей людей, живущих в сельской местности. Поэтому в первом приближении бердяевские цитаты абсолютно понятны и точны. Но мне кажется, что нам и прежде всего вам – исследователям, занимающимся этой проблемой, – нужно быть готовыми к тому, что облик провинции меняется, и меняется облик провинциального жителя*».

6. Один из ведущих современных отечественных социологов культуры Ю. У. Фохт-Бабушкин утверждает:

«Московские “троечники” лучше региональных, а вот “отличники” основательнее в областных и краевых центрах». Есть ли у Вас примеры, подтверждающие или опровергающие этот вывод?

Из респондентов, давших ответ на этот вопрос, большая часть склонна согласиться с предложенным высказыванием. Один интервьюируемый прокомментировал это следующим образом: «*Провинция богата самородками, целеустремленными энтузиастами, но и люмпенов здесь достаточно. Поляризация общества заметнее. А региональный «отличник» всегда «побьет» московского – воли к победе у него больше, сил ему приходится больше затрачивать на карьерное восхождение, это естественно*». Другой респондент сформулировал похожую точку зрения: «*У провинциала и ответственности, и стремления больше, у него выше сила преодоления, среди провинциалов больше людей оригинальных, особенных, неординарных*», – и указал конкретных людей, подтверждающих эту позицию своей деятельностью: «*Гиганты, титаны настоящие, уникальные деятели науки без всякой скидки на провинциальность: математик Скопец Захар Александрович, химик Корноухов, географ Дитмар, какая артистическая натура. Вот на кого нужно равняться, кому пытаться соответствовать!*»

Чуть меньшая часть респондентов отвечала на этот вопрос менее эмоционально, но мотивированно, предлагая, в первую очередь, судить по конкретным образовательным результатам, фиксируемым ГИА и ЕГЭ: «*Великий миф, который был в начале этой независимой оценки и которого все боялись, – это гипотеза, что сельская школа окажется хуже городской. В итоге у нас есть прекрасные сельские школы и есть плохие городские, то есть получается, что вопрос не в территориальном размещении*». В этой связи респондент призвал помнить об актуальном для современной школы переходе к новым образовательным стандартам, в которых предписывается достижение ребенком не только знаниевых, предметных результатов, но также метапредметных и личностных. Герой интервью полагает, что Ю. У. Фохт-Бабушкин говорил в свое время о метапредметных результатах, входящих в информационный блок, и связанных с умениями: работать с разными источниками информации; ана-

лизировать, сопоставлять и оценивать достоверность информации; принимать на себя ответственность за собственные решения, вырабатывать стратегию собственного поведения; а также очень важные для успешной жизни человека компетенции, связанные с умением выстраивать коммуникации и работать в команде. Респондент выразил мнение, что именно в данной сфере результатов сельские школьники зачастую оказываются слабее городских, и формулирует проблему как общую тенденцию: «*сельские жители не просто не привыкли, они не умеют выбирать, не готовы к перемещениям, не готовы менять собственную стратегию, они не готовы рисковать, строить планы, формулировать свою собственную линию поведения*». Участник опроса подчеркнул, что формальное образование – школьное, вузовское – не исчезнет, но неформальное образование будет все более превалировать над формальным: «*Дополнительные образовательные программы, по которым можно получить компетенции, связанные с иностранными языками, психологией, информационными технологиями, менеджментом, для успешности оказываются весьма значимыми. И здесь возможностей у сельского жителя оказывается меньше*».

Другой респондент сделал вывод, что столичные троечники лучше провинциальных только благодаря тому, что столичные школы лучше, чем в провинции. При этом он подчеркнул, что и провинциальные отличники также начинают концентрироваться в столицах: «*Лучшие школьники Ярославля едут поступать в Москву и Питер. И отнюдь не потому, что там лучше вузы. Они уезжают туда, потому что там жизнь интереснее. Либо их интересует не образование, а возможность тусовок*». Говоря о вузовских троечниках и отличниках, участник опроса также заметил, что отличник здесь – это вымирающий класс: «*Во-первых, количество знаний увеличивается и трудно быть компетентным во многих областях. С другой стороны, классическое развитие направлений науки идет медленнее, чем междисциплинарное. Сейчас требуются люди, которые должны знать две-три области, понимать, как и что работает, которые должны уметь коммуницировать со специалистами смежных областей. Тогда возникают прорывы. Требуются узкие специалисты, но они должны быть универсалами по сравне-*

нию с предыдущими поколениями специалистов, и понимать несколько развивающихся рядом областей. Поэтому возникает необходимость создавать сложные системы взаимодействия специалистов, но для того чтобы их можно было объединять в одну команду, они должны как минимум понимать друг друга и говорить на одном языке. Нужны люди, которые быстро учатся чему-то новому». Обращаясь к примерам троечников, респондент отметил, что современная российская политическая система позволяет человеку самореализоваться на нынешнем этапе развития страны, обладая не фундаментальными знаниями, а опытом, интуицией, умением коммуницировать: «*попасть в английский парламент, не имея фундаментального образования, невозможно, чего нельзя сказать о России*». Герой интервью подчеркнул, что люди, которые сейчас хотят делать карьеру и добиваться чего-либо, имеют в современной России большой инструментарий и дополнительную мотивацию.

7. Для России традиционна стеснительность, своего рода комплекс «житомирского кузена» (М. А. Булгаков), когда провинция и провинциал рассматриваются как явление и человек «второго сорта». Могут ли быть «второсортными» огромное пространство и люди, его населяющие?

Все герои живо и заинтересованно отнеслись к этому вопросу, но их рассуждения строились на разных, порой парадоксальных основаниях и приводили к противоположным выводам.

Респонденты, давшие отрицательный ответ на предложенный вопрос (всего трое), комментировали его по-разному.

Один из опрошенных, отрицая возможность считать провинцию и провинциала явлением и человеком «второго сорта», тем не менее, замечает, что все зависит от самооценки самих провинциалов.

Другой респондент в своей аргументации исходит из количественных показателей – население Москвы и «культурной столицы» Санкт-Петербурга относительно невелико, по сравнению со всей остальной территорией России, поэтому к российской провинции нельзя относиться как к явлению второго порядка: «*это мощная платформа на которой, по сути, и держится государственность, где сохраняется культура и традиции, где формируется массовое мнение и понимание*». Интер-

вьюируемый подчеркнул, что сейчас многие города присваивают себе «*столичность с припиской*», например, столица Поволжья, музейная столица, столица православия, и отметил, что ему больше импонирует термин, связанный с путешествием каких-либо проектов, фестивалей, – «*странствующая столица*», чем разделение на столицу и провинцию.

Еще один участник нашего опроса, также в отрицательном плане решивший для себя предложенную проблему, в первую очередь заметил, что люди рождаются с одинаковыми правами и возможностями, поэтому в отношении как профессиональной, так и региональной принадлежности ни о каком «втором сорте» не может идти речи. Во-вторых, проводя параллели с данной ситуацией на Западе, констатировал, что, например, в США нет проблемы территориального противопоставления столицы и провинции, более того, американцы сознательно пытаются избежать этого разделения, там «*все построено на автономии тех сообществ, которые группируются в штаты, они самодостаточны. В Вашингтоне продаются газеты всех штатов, если где-то в России я увижу такое, то это будет забавно*». Продолжая сравнение с Западной Европой, герой интервью подчеркнул, что российская провинция сравнивает себя с Москвой и Санкт-Петербургом, которые являются крупнейшими городами мира, однако в Европе масштабные характеристики уходят на задний план, например, город Бирмингем – второй по величине в Англии – занимает примерно такую же площадь, как Ярославль, при этом его нельзя назвать провинцией. Однако провинция есть и внутри столицы (и это общая ситуация как в России, так и в Европе): «*Если отойти от 7 авеню несколько кварталов, то мы попадем в захолустье и джунгли. Так же, как и в Питере на Петроградской стороне: сделав несколько шагов в сторону от центральной улицы, попадаем в дворы-колодцы с мусорными мешками*». Интервьюируемый считает важной проблемой России «*суперцентрализацию*», которая ведет к упадку отдаленных регионов. Такое устройство пространства делает социальную и политическую ситуацию в стране неустойчивой ввиду ее слишком сильной зависимости от положения в столице. В то же время респондент заметил, что в России сейчас делается важный шаг к развитию общества – крупные финансовые сред-

ства выводятся в регионы, создаются системы национальных исследовательских и федеральных университетов, в этом он видит позитивное качественное изменение ситуации в российской провинции.

Респонденты, давшие положительный ответ на этот вопрос (всего двое), аргументировали его с различных позиций. Рассуждения одного из них базировались на мнении, что слово «второсортный», изначально в контексте проблемы столица/провинция наделенное негативными коннотациями, можно употреблять не как оценочное понятие с негативным зарядом, а как синоним слова «вторичный». Такое значение работает сегодня в силу огромной разницы информационных пространств столиц и провинции, когда, действительно, наибольшее количество импульсов развития науки, культуры и искусства исходит из столиц – Москвы и Санкт-Петербурга. Респондент привел следующие аргументы в защиту своей точки зрения: «*Жители, а значит, и "деятели" столиц намного более мобильны и открыты для достижений мировой культуры. Они больше путешествуют, вовлечены в межстрановую культурную и научную деятельность, благодаря знанию языков и, как правило, опыту обучения в зарубежных вузах они плотнее провинциалов интегрированы в мировое сообщество. Это позволяет им следить за последними тенденциями и достижениями мировой культуры, активнее развиваться и постоянно продолжать обучение. "Провинциалы" же, как правило, не реализуют модель "обучение на протяжении всей жизни". Процесс обучения в провинции сводится к регулярному повышению квалификации и навыков в рамках сложившейся еще в молодости схемы восприятия мира, научной и культурной парадигм. Научная и культурная среда провинции более статична и неповоротлива, неохотно поддается радикальным изменениям*». В финале своих рассуждений, участник опроса подтверждает первоначальное утверждение о том, что провинциальная информационная, культурная, научная среда вторична по отношению к этим же средам в столицах.

Второй интервьюируемый, разделивший ту же точку зрения на предложенную проблему, отметил, что в теории огромное пространство и люди, его населяющие, не могут быть «второсортными», но на практике получается именно так, при-

чем нас убеждают в этом все русские книги и фильмы – от классики до современности: «*Но ведь провинция в России – это, фактически, вся Россия! Правда, она, провинция, совсем не однородна. У нее тоже есть внутренняя иерархия. Ярославль и Данилов – две большие разницы, по отношению к Данилову Ярославль – столица. У отечественного провинциала всегда есть спасение: можно обнаружить еще более провинциальное место, чем то, где вынужден жить он*». И если европейцы решили эту проблему посредством региональной идентичности, то в России «*былые традиции утрачены, глобализация сделала свое дело*», преодолеть это можно только сохраняя «пространство памяти», зная историю своей семьи и историю родного края «*хотя бы на уровне исторических мест, памятников местной культуры*».

Остальные интервьюируемые (их оказалось большинство) предпочли не давать однозначный ответ на предложенный вопрос, а критически поразмышлять о поставленной проблеме, опираясь на свой личный и профессиональный опыт. В своих ответах респонденты предлагали различные трактовки термина. Они определяли провинцию, с одной стороны, как то, что не является ни центром, ни периферией, а «*располагается между ними в географическом и смысловом пространстве*», с другой стороны, как «*связное распределенное множество частных неабсолютных центров (и окружающих территорий), живущих своей жизнью, в себе и для себя*». Также участники опроса отмечали, что нигде в мире термин «провинция» не имеет столь негативного оттенка, как в России, где провинция – это всегда плохие коммуникации, причем имеются в виду любые коммуникации – дороги, возможность доступа к услугам, культурной жизни, информационным технологиям. За рубежом тоже есть населенные пункты, удаленные от столицы, но почти всегда – это более комфортный, чем в России, уровень жизни.

И вновь о проблеме самоидентификации: один из героев интервью, говоря о современном Ярославле, отметил, что такой крупный промышленный центр с богатой историей и культурными традициями нельзя назвать ни пригородом Москвы, ни провинцией. И хотя, возможно, с точки зрения москвичей, Ярославль – провинция, но сами ярославцы не могут считать и называть себя провинциалами: «*С точки зрения образования насе-*

ления, развития сфер культуры, спорта, уровня развития производства Ярославль ни в коем случае нельзя назвать провинцией. В современной жизни города, безусловно, есть тенденция к развитию его в сторону столичных масштабов. Но в данной ситуации необходимо четко определить, что мы подразумеваем под столицей. Наш город – это то, что явно не центр и не периферия, и располагается между ними в географическом и смысловом пространстве. Столица – это центр государства или?.. Санкт-Петербург можно назвать провинцией? – конечно, нет. Но ведь он и не столица?! Тот же самый подход, не имеющий единственного ответа на вопрос, применим и к Ярославлю». Респондент, исходя из уровня развития промышленного производства, считает провинцией такие областные центры, как Иваново и Кострома, так как там сейчас нет того уровня промышленности, который давал бы этим регионам жизненные силы. В то же время интервьюируемый, опираясь на инфраструктурный (транспортный) показатель, сравнил Ярославль с другим городом, претендующим на «столичность», – с Красноярском. В обоих городах есть аэропорт, но, по мнению респондента, Ярославлю, находящемуся в трех часах езды от Москвы на машине или на поезде, он нужен в меньшей степени, чем крупному сибирскому городу. Однако Ярославль остается крупнейшим транспортным узлом, что определилось исторически, ведь «*когда-то здесь был крупнейший узел купеческой жизни и разного рода производств*». Респондент подчеркнул, что Ярославль не станет мегаполисом, «*он всегда будет городом со своим населением в 500–600 тысяч людей, и это его ниша*». Тем не менее, прогноз героя был оптимистическим: Ярославль стабилизируется в сферах промышленности, медицины и туризма и останется привлекательным как для инвесторов и промышленников, так и для туристов, «*и это, пожалуй, его ниша*».

Вот еще один взгляд на проблему, сформулированную в вопросе, предложенный также с точки зрения профессиональной специфики. Герой интервью поделился своими ощущениями: если раньше «*столичные чиновники понимали, что приехал человек из провинции по делу, старались экономить его время и деньги, демонстрировали уважительное внимание*», то сейчас «*совершенно непонятно, зачем московские клерки нас собира-*

ют. Мне проще – всего 4 часа езды на машине. А ведь люди приезжают из Сибири, с Дальнего Востока. Как им быть, как себя чувствовать? Такое неуважение сложилось последние лет 10. В голову естественно лезут мысли о «второсортности»…горько это, отвратительно». Фактически, респондент выразил мнение, что само столичное руководство демонстрирует к своим коллегам из провинции отношение в духе булгаковского афоризма, способствуя снижению самооценки и искажению самоидентификации человека.

Интереснейшие рассуждения о столичности и провинциальности через призму творческой деятельности предложил следующий герой интервью: «*Для меня нет провинциальных городов. Я не ощущаю в прямом смысле провинциальности среды. Я так и не разобрался, что значит провинциальность для меня лично. Я работал во Франкфурте, в финансовой столице Европы, крупнейшем мегаполисе, альфа-городе, с максимальными возможностями и ресурсами для развития личности, общества, среды. Франкфурт для меня – не менее и не более провинциален, чем Ярославль. Я очень люблю совсем крошечный, как булавочная головка, Лимбург, объект ЮНЕСКО, законсервированный, сказочный, пряничный, нетипичной красоты город. Я не считаю его провинцией. Это город, в котором можно тихо закончить свой путь. Москва не ошарашила меня своей масштабностью, столичностью. Я никогда не осознавал Москву как столицу, какой-то мегагород, суперсити, «монстр». Для меня Москва – это маленький камерный институт МАРХИ, это родная кафедра, узкий круг единомышленников, друзей. Для меня главное – это люди, ближайший круг, окружение, коллеги, ученики, друзья. Вот это составляет для меня смысл и часть genius loci, духа места. Это не меняется от величины города, не зависит от места расположения, от географии, от каких-то других параметров. Конечно, это субъективная, личностная оценка. Но маленький Лимбург, или Ярославль, или Франкфурт, или Москва, или Санкт-Петербург, откуда родом моя семья, – это для меня близкие, в равной степени интересные, наполненные всеми смыслами жизни места, где можно чувствовать себя полноценно и реализовываться в полной мере*». Респондент объясняет такое своеобразное «выравнивание» пространства, во-первых,

тем, что современный мир стал настолько информационно связан, переплетен и тесен, что теряется ощущение, что есть столица, а что есть провинция. И, во-вторых, обусловливает это особенностями своей профессиональной деятельности: «*Поскольку мы, архитекторы, работаем в электронных сетях, мы работаем на удаленном доступе – пересылаем проекты, получаем заказы, публикуемся в интернете. Мы живем уже в виртуальной среде, которая не зависит от конкретного места. Я сижу у себя в деревне Зманово Борисоглебского уезда и не чувствую себя оторванным от мира, я не чувствую себя обделенным, потому что думаю о том же, о чем я думаю в Москве, о чем я думаю во Франкфурте, о чем я думаю в Лондоне или в Амстердаме. Внутренний мир везде остается неизменным*».

Герой рассказал о специфике деятельности своих европейских коллег. Крупный мастер европейской архитектуры Йохим Йордан «*живет в крошечном, как деревенька, местечке Три желудя, правда, недалеко от Франкфурта, 40 минут езды, но он работает на пол-Европы. Сегодня он в Люксембурге, завтра в Вене, потом Франкфурт, два университета, где он работает профессором. Он много путешествует, но его дом – местечко Три желудя*». Князь Юрген Фон Ройс «*живет в очень маленькой деревне и по уши завален работой. Он также интенсивно работает, независимо от того, что там за окном: кремлевские башни, или Биг Бен, или Эйфелева башня. Это неважно, потому что мы – может быть, в этом особенность архитекторов – живем виртуальной средой, воображаемым миром, который мы придумываем, который мы сочиняем*». Эти примеры как нельзя лучше подтверждают, что, во-первых, ощущение жизненного пространства во многом зависит от профессиональной сферы и, во-вторых, проблема «столица – провинция» – это все-таки российская проблема. Однако, с точки зрения архитектора, для Ярославля актуально то же, что и для Европы: «*мы плоть от плоти европейская культура, мы европейский город, мы европейская среда, здесь всегда жили по-европейски, здесь всегда строили по лучшим европейским образцам, здесь строили хорошие европейские архитекторы или русские архитекторы, которые учились в Европе, ученики европейских мастеров. Я на этом категорически настаиваю, потому что это правда и нельзя ее*

забывать. Наши бульвары, наши площади, наши градостроительные комплексы – это развитие тем традиционной барочной или классицистической архитектуры. Мы всегда брали лучшие европейские образцы и всегда как-то пытались их на себя примерить здесь, в Ярославле».

Респондент полагает, что независимо от того, столица это или провинция, важно создавать комфортную среду жизнедеятельности, учитывающую погодные условия: «*Город является естественным продолжением жилья. В этом наша задача – соединить город и жилье. Чтобы среда была непрерывной, слитной. То, что мы называем энтропией города, градостроительной среды. Вы естественно выходите за порог своего жилища, не съеживаетесь, не скукоживаетесь, не смотрите под ноги, как бы не вляпаться, как бы не споткнуться, не разбиться*». Проблема ярославской ситуации (как и общероссийской) в том, что архитекторам нужна поддержка власти, стабильность, преемственность власти, поскольку градостроительные планы и проекты не воплощаются за один избирательный срок: «*Градостроительные планы развития Парижа, Амстердама, Лондона преемственны. Меняются власти, политические приоритеты, но архитектура градостроительства все время сохраняет основные тренды гуманизма, человеколюбия, позитивизма, уверенности в завтрашнем дне*». По мнению героя интервью, искусство архитектуры в России часто выступает оппозицией сиюминутным интересам власти, когда каждый новый пришедший к власти отрицает все то, что было сделано его предшественником: «*Это убийственно для города, это убийственно для архитектуры*», следовательно, и для «*материальной среды жизни людей*». Вместе с тем, он утверждает, что Ярославль становится лучше: «*город очень прибавил – в качестве жизни, в качестве среды, в образе своем прибавил. Многое воссоздал, многое вернул из утраченного и многое прибавил*».

Говоря о перспективе развития Ярославля, респондент не разделял пространство на провинциальное и столичное, он говорил о городе как метафизическом пространстве: «*Город – это живой организм. Должны добавляться новые клеточки, должны постоянно прирастать ткани. Город нельзя консервировать, город – не музей. Город – не константа. Город – это*

движение, это развитие, это постоянно меняющийся живой организм. Чем больше архитектуры разной, всякой и даже самой авангардной, тем лучше. Лучше для старого города, потому что на контрасте старого и нового физически ощущается время. Когда вы видите XVII в., а напротив – XXI-й, вы понимаете и уважаете эту древность, вы понимаете дистанцию времени. А когда рядом с подлинным XVII-ым стоит подделка XXI в. под тот же XVII в., то следующее поколение ярославцев не будет воспринимать эту древность. Вот в чем главная опасность – в подделках, фальсификатах истории. Поэтому никогда не повторять, никогда не копировать, никогда не подделывать историю. Только вперед, но талантливо и ярко».

В продолжение рассмотрения проблемы провинциального самоощущения в ракурсе творческой деятельности, обратимся к следующему интервью. Театральный режиссер, осуществивший постановки русской классики в российской провинции и в зарубежной столице, рассказывая о своей работе, затрагивает где-то опосредованно, а где-то непосредственно булгаковскую тему «житомирского кузена». Говоря о содержании русской классики, сложно обойти проблему столичного и провинциального, так пьесы Островского – «Бешеные деньги», «Лес» и «На всякого мудреца довольно простоты» – это «*пьесы ряда мировой драматургии. Это школа. Когда-то еще старики-педагоги говорили, что учить надо на Островском. И теперь я понимаю, насколько это правильно. Потому что глубина, содержательность, язык потрясающий, их актуальность, как они попадают в наше время*». В процессе работы над пьесой «На всякого мудреца довольно простоты» режиссера в первую очередь интересовала трансформация умного, талантливого, образованного человека в подлеца. «Ломка» человеком самого себя под влиянием окружающей среды: «*честный человек был. Конечно, в меру разгильдяй, но если молодой – и не разгильдяй, – то это даже странно. И вдруг… России дают свободу, реформы, которые всю страну на дыбы поставили, пришел молодой царь. Вот оно – поле деятельности для талантливых и молодых! Всех стариков-генералов отодвинули, Крутицких в отставку!.. Становится понятно, что ничего не поменялось. Кабинеты те же, таблички поменяли, а люди те же остались <…> И после таких*

колоссальных реформ началась депрессия». Именно эту драму респондент экстраполирует на современных молодых людей в провинции: «*А жить-то всегда хочется хорошо. Я понимаю этих молодых девочек и ребят, которые видят по телевизору «золотую молодежь», смотрят, как они живут, как тусуются, какие одежды носят, о чем говорят, на каких машинах ездят. Очень трудно от этого отказаться. Почему они могут, а я нет? Что за разделение? Почему я должен всю жизнь прозябать в провинции, и участь моя всю жизнь быть шофером или в шахте работать, а этого, который ничем не лучше и не талантливее – по телевизору показывают …*»

Говоря о ситуации в современном российском репертуарном театре, респондент не разделяет ее на столичную и провинциальную – она везде одинакова: «*Из театра уходит исповедальность. Порой проще помигать светом, включить звук, или вот это помешательство на включении видео … Современные технологии так активно входят в жизнь, в театр, что иногда, как говорится, за деревьями леса не видно. Человек перестает быть интересным … И вроде бы все очень новаторски – как в телевизоре, как в Интернете. Вроде бы это – современный язык. Но… Театр появляется только тогда, когда из него выходят потрясенные люди. Потому что с ними разговаривают. Ведь когда я сижу в зрительном зале, у меня параллельно сюжету идет собственный ряд мыслей. В конце концов, человек запоминает не спектакль, он запоминает свою эмоцию от театра. Он может забыть сюжет, подробности, детали. Но ощущение, которое в нем …*» Основную проблему современного репертуарного театра герой интервью видит в его организации: большие труппы, не «проворачиваемый» репертуар, пренебрежение репутацией, которая десятилетиями зарабатывалась, ради сиюминутной прибыли. Наверное, поэтому на вопрос, в каком ритме живет сегодняшний театр, он ответил: «*Есть такая болезнь сердечная – аритмия. Так вот у современного театра нет единого ритма: один живет так, второй по-другому … И каждый сам за себя. Сообщество распалось. Любой российский театр вынужден выживать в одиночку – всеми возможными способами: сдавать зал в аренду, заполнять его школьниками,*

ставить низкопробные пьесы». Вместе с тем, респондент уверен, что сам репертуарный театр нужно сохранять.

Рассуждая о ценности опыта и о качестве драматургии, герой интервью критически отнесся к Западу, традиционно воспринимаемому в России в контексте передового, столичного: «*Когда нам стал доступен западный театр, многие поехали за границу и нахватались тамошних стереотипов. Но надо же понимать, какого театра, каких тем сегодня ждет Запад от России и почему с удовольствием принимает "чернуху". У меня такое ощущение, что в современной российской драматургии возникло мелкотемье*». Респондент в этой связи отдал предпочтение именно российской провинции, обратив внимание, например, на работу костромского драматурга и режиссера Н. В. Коляды, который, как и сам герой интервью, не боится ставить в современном провинциальном театре классику: «*Он ставит Пушкина, Шекспира – большие пьесы, большие темы – в малюсеньком пространстве. И этот театр интересен – даже при всех своих несуразностях, что ли, профессиональных неточностях. Потому что он живой*». А также упомянул ученика Н. В. Коляды драматурга В. В. Сигарева, берущегося за «остросоциальные», «остросовременные» темы: «*перед его замечательным учеником Василием Сигаревым просто снимаю шляпу: молодчина – сам пишет для современного театра и кино, сам кино снимает. Хотя меня, может быть, не совсем устраивает с профессиональной точки зрения, как он это делает. Но я могу простить неумение драматурга, если тема, которую он поднимает, очень задевает. А Сигарев, без сомнения, настоящий художник, которого многое интересует, волнует в этой жизни, у которого что-то болит внутри*».

Затронута была в интервью и трагическая для русской глубинки тема бессильной формальной провинциальной власти, административной машины, которая бездумно, просто по приказу может «задавить» художника: «*Люди, сидящие наверху, решают не творческие, а административные и экономические задачи: сливая два коллектива в один, экономят копейки. И при этом совершенно не прислушиваются к тому, что говорит художественный руководитель. А ведь это собиратель, формирующий коллектив, объединяющий профессионалов, которые*

еще и по-человечески подходят друг другу. И если его не уважают, если не считаются с его мнением, зачем ему оставаться? Художник – птица вольная: уедет – и, поверьте мне, не пропадет. Пропадет город. Впрочем, чиновники это вряд ли понимают: они привыкли выполнять от "А" до "Я" установки начальства. Психология официанта. Вот только с такой психологией нельзя руководить искусством». Увы, в отношении Ярославского ТЮЗа этот сценарий сбылся.

Интересная и, в какой-то мере, парадоксальная ситуация прослеживается в оценке интервьюируемым его работы в Сеуле (Южная Корея). Можно говорить о том, что в восприятии режиссера произошла своего рода инверсия в его восприятии взаимоотношений России с Востоком и Западом, и возникла репрезентативная в ракурсе анализируемой проблемы ситуация. Если традиционно своего рода «столицей» для России был и есть Запад (в широком смысле), то в рассуждениях героя интервью читается его отношение к государству Востока как к прогрессивному, развитому в культурном, экономическом, техническом отношении, а значит, столичному: «*И вновь почувствовал пережитое еще при первой встрече восхищение. Восхищение от гигантских промышленных городов, при этом удивительно чистых, умытых и доброжелательно вежливых, от фантастических дорог, которые сплетают Сеул и города-сателлиты в единое двадцатимиллионное целое, от тихого национального парка с прудом, а в нем лебеди, гуси, журавли, прямо в дебрях индустриальных джунглей. От национального центра искусств Гьенгидо, в котором довелось работать. Это суперсовременный дворец, где под одной крышей собраны опера, балет, театр, джаз. Там четыре сценических площадки: малая, драматическая, оперная и летний театр под открытым небом, вроде древнегреческого. И все это техническое великолепие населено профессионалами высочайшего уровня. Такого классного симфонического оркестра, тем более исполнявшего русскую музыку, я не слышал давно!*» Так же высоко, как качество, респондент оценил и стиль жизни в Южной Корее.

В завершение интервью, респондент определил смысл современного театра: «*Сегодняшний театр – общение равных собеседников. Это приватный диалог, негромкий. Важно, что-*

бы он был неформальным. Именно общение, а не одновременно произносимые монологи», и это определение, в котором отсутствует пафос, но поставлена серьезная задача, отчетливо включается в контекст и стиль провинциальной жизни.

8. Какое из приведенных ниже суждений точнее отражает негативные либо позитивные особенности провинции?

1. «В России центр на периферии» (В. О. Ключевский);

2. «Провинциальный город в России «грязен, пуст, ленив, безграмотен и скучен» (А. П. Чехов);

3. «Россия возродится провинцией» (Д. С. Лихачев);

4.«За что Россия любила Москву? За то, что узнавала в ней себя. Москва охраняла провинциальный уклад, совмещая его с роскошью и культурными благами столицы. На нем лежит печать светлой наивности, доброй здоровой лени» (Г. П. Федотов).

Отвечая на данный вопрос, все респонденты остановили свой выбор на высказывании Д. С. Лихачева *«Россия возродится провинцией»*. Мы склонны видеть в таком единодушии 2 причины. Во-первых, люди среднего и старшего поколений, воспитанные в определенной, идеологически заданной системе нравственных и социальных ценностей, приучены к тому, чтобы искать (стремиться найти) позитивные основания в жизни. Во-вторых, эти же люди, прожившие значительную часть своей жизни в провинции и не рассматривающие перспективу смены места жительства на столицу или иную страну, подсознательно нацелены на приятие сложившихся условий жизни как наилучших или, по крайней мере, достойных.

Интервьюируемые, обосновывая свой выбор, говорили о том, что в настоящее время столица в России утратила свой национальный облик, превратилась в мегаполис, в котором смешались стили, времена и культуры, в то же время провинция с ее неторопливым размеренным ритмом жизни сумела сохранить национальные традиции и нравственную культуру. «*Провинция не рай, но и не ад, это чистилище. Многие весьма успешные жители мегаполисов едут туда спасаться: строят дома, церкви реставрируют, землю пашут, быт облагораживают …*» И не всегда окружающие смотрят на это как на блажь или умопо-

мрачение: «*У провинции есть бесспорные преимущества: физическая жизнь там тяжелее, но брюзжаний бытовых меньше; конкуренции меньше, а цели выше, в духовном плане… В провинцию возвращаются давно покинувшие ее на каком-то новом витке устремлений*». Именно в провинции один из участников опроса видит корни и истоки всего лучшего, что есть в культуре и в людях.

Фразу Д. С. Лихачева одни респонденты восприняли эмоционально: «*Это утверждение – даже не пророчество, а вечная истина. Провинция всегда жила своими трудами, а столица – богатствами провинции. Пока столичные веяния дойдут до провинции, переосмыслятся, обретут реальные формы, глядишь – выходит дело. У провинции нет иного выхода – ей нужно много работать, но результат получается такой, из которого и складывается жизнь*». Другие давали этому высказыванию рациональное объяснение: «*Разница между культурной средой, экономическим и социальным положением, доходами провинции и столиц порождает огромную социальную напряженность. Культурно и экономически депрессивные регионы не могут предоставить своим жителям качественный уровень жизни, досуга, образования. Решением этой проблемы в сфере культуры и искусства должно стать создание ключевых культурных центров вне Москвы и Санкт-Петербурга. Примером подобных начинаний может стать проект по реформированию культурного и информационного пространства Перми. Изменение культурной среды города, создание нового привлекательного образа Перми как одной из культурных столиц привело к сокращению молодежи, желающей покинуть регион. Россия возродится тогда, когда развитие территории страны будет гармоничным, исчезнут диспропорции, которые ведут к конфликту и тормозят развитие удаленных регионов*».

Утверждение Д. С. Лихачева не оставило равнодушным и единственного участника опроса, не нашедшего среди предложенных цитат ни одной, с которой захотел бы согласиться. Но суждение Дмитрия Сергеевича оказалось тем, которое захотелось оспорить: «*В данном случае я выступлю как прагматик, но на сегодня провинция является для столицы обузой. Возрождение невозможно без инвестиций. Это жесткая логика экономи-*

ки XXI в. Если не появятся инвестиции, то ничего не произойдет», то есть провинция сначала сама должна измениться, обновиться.

9. Какие явления (персоны, традиции, памятники, учреждения), принадлежащие провинциальной культуре, достойны, с Вашей точки зрения, общенационального внимания?

Все респонденты нашли явления и объекты, достойные общенационального внимания, в пространствах Ярославля или Ярославской области, многие рассматривали вопрос через призму популярной сейчас темы «бренда» города, а также упоминали об архитектурном наследии Ярославля.

Как «*достойный пример провинциальной культуры*» один из участников опроса привел село Вятское Некрасовского района Ярославской области, которое возродилось благодаря меценатской деятельности, и теперь «*на относительно небольшой площади там расположились уникальные музеи: единственный в России "Музей Ангелов" и "Музей русской предприимчивости", где подобрана уникальная коллекция экспонатов, которые не только можно посмотреть, но и потрогать*». Вместе с тем, респондент отметил, что село, возродив культурный и духовный потенциал, став модным, востребованным и перспективно развивающимся туристическим объектом, не утратило исконные признаки русской провинции, например, угрюмые и недовольные лица местных жителей, настоящий сельский магазин со скудным ассортиментом, соседствующий с парой «*допотопных ларечков*», или бегающие по селу своры собак. Наряду с селом Вятским, интервьюируемый обратил внимание и на другие явления ярославской провинциальной культуры, которые, по его мнению, достойны всеобщего признания, а именно: частный музей-коллекцию «Музыка и время», ежегодный театральный фестиваль имени Ф.Г. Волкова и Толгский женский монастырь. Также респондент назвал человека, которым могут городиться Ярославцы, по его мнению, это хоккеист ярославского «Локомотива» Иван Ткаченко, трагически погибший в расцвете спортивной карьеры вместе со всей командой 9 сентября 2011 г., который активно занимался благотворительной деятельностью. Иван Ткаченко делал крупные взносы на лечение тяжелобольных де-

тей, причем никак не афишировал свою деятельность (об этом стало известно уже после трагической гибели спортсмена).

Знаковым учреждением Ярославля, одним из брендов города, считается Провинциальный колледж, поэтому неудивительно, что при обсуждении предложенного вопроса речь зашла и об этом общеобразовательном учреждении. В самом названии колледжа заложена ирония, направленная против уничижительного отношения к провинции: «*Это некоторый протест, некоторая попытка преодолеть негативные оценки провинции, негативные стереотипы. Жизнь будет такой, какой мы ее сделаем. И облик провинции будет ровно таким, каким мы его сотворим*».

Один из респондентов отметил, что для него гораздо важнее личное отношение, чем общенациональное внимание. Он назвал Ярославль удивительным городом, а его историческую часть – настоящей сокровищницей: церкви, мосты, набережная, парки. Герой специально упомянул и ярославскую Северную Голландию: «*Красный Перекоп – это жемчужина! Когда я ходил по музею дизайна в Тайбее, организованном в здании старой табачной фабрики, я подумал о нашей фабрике «Красный Перекоп» и ее корпусах. Публике нравится бывать в таких местах точно так же, как детям – в домах с приведениями. Привлекательность искусства в индустриальных зонах в том, что они раскрывают широкий контекст политэкономической истории, показывают жизнь простого человека с неожиданной для традиционного музея, но очень важной стороны*». Потому естественно, что размышления респондента были субъективны и отражали, в первую очередь, его личные смыслы и отношения к пространству провинциального города.

В процессе общения с другим респондентом разговор перешел на тему бренда и нового лица современного города с тысячелетней историей, а также о людях, которые создают новую жизнь не провинциального, но и не столичного города Ярославля. По мнению участника нашего опроса, визитной карточкой Ярославля являются его жители, «*начиная от художника Николая Мухина и заканчивая любым заводчанином*». Валентина Терешкова, Федор Волков – это выдающиеся, но отдельные, широко известные личности. А брендом города, по мнению рес-

пондента, не может быть один человек. Бренд – «*это все жители, у которых есть единое желание сделать город лучше, у которых есть единое желание развивать свой потенциал и двигаться в будущее*». Герой интервью назвал в ряду знаковых явлений, во-первых, международного значения то, что Ярославль сохранил уникальный облик своей центральной исторической части, внесенной во всемирное наследие «ЮНЕСКО»; во-вторых, в контексте промышленного значения назвал лакокрасочный комплекс в Ярославле, авиационный комплекс в Рыбинске, железную дорогу; в-третьих, в контексте культурного значения указал театр им. Ф.Г. Волкова, в котором создана «*своеобразная, интересная и очень востребованная труппа*», а также назвал такой культурный объект, как ярославский зоопарк; в-четвертых, в контексте образования отметил значение ярославских вузов – Технического университета, ЯРГУ им. Демидова, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, Медицинской академии, специально подчеркнув, что «*в Ярославле медицина развита на высочайшем уровне – это касается и профессоров, которые работают с пациентами, и высокотехнологичного оборудования, которым сейчас стараются обеспечить медицинские учреждения, и, кроме того, у нас есть своя медицинская академия, которая готовит высококлассных специалистов, которым впоследствии предоставляются рабочие места в родном городе*», здесь же респондент указал, что более 60 лет в Ярославле существует детская железная дорога, которую отремонтировали четыре года назад и теперь «*для учеников создана образовательная база, благодаря которой школьники, получив навыки и знания, поступают в техникум и институт*».

Отвечая на вопрос о явлениях провинциальной культуры, достойных общенационального внимания, один из интервьюируемых заметил: «*Они уже давно справедливо удостоены внимания: и князь, основатель города – Ярослав Мудрый, и герои нашего времени, времени моей молодости. Ярославль прославлен полетом Терешковой, трудами великого математика Колмогорова, сопоставимого с ним по масштабу Ляпунова. Жаль, что имя его мы так и не смогли увековечить мемориальной доской. Ярославль – это Некрасов, прекрасный памятник ему стоит над Волгой, туда всегда приходят люди и вечно будут прихо-*

дить. Прекрасны древние храмы Ярославля и восстановленный Успенский собор». В качестве своих любимых уголков Ярославля респондент назвал традиционные для него места работы и отдыха: «*Республиканская, 108. Это родное, привычное, домашнее и священное. Люблю базу отдыха «Лютово», тоже родное, нашими руками возделанное, созданное, и близь нее деревенский храм. В грустные моменты тянет на Волгу – подолгу смотрю на воду, привожу себя в равновесие. Если есть настроение, посещаю спортивные арены: там прошла моя молодость, и не только в качестве болельщика*». И заметил, что для него любимые места – это не пространственная категория, а человеческая – люди, сыгравшие значимую роль в судьбе, и еще, что природу он ценит больше цивилизации, а цивилизацию воспринимает, «*когда она очеловечена*».

Ярославль – особенный город со своей особенной аурой, – таково мнение еще одного участника нашего опроса. «*Костромич, наверное, скажет то же самое про свой город. Но Кострома – это тихий спящий город, Иваново – тихий, спящий, но без каких-либо культурных традиций. Ярославль же – город, который продолжает развиваться за счет ошибок, неправильного планирования экономики, уничтожения сельского населения, но при этом город остался средневековым русским городом, который сохранил свой непровинциальный шарм. У нас есть простор, простор площадей, ни у кого нет такой стрелки. Все остальные волжские города выглядят как модернизированный Плес*». Респондент подчеркнул, что именно поэтому в Ярославле всегда были и будут моменты, достойные общенационального внимания и обусловленные, в первую очередь, синтезом традиций и новой жизни.

10. Наши исследования показывают, что современный житель русской провинции воплотил в себе такие традиционные признаки русской интеллигенции:

открытость;
наивность;
патриархальность;
высокомерие в сочетании с непризнанностью;
конформизм в сочетании с кухонным диссидентством;

привычка сомневаться в своем праве на чье-либо внимание или материальную поддержку;

несвершенность личности и нереализованность стремлений;

по социально-экономическому положению провинциал приближается к люмпену;

по психическим свойствам провинциал является невротиком;

по темпераменту провинциал чаще всего меланхолик или флегматик;

по типологическим признакам личности провинциал чаще всего интроверт.

Какие из этих признаков кажутся Вам более значимыми, менее значимыми, а каких Вы вовсе не видите?

По результатам анализа ответов, полученных на этот вопрос интервью, наиболее значимыми признаками русской интеллигенции, которые воплотил в себе современный житель русской провинции надо признать, во-первых, открытость, во-вторых, патриархальность и, в-третьих, меланхолический или флегматический темперамент (все эти качества указали по пять респондентов). Три голоса участники опроса отдали таким свойствам интеллигента и провинциала, как, во-первых, наивность, во-вторых, привычка сомневаться в своем праве на чье-либо внимание или материальную поддержку, в-третьих, конформизм в сочетании с кухонным диссидентством. По два голоса было отдано за такие характеристики, как высокомерие в сочетании с непризнанностью и несвершенностью личности и нереализованность стремлений, причем респонденты не видели принципиальной разницы между этими качествами и объединяли их в ответах, также два голоса у такого типологического признака личности провинциала, как интроверсия. Никто из опрошенных не причисляет провинциала по социально-экономическому положению к люмпену и по психическим свойствам к невротику.

Часто интервьюируемые давали развернутые ответы на данный вопрос. Некоторые из этих комментариев выглядят репрезентативно в свете тематики проводимого опроса:

- «*К сожалению, многим провинциалам свойственна некая нереализованность личности, и вследствие этого многие*

получают образование и ни дня не работают по полученной профессии. Кроме этого, провинции в целом, и Ярославлю в частности, свойственна некая патриархальность. Провинциальным городам свойственна рассудительность и медлительность, что часто воспринимают как пассивность и лень»;

- «*Провинция – это действительно неспешные, добрые, открытые люди с традиционными православными устоями, нормами этики, основанной на традиционных российских ценностях. Надо очень бережно, аккуратно относиться к таким вещам. Мы можем привнести в сельскую территорию внешние атрибуты столичной жизни, но там они окажутся абсолютно губительными*»;

- «*Ярославцев отличает то, что это открытый народ, с богатой культурой и спортивными традициями. Никто не предполагал, что та трагедия, которая случилась в сентябре 2011 г. с любимой командой «Локомотив» настолько отзовется в сердцах всех жителей. Это был действительно искренний позыв прийти и почтить. В этом не было фальши*»;

- «*Не вижу в провинциале высокомерия, непризнанность и нереализованность – явления одного корня и только от личности человека зависят, а не от места рождения и жизни. Невротик – это, скорее, столичный человек, находящийся в постоянном стрессе. Открытость весьма спорная привилегия провинциала, не так уж он ко всем входящим расположен. С остальным соглашусь*»;

- «*У Ярославля со своим купеческим менталитетом и шилом в … мозгу есть какая-то перспектива, но, с другой стороны, у этого купечества есть другая, комбинаторская сторона, он совместил в себе удивительные качества конформизма и кухонного диссидентства*»;

- «*Прокомментирую только один признак, который задел за живое – нереализованность. Мы уже касались этой темы, но я снова повторю – провинциал по природе своей жизнестоек, активен, если он действительно хочет чего-то добиться; а если нет, то о какой нереализованности речь. Для человека место жизни не должно быть приговором, скорее это условия задачи, которую каждый по мере своих способностей должен решать*»;

- «*Совсем открытость – «рубашечная» – у провинциала есть, тем более в Ярославской губернии. Ярославский мужичок – хват. На отхожие промыслы в основном из нашей губернии куда уходили? В трактирщики, потому что хваткие и при этом особо не раскрывались. Это черта именно ярославцев. В Ярославле мало по-настоящему открытых людей. В Рыбинске другая ситуация: лагеря были кругом, и, может быть, поэтому особой открытости тоже нет. Но в Данилове, я знаю, очень открытые люди. Чем глубже в провинцию, тем открытее*».

В ходе интервью многие герои выходили за рамки предложенных характеристик и предлагали свое видение типичного провинциала.

С точки зрения одного из участников опроса, меньшая напряженность провинциальной жизни приводит к тому, что «*в нравственном облике людей, в их профессиональной деятельности, в их взаимоотношениях традиционные этические нормы зачастую превалируют над технократическими*». Именно поэтому в провинции сохраняется духовность, доброжелательность, внимательное отношение друг к другу, готовность вникать в проблемы и прийти на помощь. Вместе с тем, респондент с сожалением отмечает и негативные черты: «*Чем дальше мы удаляемся от крупных городов, от центров, тем чаще мы сталкиваемся с ситуациями, когда, с одной стороны, у человека меньше возможностей выбора, с другой стороны, человек оказывается психологически не готовым к этому выбору. И это поистине сущностная характеристика: человек не готов к активным действиям, он априори принимает ту реальность, которая складывается. Заниженный уровень потребностей, заниженный уровень самооценки, отсутствие амбиций, в том числе профессиональных, личностных, – вот, к сожалению, характерные черты провинции*». Респондент предлагал и возможные пути решения обозначенных проблем, актуализируя позицию не просто управленца (как он сам себя назвал), а неравнодушного, деятельного человека с активной жизненной позицией. Интересно, что в этом смысле психологический портрет респондента лишь отчасти соответствует обрисованному им портрету жителя провинции, и это, скорее всего, не сознательное проти-

вопоставление, а один из актуальных для провинции типов личности и способов существования.

Другой интервьюируемый, наряду с перечисленными в вопросе качествами провинциала, – искренностью, открытостью, доверчивостью (зачастую неоправданной), – приписывает им также большее, нежели у столичных жителей, желание «*найти сторонников для себя в своих убеждениях и помыслах*». Столица «*не может похвастаться таким единением и сплоченностью в отличие от маленьких городов*». Вместе с тем, респондент подчеркивает, что провинциалы не идеалисты и четко понимают, что опираться в этом мире можно только на свои силы, они «*доброжелательны, но при этом хорошо знают свою выгоду*». Герой интервью в качестве подтверждения своим словам приводит фрагмент из описания Рыбинска 1902 г.: «*Рыбинск ласковый, но не всегда простодушный, доброжелателен, но без потери своих выгод ... дома хорошо отремонтированы, а некоторые изнутри цветными бумажками ощекатурены. Рыбинске женщины одеваются едва ли не лучше, чем в других городах губернии, в основном в немецком*», и обращает внимание, что этот уклад остался и сегодня в тех городах, которые прежде были купеческими и сохранили крепкие устои.

Один из участников нашего опроса отметил, что провинциал, скорее, экстраверт, и выделил такую черту, как «веселость» – «*как бы там ни было, в Ярославле веселые люди*», и также сослался на книжное описание: «*ярославский парень изворотлив, ловок, хитер, ярославская девушка – краса и остра на язык*». Свой отчасти идеализированный взгляд на провинциальных людей респондент дополнил следующим комментарием: «*Любопытство – отличительная черта провинции. Провинциальные люди всегда посмотрят другому в лицо, они внимательней друг к другу*».

Еще одна характеристика жителей провинции, на которую обратил внимание другой собеседник, воспринимаемая им негативно и вызывающая его беспокойство, – это социальная футурофобия или боязнь будущего, которая «*к сожалению, укоренилась, как я наблюдаю уже не один десяток лет, в ярославском социуме, в среде ярославцев*». Он считает, что футурофобия присуща не только Ярославлю, что это «*социальная болезнь, со-*

циальный пессимизм, вызванный действительно сложной историей последних десятилетий, российской историей в первую очередь». Герой интервью отметил, что не видел этого в Европе, что это характерная черта именно России: «*Сложность последних десятилетий российской истории – в переменах, когда на бытовом уровне, на бытовом сознании мы ничего не ждем лучшего от завтрашнего дня, мы живем, как постмодернисты, по формуле «у нас уже было будущее», то есть все лучшее было уже позади, и мы от завтрашнего дня ждем чего-то неприятного, каких-то очередных неприятных сюрпризов, ухудшения то экономической ситуации, то политической, то криминальной. А новости подталкивают к такому восприятию действительности, новости, которые обрушиваются на головы обывателей каждый день, когда мы начинаем думать только о плохом. Конечно, мы имеем в результате социальный пессимизм и футурофобию. Люди боятся перемен, боятся что-то менять*».

Наряду с вышесказанным, респондент отметил черту, характерную для России (как провинции) в сопоставлении с Европой (как столицей) – это недоверие к профессионалам: «*Там (в Европе) в дискуссиях даже обыватели, даже домохозяйки ориентируются на мнение профессионалов, мнение специалистов. А у нас специалист, профессионал – это проклятая судьба. Это человек, который явно лжет, подкупленный, в сговоре с властью и прочее. Наш нигилизм, недоверие к знанию, к профессионализму – это, к сожалению, еще одна из наших психологических черт. Не любим, потому что не знаем. А не знаем, потому что не верим. А не верим, потому что не хотим. Замкнутый круг – и его нужно разрывать. Разрывать иногда решительными шагами по переустройству мира, города. На это способна только сильная власть, которая живет не политическим мироустройством у себя под носом на ближайшую выборную перспективу, а которая думает о судьбе города*».

На предложение охарактеризовать сегодняшний Ярославль собеседник сказал, что в нем мало света, много теней и из цветов преобладает серый, и предположил, что такая среда негативно сказывается на состоянии горожан: «*По психологии восприятия больше чем на половину психотип личности, восприятие формируются материальной средой. Все зависит от того,*

где человек родился: в подземелье (как у Короленко "Дети подземелья") или в Трианоне Версаля. Если ребенок вырос в парке Версаля, у него иное восприятие мира, чем в казармах на Калмыкова или в коммуналке где-нибудь на Резинотехнике». Серые тени, пасмурность, «*насупленность*» и «*неулыбчивость*» окружающего пространства влияют на людей: «*Посмотрите на лица наших граждан в маршрутке, на улице – насупленные, суровые, иногда просто неприветливые*». Именно среда, в которой человек находится постоянно, от рождения до смерти, задает личностный потолок, потолок восприятия, и редко кому удается преодолеть эти границы: «*Если мы говорим о массовом счастье, о счастье всех горожан, то, конечно, нужно этот потолок поднимать, поднимать качество света, качество цвета, оптимизма, жизнерадостности. Чтобы все было, как в любимом жилище. Чтобы все обустраивалось и прихорашивалось поколение за поколением*».

Вместе с тем, респондент заметил, что в городе был небольшой «*период оптимизма*», социального подъема, который наблюдался в канун 1000-летия Ярославля: «*я видел счастливые лица, я видел улыбающихся людей на улицах, я видел эти лица перед Успенским собором, на обновленной Стрелке, на Которосльной набережной, перед планетарием. Я видел их во многих уголках Ярославля, на том же Первомайском бульваре у Горки. Лица, которые с интересом и любопытством, по крайней мере, с эмоциями – воспринимали. Самое страшное – это скука, самое страшное – это отсутствие эмоций, отсутствие всяких реакций, мертвечина. Пусть новое раздражает, пусть оно волнует, главное – не дает уснуть, не дает впасть в апатию*». По мнению респондента, перед 1000-летием в городе можно было увидеть людей, хотя бы на время «*излечившихся от социальных страхов*», да и сам город стал лучше, чище, наряднее, появились новые места для посещения, отдыха, появились пусть небольшие, но яркие вкрапления современной европейской архитектуры. Все это герой называет позитивными примерами обновления среды, и добавляет, что «*без обновления нет развития, и сохранение невозможно без развития… Чтобы у города было будущее, его надо строить. Выживает лишь то, что растет, что развивается*».

Сведения об авторах

Горохова Олеся Викторовна – кандидат культурологии, методист ГОУ ДПО ЯО «Учебно-методический и информационный центр работников культуры и искусства Ярославской области».

Густякова Дарья Юрьевна – кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры культурологии ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского».

Дидковская Наталья Александровна – кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского».

Добрецова Светлана Александровна – студентка специальности «культурология» с дополнительной специальностью «иностранный язык» ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского» (выпуск 2013 г.).

Ерёмин Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, начальник отдела научных исследований ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского».

Ерохина Татьяна Иосифовна – доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой культурологии ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского».

Злотникова Татьяна Семёновна – доктор искусствоведения, профессор кафедры культурологии ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», директор Научно-образовательного центра, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН.

Лётина Наталия Николаевна – доктор культурологии, доцент кафедры культурологии ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского».

Никифоров Юрий Сергеевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», ученый секретарь университета.

Новиков Михаил Васильевич – доктор исторических наук, профессор, первый проректор ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН.

Сиротина Татьяна Александровна – аспирантка кафедры культурологии ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», архитектор.

Старшова Анна Петровна – кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры культурологии ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского».

Ходырев Александр Михайлович – кандидат педагогических наук, зам. директора Ярославского регионального инновационно-образовательного центра «Новая школа».

Шахова Елена Александровна – научный сотрудник Научно-образовательного центра, соискатель кафедры культурологии ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского».

Научное издание

Модель культуры русской провинции в аутентичном, историко-типологическом и глобализационном дискурсах

Коллективная монография

Научные редакторы
Татьяна Семеновна Злотникова
Татьяна Иосифовна Ерохина
Наталья Николаевна Лётина
Михаил Васильевич Новиков

Редактор Ж.К. Гапонова
Технический редактор выпускных сведений С.А. Сосновцева
Компьютерное макетирование – Ю.В. Яковлева

Подписано в печать 30.07.2013
Формат 60x90/16.
Объем 18 п. л.; 14 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108

Фирма-типография
ИД «Канцлер» (ООО «Канцлер»)
150008, г. Ярославль, ул. Клубная, 4-49
Телефон (4852) 58-76-33